

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

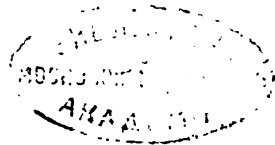
8

351

О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ

ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

И. Срезневскаго.

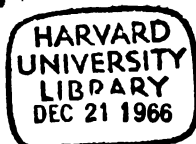

САНК ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

27223.1.50

58 ★ 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 14 октября 1847 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1847

О языческихъ вѣрованіяхъ древнихъ Славянъ писали многіе: одни заботились о подробностяхъ частныхъ, о объясненіи и разъясненіи данныхъ, важныхъ исключительно для древностей Славянъ; другіе отваживались и на общенсторическіе выводы; или разсматривая идеологию Славянскую въ соотношеніи съ идеологіями другихъ народовъ, или посредствомъ сравнительнаго объясненія ихъ взаимно. До извѣстной, не очень видной степени, достигали своей цѣли и тѣ и другіе; была впрочемъ болѣе неудачъ, чѣмъ успѣховъ. Извѣститель встрѣчаетъ неразрѣшенныхъ вопросовъ несравненно болѣе, чѣмъ удовлетворительныхъ ответовъ. Собрать много фактовъ, не привыкая усидѣть оцѣнить, очень немногіе изъ нихъ.

Для объясненія языческаго богослуженія древнихъ Славянъ не сдѣлано и того. Вниманіе обращалось на него только мимоходомъ; но его свѣдомъ съ вѣрованіями и постоянно ограничивалось въ кругѣ свѣденій, давно извѣстныхъ. Нѣтъ до сихъ поръ ни одного сочиненія, въ которомъ бы этотъ предметъ разсмотрѣнъ былъ сколько нибудь обстоятельно, нѣтъ даже простаго сборника фактовъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что недалеко уже время, когда напрасно будетъ обращаться къ преданіямъ и обычаямъ народнымъ для изученія древнихъ языческихъ обычаевъ и преданій, и когда, слѣдовательно, многое, что требуетъ объясненія въ свидѣтельствахъ современниковъ въ этомъ отношеніи, не будучи отмѣчено въ свою пору, останется на всегда необъясненнымъ. Вотъ что внушило мнѣ смѣлость издать мои изслѣдованія о языческомъ богослуженіи Славянскомъ, соединивши въ нихъ съ современными свидѣтельствами все, что изъ остатковъ языческой обрядности удалось мнѣ заимствовать въ народѣ. Матеріаломъ мною собраннымъ желаю посылно облегчить трудъ мѣстныхъ наблюдателей, и издаю его не столько какъ пособіе для изученія языческаго Славянскаго богослуженія, сколько какъ сборникъ для дополненій и поправокъ: чѣмъ болѣе тѣхъ и другихъ вызоветъ моя книга, тѣмъ лучше достигнетъ своей цѣли.

Во «введеніи» (стр. 1—18) представленъ общій очеркъ языческихъ вѣрованій Славянъ.

Въ «главѣ первой» (19—56) заключаются свѣденія о святилищахъ богослуженія: I о вѣстахъ поклоненія стихійнымъ божествамъ воды (19—23) и огня (23—26); II. о святилищахъ горныхъ (27—28) и лѣсныхъ (28—32); III. о городищахъ (32—37), и IV. о храмахъ (37—47) и идолопоклонствѣ (48—56).

Въ «главѣ второй» (57—93) содержатся свѣденія объ обрядахъ богослуженія: I. объ исполнителяхъ обрядовъ, жрецахъ (57—61); II. о поклоненіи и молитвахъ (61—66); III. о жертвоприношеніяхъ разнаго рода, т. е. возмошеніяхъ благоволеніи, яствами и оружіемъ (66—71), и собственныхъ жертвахъ—закланіи (71—73) и сожженіи (75—76) животныхъ и людей (76—79); IV. о изданіяхъ жребіемъ (80—83) и прорицаніяхъ (82—86); V. о порядкѣ богослужебнаго обряда (86—88) и религіозныхъ мистеріяхъ и играхъ (89—93), его сопровождавшихъ.

Вездѣ, гдѣ казалось мнѣ позволительнымъ и возможнымъ, прибавляя я къ фактамъ общіе выводы изъ нихъ, а въ концѣ книги (94—96) помѣстилъ, какъ заключеніе, краткій очеркъ этихъ выводовъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Языческая религія древнихъ Славянъ была основана на положительныхъ догматахъ, которыми опредѣлялись понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ природѣ и человѣку. Трудно разгадать эти догматы вполне, трудно представить ихъ себѣ въ такой связи, въ какой представлялъ ихъ тотъ, кто ихъ вѣровалъ, потому что научать ихъ мы должны или изъ сказаній новѣрцевъ, которымъ и тяжело, и стыдно было стараться разгадывать ихъ смыслъ, или изъ преданій народа, мало по малу отставшаго отъ понятій языческихъ, привыкшаго бояться язычества и смѣло удерживавшаго изъ него только то, въ чемъ онъ его не замѣчалъ. Впрочемъ, и въ этихъ сказаніяхъ и преданіяхъ

главные догматы выразились довольно ясно. Таковы догматы: о могуществѣ божества въ природѣ, о его вліяніи на человѣка, о душѣ человѣческой, ея безсмертіи и надеждахъ. — Предположивъ ограничить эти изслѣдованія однимъ богослуженіемъ языческихъ Славянъ, я оставляю въ сторонѣ подробный разборъ ихъ вѣрованій и мнѣевъ, съ ними соединенныхъ; впрочемъ, долгомъ считаю коснуться вѣрованій въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ соотношеніи съ богослуженіемъ.

Между языческими догматами древнихъ Славянъ первое мѣсто занимаетъ догматъ о единомъ, верховномъ Богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Несмотря на постепенное развитіе идолопоклонства и на долговременное бореііе Славянъ язычниковъ съ Христіанствомъ—бореніе, которое могло содѣйствовать скорѣе усиленію тѣхъ догматовъ, которые были ему противны, нежели тѣхъ, которые могли пробуждать въ язычникахъ довѣренность къ истинѣ Христіанской, — единобожіе было признаваемо Славянами язычниками въ XII вѣкѣ на сѣверѣ, какъ было признаваемо ими VI вѣкѣ на югѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрованіе многимъ изъ Славянъ, не по насилію принимавшамъ Христіанство, облегчало и переходъ ихъ отъ язычества. Древнѣйшее свидѣтельство о единобожіи Славянскомъ принадлежитъ Прокопію Кесарійскому: «Они исповѣдуютъ—говоритъ онъ—единого бога, производителя молніи, господа міра и приносятъ ему въ жертву быковъ и другіе обѣты. Судьбы совсѣмъ не знаютъ и не придаютъ ей никакой власти надъ смертными; но, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщаютъ богу принести жертву за спасеніе жизни и, избѣжавъ опасности, приносятъ въ жертву обѣщанное, думая, что такой жертвой сохранили себѣ жизнь»¹. Спустя пять столѣтій послѣ Прокопія писалъ о единобожіи Славянскомъ Нѣмецкій лѣтописецъ Гельмольдъ: «Между разнообразными божествами, во власти которыхъ Славяне считаютъ поля и лѣса, печали и наслажденія—писалъ онъ—Славяне отличаютъ единого бога на небесахъ, повелѣвающего другимъ, прародителя ихъ всемогущаго Бога богевъ, заботящагося только о небесномъ»². Вѣрованіе въ единого, верховнаго Бога выражено въ обоихъ сказаніяхъ ясно; но, сравнивая оба сказанія, выходя въ смыслъ ихъ, не можешь не видѣть между ними разницы довольно рѣзкой: въ очеркѣ Проко-

¹ Прокопій. De bello Gothico. III, 14.

² Гельмольдъ. Chronicon Slavorum. I. 84.

нія видимъ единаго Бога, хотъ и безъ яснаго тѣлеснаго образа, но существомъ близкимъ къ тѣлесной природѣ, въ непосредственныхъ соотношеніяхъ съ человѣкомъ, его нуждами и мольбами; въ очеркѣ Гельмольда онъ представляется, напротивъ того, всемогущимъ и невидимымъ господомъ неба, прародителемъ боговъ, далекимъ отъ людей, передавшимъ земную природу божествамъ, ему покорнымъ. Соединить тѣ и другія черты вмѣстѣ, какъ качества одного и того же божества, невозможно: различіе коренное, несовмѣстимое. Чѣмъ же объяснить его? тѣмъ ли, что понятія разныхъ Славянъ о верховномъ богѣ были различны? или тѣмъ, что Славяне съ теченіемъ времени измѣнили свое понятіе о верховномъ Богѣ? Едва ли! Напротивъ того, кажется, Прокопій въ своемъ очеркѣ смѣшалъ два различныя понятія: понятіе о верховномъ Богѣ боговъ и понятіе о Перунѣ. Отдѣлите въ его сказаніи то, что принадлежитъ Перуну, и останутся черты, которыми Гельмольдъ изображалъ Бога боговъ: не Богу невидимому, а Перуну Славяне приносили жертвы и обѣты; не Его, Господа міра, а Перуна считали производителемъ молніи. Что Господь міра, Богъ боговъ, былъ почитаемъ Славянами отдѣльно отъ Перуна, доказательство тому есть и въ договорѣ Игоря съ Греками; тамъ читаемъ: «И елво ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ бога *им* отъ Перуна».... Да булетъ клятв отъ Бога и отъ Перуна»¹. Замѣчательно, что и Гельмольдъ не совершенно ясно представлялъ себѣ понятіе Славянъ о верховномъ Богѣ: онъ смѣшивалъ его со Святovidомъ. Въ одномъ мѣстѣ назвалъ онъ Святovidа Богомъ боговъ (*Deus deorum*), а въ другомъ назвалъ прочихъ боговъ въ отношеніи къ Святovidу полубогами (*quasi semidei*),² а между тѣмъ, описывалъ Святovidа богомъ, который заботился не объ одномъ небесномъ, которому молились и приносили жертвы, отъ котораго ожидали предсказаній о будущемъ и помощи въ бѣдахъ, точно такъ же, какъ описывалъ его Саксо грамматикъ — божествомъ высокимъ, но не высшимъ.³ Нельзя опускать изъ виду этого смѣшиванья Бога боговъ съ Перуномъ и Святovidомъ, по-

¹ *Несторъ*, по Лаврент. свиску. Полн. Собр. Лѣт. I Спб. 1846, стр. 20 и 23.

² *Гельмольдъ*. I, 53. II, 12.

³ *Гельмольдъ*. I, 6, II, 12. и пр. *Саксо грам. Historia Danica*. XIV. (rec. P. Müller et I. Welschov. Havn. 1839). 823, 826.

казывающаго, какъ высоко были чтимы эти послѣдніе; тѣмъ не менѣе очевидно, что Богъ боговъ былъ обожаемъ отдѣльно. Понятіе Славянъ о немъ приближалось болѣе къ понятію о Богѣ Христіанъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ видѣли они Господа міра, котораго воля править его судьбами, котораго промыслъ не допускалъ, слѣдовательно, никакой случайности, никакой слѣпой судьбы; его почитали владыкою неба, источникомъ божественной силы; его называли Великимъ богомъ, Богомъ боговъ, Старымъ богомъ, Прабогомъ¹.

Другіе боги въ отношеніи къ нему были, какъ выражаются Лужицане, прибогами (prıbohojo)²; они были его произведеніями, властями отъ него зависящими, посредниками между нимъ и міромъ, сильными его силой, и то не всѣ одинаково. Не мудрено, что Славянинъ смѣшивалъ ихъ съ тѣлесною природою, что въ своемъ воображеніи населялъ ими весь міръ — и землю, и небо. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ — въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранился вѣрїя въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовнъ богомъ вѣтровъ почитали Стрибога³; богомъ грома и молн. Перуна⁴; обожали солнце подъ именами Волоса, Хорса-Дажь-

¹ Коларъ: *Národní Spiewanky Slowakůw*. Budin. 1834. I. 422. *Палковичъ*: *Böhm. Wörterbuch*. Presburg. 1821. II. 1711. • *Stary buch*. • И у Нѣмцевъ *der alte Gott*. (Grimm, 19). У Сербовъ: «стари вѣрвникъ» (Вукъ, Песме. Ст. изд. II. 244).

² *Свотликъ*, *Vocabularium Latino-Serbicum*. Budischin. 1721. (безъ означ. стр.) подъ словъ: *idolum* и пр.

³ Смotr. ниже, а также *Касторская*: *Начертаніе Слав. Мифологїи*. СПб. 1841. стр. 130-138, 178-182.

⁴ *Несторъ*, 34. *Слово о Полку Игоръ*. въ Русск. Достоп. II, 62 и 214. *Юнмана* *Slownik Ces*. IV. 349. *Снеишевъ*: Русскіе въ пословицахъ М. 1831. IV. 12-16. *Пословица Галицкая*: «Витеръ — божій духъ» у *Илькевича*: *Галиц. Приповѣдки*. Вѣдѣнь. 1841. стр. 17.

⁵ *Несторъ*: 20, 23, 31, 34, 50. *Слово Христороубца у Востокова*, *Опис. Русей Румянц*. Муз. Сиб. 1842 стр. 228 и 229. *Вацерадъ* въ *Словарѣ у Шафарика и Палацкаю*, *Denkmäler der Böhm. Sprache*. Prag. 1841. стр. 220. *Коларъ*, *ib*. I, 67 и 407.

бога, Сварожина, Радагаста, Святовила, Яровита ¹ и пр.; обо-
жали звѣзды и мѣсяць ² вѣроятно такъ же, т. е. и какъ божес-
тва, и какъ жилища божествъ. Чувствуя силу природы, Сла-
вянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество, и по ея
дѣйствию, были ли они благотѣльны для него, или вредны,
благоговѣялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. Такимъ обо-
готвореніемъ природы, ея стихій, частей и силъ, начали Сла-
вяне циклъ своего многобожія, все болѣе умножали именъ объ-
отдѣльныхъ богахъ, все болѣе примѣняли ихъ къ человѣку, къ
его нуждамъ и ожиданіямъ, все болѣе увеличивали число бо-
говъ и число ихъ качествъ и названій, — такъ что наконецъ
верховный Богъ представился родоначальникомъ огромной семьи
боговъ, правящихъ всѣмъ поднебеснымъ. Это была настоящая
семья, въ которой члены связаны были узами кровнаго род-
ства, семья боговъ и богинь, родителей и дѣтей. — О богиняхъ
Славянскихъ имѣемъ различныя свидѣтельства, начиная съ VI
вѣка. О нимфахъ, обожаемыхъ Славянами, упоминаетъ Прокопій
³. У Масуди читаемъ, что противъ главнаго идола, нахо-
дившагося въ одномъ изъ храмовъ Славянскихъ, стоялъ другой,
изображавшій дѣву ⁴. Ибизъ-Фозланъ упоминаетъ о женахъ и
дочерахъ Русскаго бога ⁵. Титмаръ говоритъ въ одномъ мѣстѣ
своей хроники о богинѣ Лютичей, а въ другомъ объ изображе-
ніяхъ богинь въ храмѣ Ротрскомъ ⁶. О служеніи богинямъ чи-
таемъ въ прибавленіи къ древнему переводу Григорія Назіанзи-

¹ Восточ. сказанія объ этомъ у Шармуа, *Rélation de Masoudy etc. Mémoires de l'Acad. de S. Pbg. VI-ème serie, II. 319 и 326.* Халкондила у Стриттера, *Memoriae populorum*. II. 1061. Слово Кирилла въ Москвитянинѣ на 1844 годъ. I. 243. Кириллъ Туровскій въ Памятникахъ Словесности XII вѣка. М. 1822. Стр. 19. Особенное изслѣдованіе мое объ обожаніи солнца древними Славянами помѣщено въ Журн. Мин. Народ. Просв. за 1846 г. № 7.

² *Весифиашъ* у Шармуа, *ib.* 326. Его слова подтверждаются народными преданіями и повѣрьюми. Шафарикъ, *Slow. Starozitnosti. Praha. 1837.* Стр. 587. и пр.

³ *Прокопій.* III. 14.

⁴ *Масуди.* *ib.* 340.

⁵ *Френъ, Jbn-Fozlans Berichte S. Pbg. 1823.* Стр. 9.

⁶ *Титмаръ Chronicon. VI. 17, VII. 47.*

на, въ словѣ Христолюбца, у Длугоша и пр. ¹ До насъ дошло и нѣсколько названій богинь Славянскихъ. Гельмольдъ, Вацерадъ и Прокошь говорятъ о богинѣ Живѣ; Вацераду еще были извѣстны: Дѣвана, Лѣтница, Лада, Лютница, Морана, Хлипца; Длугошу — Дѣвляя, Дѣвана, Маряна, и пр. ² Древнѣйшее изъ сказаній о семейномъ родствѣ боговъ Славянскихъ принадлежитъ Ибнъ-Фоцлану: изъ него узнаемъ, какъ было уже выше замѣчено, что Русскіе представляли одного изъ своихъ боговъ мужемъ и отцомъ. Сказаніе Гельмольда еще важнѣе: Верховнаго Славянскаго Бога представляетъ оно родоначальникомъ всѣхъ другихъ боговъ, а ихъ—исполнителями порученныхъ имъ должностей, такъ что, происходя отъ него, они были тѣмъ сильнѣе, чѣмъ были ближе родствомъ къ всемогущему Богу боговъ ³. Въ дополненіе къ этому нельзя не вспомнить и отдѣльныхъ мѣстовъ о родствѣ боговъ. Къ сожалѣнію, отъ современниковъ осталось ихъ намъ очень немного: у Вацерада читаемъ, что Дѣвану считали дочерью Перуна и Лѣтницы, Радагаста—внукомъ Кърта, Страцца—сыномъ Сытиврата ⁴; въ словѣ о Полку Игоревомъ представляется Стрибогъ дѣдомъ вѣтровъ, Велесъ—дѣдомъ пѣвца Болна, Дажьбогъ—дѣдомъ Владимира ⁵; въ Ипатьевской лѣтописи тотъ же Дажьбогъ названъ сыномъ Сварога ⁶; изъ другихъ источниковъ узнаемъ о Сварожичѣ, самое имя котораго, по своему образованію, намекаетъ на его происхожденіе отъ Сварога ⁷. Вотъ почти все, что знаемъ о родствѣ Сла-

¹ Длугошь, Historia. V. 9. Переводъ Григорія Назіанзина у Кеплена, Библ. Листы, 1825. N 7. 88. Слово Христолюбца. ib. 228.

² Гельмольдъ. I, 53. Вацерадъ. ib. 211, 213, 215, 216, 217, 231. Прокошь, Chronicon Slavo-Sarm. Warsz. 1827. 113. Мнѣніе о немъ Гримма, Deutsche Mythologie (2-e A.) Gött. 1844. 643.

³ Гельмольдъ. I, 84.

⁴ Вацерадъ ib. 211, 223, 225.

⁵ Слово о Полку Игоревомъ. ib. 28, 62, 78, 92. «Погибашеть жизнь Дажь-Божа внука. . . Въстала обидя въ силахъ Дажь-Божа внука. Срав. Пѣти было пѣсьи Игоревы, того (Троляна) внуку. — а выше: Почнешъ же братіе повѣсть сію отъ стараго Владимира». Вуукъ—потомокъ: Ярославъ и вси внуци Всеслави. .

⁶ Ипатьев. Лѣт. въ Полномъ собр. Рус. лѣтописей. Спб. 1843. II. 5.

⁷ Титмаръ. VI, 17. Письмо св. Бруна къ Генриху II. (Pertz, Monumenta Germaniæ Hanover, 1829. V. 812). Слово Христолюбца. ib. 228. Справ. Casopis Ces. Mus. 1844 Стр. 486.

вянскихъ боговъ: мало этого для мнѣолога, но достаточно для убѣжденія, что вѣрованіе въ семейную связь божествъ у Славянъ существовало и было распространено между ними. Оно соединялось съ вѣрованіемъ въ безусловное могущество божественной природы.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, на небѣ и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что и жизнь его и все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію Славянъ, жизнью каждого человѣка. Живу считали они богиней жизни ¹, а Сывитрата—богомъ времени ². Кромѣ того они вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. У Болгаръ онѣ называются «орисницами»: двѣ или три изъ нихъ являются къ новорожденному и предсказываютъ будущее ³. Корутане называютъ ихъ «роженницами» и рассказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звезду, а на землѣ свою роженницу, которая предсказываетъ ему судьбу его ⁴. Русскіе вѣрили также въ эти существа, какъ узнаемъ изъ Слова Христолюбца: «молятся и роду и рожаницамъ.... беззаконная трагѣва иѣвимаа роду и рожаницамъ» ⁵. Въ Вопросаніяхъ Кирика также читаемъ: «Аже се роду и рожаницѣ крають хлѣбы и сыры и медъ?—Бороняше ведьми. Нѣгдѣ, рече, молвить: горе піющимъ рожаницѣ» ⁶. Родомъ называется въ нѣкоторыхъ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ, равно какъ и въ Словѣ Давиіла Заточника, духъ или привидѣніе ⁷, а словомъ «рожденница» це-

¹ Прокошъ. 113. Длугошъ. V. 9.

² Масуды, ib. 320. Видухмидъ, Res gestæ Saxoniar. III. 68. Вацерадъ, ib. 224.

³ Жур. Мин. Нар. Просв. 1846. Дек. Отд. II. 210.

⁴ С. Вразъ, Glasl iz dubrave Žeravinske. Zagreb 1841. Стр. 118—119.

⁵ Слово Христолюбца, id. 229.

⁶ Памят. Слов. XII в. 179.

⁷ Слово Давиіла Заточ. въ Памятникахъ Слов. XII в. Стр. 236. «Дѣтв бѣгають рода».

реводится иногда, по замѣчанію Прейса, Греческое слово *τύχη*. Выраженіе «на роду написано» напоминаетъ Хорватское преданіе о книгѣ «Рожденіи», по которой всякій можетъ узнать судьбу своей жизни. Въ извѣстіи «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ» есть описаніе подобной книги подъ названіемъ Шестодневца: «безумніи люди вѣрующе и волхвуютъ, и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе, и урока житію, и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ, ищутъ своимъ безуміемъ, и призываютъ бѣсовъ на помощь»¹. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Такъ Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать», «суженаго копей не объѣдешь», или, какъ выражались Боянъ и Даниилъ Заточникъ: «ни хитру, ни горазду суда божія не минути»; Сербы говорятъ: «испред божје волје никуд никамо, од суденја се не може утечи, и т. д.»² Нуждавшійся въ помощи боговъ обращался къ нимъ, какъ къ своимъ спасителямъ: этимъ именемъ называются боги въ пѣсняхъ Краледворской рукописи³. Подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ считались сироты и всѣ бѣдные. Такъ Малоруссы говорятъ: «за сиротою Богъ съ калитою»; а у Сербовъ сохранился пословица: «да није сиротније не би ни сунце гријало». То же понятіе живо и у Хорутанъ, которые въ одной пѣснѣ заставляютъ такъ говорить солнце: «*jae pa ne tan sakati, tan w'liko objewati, vse dolince ino chriberce, tudi vse moje s'gotice*»⁴. Тутъ же можно вспомнить и то, что нищихъ и бѣдныхъ у Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ называютъ — убогими, у Сербовъ — божьяками, у Хорутанъ — богцами, и пр. Вотъ почему и часть жертвоприношеній принадлежала бѣднымъ;

¹ *Калайдовича*, Іоаннъ Эвз. Болг. М. 1824. Стр. 212.

² *Слово о Полку Игор.* ib. 202 *Слово Данила Заточ.* ib. 231. Зане во провѣте часть моя. Повѣдаху ми, яко той ести судъ Божій надъ мною, и суда де Божія ни хитру уму ни горазду не минути. Судъ ли то Божій, не вѣмъ, Княже, едали ты вѣси. Друзи же мои и ближніи вѣдаютъ тое и отвьргшася мене. Въ печатномъ у Калайдовича это мѣсто пропущено. *В. С. Караджич*, Српске пословице. Петинь. 1836. Стр. 196, 244.

³ *Краледвор. рпсь.* (4-е изд. Прага). IV: 145, 158. VI: 136.

⁴ *В. С. Караджич.* ib. 54. Пѣсня Хорутанская записана мною въ Зильской долині въ Каринтіи. О ней *Ярникъ*, Versuch e. Etymologikons der Sloven. Mundart. Klagenfurt. 1832. Стр. 202.

вотъ почему и вообще старались помогать бѣднымъ, такъ что современники встрѣчали у Славянъ мало нищихъ¹.

Славяне вѣрили, что боги, и въ милости, и въ гнѣвѣ предсказываютъ человеку будущее сами, безъ его молевій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знатъ; ждать ли ему удачи въ дѣлѣ, или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у вѣхъ Славянъ, и въ свое время было замѣчено современниками. Ограничусь указаніями, болѣе другихъ любопытными. Изъ словъ Масуди можемъ догадываться, что въ храмахъ Славянскихъ искали и находили предзнаменованія въ солнцѣ². «Знаменье бо — говорить летописецъ — небеси или звѣздахъ, или въ солнцѣ, или птицами; или естеромъ чимъ не благо бываютъ: ли проявленіе рати, ли гладъ, ли смерть проявляютъ». У Руанъ каждое встрѣтившееся животное предсказывало будущее³. У Редарей, по словамъ Титмара, особенно важно было появленіе вепря: какъ предвѣститель страшной войны, онъ выходилъ изъ шора, огромный, съ блестящими клыками, покрытый пѣною, и съ ужаснымъ ревомъ валялся по тинѣ⁴. «Онъ кобені пѣтичь смотритъ, онъ стрѣтѣиия съвнитъся» — говорятъ переводчикъ Григорія Назіанзина⁵. «Вѣруемъ — говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ — въ потны и въ датля, и въ вороны, и въ синици. Коли гдѣ хожемъ поити, которая переди поиграеть, то станемъ послушающе, правая ли дѣвая; ли да ще ны поиграеть по нашей мысли, тѣ мы и съ собѣ глаголемъ; добро ны потка си, добро ны кажетъ, ркуще окаяннѣн, чи не богъ той поткѣ указалъ добро намъ повѣдати. Егда ли что ны на пути зло створитъся, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣпа ны потка си додѣше поити, а мы ся не послушахомъ. Аще ны гдѣ будетъ поити, то мы течемъ къ волхвомъ; то вѣруемъ чеху и устряцю; а коли ны будетъ поити на долгій онъ путь, мы послушаемъ поткѣ»⁶.

¹ *Ибнъ-Фоцланъ у Френа*, id. 9. *Гельмольдъ*. II, 12. *Сефриль*, *Vita S. Ottonis*. 54 (*Acta Sanctorum*. Jul. 1).

² *Масуди*, ib. 319.

³ *Несторъ*. 71.

⁴ *Саксо грамматикъ*. 827.

⁵ *Титмаръ*; IV, 17. О знаменьяхъ озера Гломачскаго. 1. 3.

⁶ *Переводъ Григорія Наз.* ib. 89.

⁷ Слово *Кирилла*, ib. 242-243.

«Се бо не поганьскі ли живемъ—еще говоритъ лѣтовисецъ — аще усрѣсти вѣрующе: аще бо кто усрящеть черноризца, то вѣзвращается, ли единиць, ли свинью; то не поганьскі ли есть? Се бо по дьяволу наученью кѣбъ сію держать. Друзіи же и за-кыханью вѣрують, еже бываетъ на здоровье главѣ»¹. И у Кирилла Туровскаго читаемъ: «Вѣрують въ сѣрѣчу, въ чехъ, въ полавъ и въ птичій грай», и пр.². Значеніе знаменій отчасти было всѣмъ извѣстно, отчасти было разгадываемо азахарями. О нихъ написано въ Стоглавѣ: «Волхвы и чародѣйники и во Аристотелевы врата и въ Рафли смотрять, и по звѣздамъ и по ланитамъ (планядамъ) гладють, и смотрять дней и часовъ». — Значенія многихъ знаменій были записаны въ особенныхъ книгахъ, напр. въ Волховникѣ, Путникѣ, Громовникѣ и пр.³. Очень понятно, что книги эти составлены въ послѣдствіи; но и составлены онѣ могли быть только въ слѣдствіе вѣры въ знаменія, — вѣры, которая, породивши такіа книги, еще прежде породила богослужебный обрядъ гаданій.

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Такъ урожай полей, по его вѣрованію, зависѣли объ богини жизни Живы⁴ и отъ бога свѣта и солнца Святовида. Въ честь послѣдняго, по окончаніи жатвы, совершалось празднество, во время котораго гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, спрашивая у него помощи. У Гаволянъ мѣсто Святовида занималъ Яровитъ: «я богъ твой—говоришь жрецъ именемъ своего бога,—я покрываю травю поля и листьями лѣса, я оплодотворяю нивы и деревья»⁵. У Славянъ Хорутанскихъ и до сихъ поръ божествомъ сѣющимъ изображается солнце, какъ это видно въ пѣснѣ, выше приведенной, — и годовое празднество въ честь этого божества, Коляда, какъ начало года, было для всѣхъ Славянъ временемъ гаданій о будущемъ, а равно и молитвъ и пожеланій о дарованіи благъ зем-

¹ *Несторъ*. 73.

² *Кирилл Туровскій*, ib. 19. *Уставъ Владимира въ Дополненіяхъ къ Историч. Актамъ*. 1846. N. 1.

³ *Калайдовича*, Іоанъ Экз. 211-213. *С. Стресса*, *Описаніе памятниковъ Слав. руск. литературы*. М. 1841. Стр. 125.

⁴ *Вацерадъ*, ib. 217.

⁵ *Сефридъ*. 129.

ных¹. Подобно земледѣлю, и скотоводство было подъ покровительствомъ божества: въ договорѣ Святослава съ Греками и у Вацерада Велесъ изображается богомъ стада и пастухомъ. Яровитъ заступалъ мѣсто Велеса у Гаволянъ². Божество покровительствовало и торговлѣ, какъ можемъ судить по молевіямъ Русскихъ кушцовъ передъ идолами, и по дане, платимой Святовиду купцами³. Славянинъ не могъ ожидать успѣха безъ помощи боговъ и въ дѣлѣ ратномъ, въ войнахъ съ врагами. Пѣсни Краледворской рукописи воспѣваютъ какъ помогли боги Воймиру и Честмиру противъ Власлава, а Забою противъ Людека, и говорить, что «bozi nam uisestuiue daiu». Тамъ же, какъ богъ, помогающій побѣдѣ, поминается Трясъ⁴. Титмаръ описываетъ какъ бога побѣдъ, Сварожича; Адамъ Бременскій—Радагаста; Гельмольдъ, Саксо грамматикъ и Вацерадъ богомъ побѣдъ называютъ Сватовида, который, какъ Сварожичъ, имѣлъ побѣдныя знамена и коня, на которомъ онъ ѣздилъ на враговъ. Богомъ же побѣдъ называютъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго—Яровита, а Саксо грамматикъ—Руевита. Княтлинга-сага знаетъ его подъ именемъ Черноглава, а Длугошь подъ именемъ Лиды⁵. Изъ договоровъ съ Греками Игоря и Святослава видно, что богами побѣды у Русскихъ почитались Перунъ и Волосъ: обѣщая Грекамъ держать съ ними миръ, они клялись, что если не сдержатъ слова, то «да не имутъ помощи ни отъ Перуна, ни отъ Волоса»⁶. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастье, и несчастіе человѣка; богами посылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнили люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр.⁷

¹ Смотр. Колянныя пѣсни у Пауль (Piesni ludu Rus. Lwow. 1839. I. 10. 16 — Piesni ludu Pol. Lwow. 1840. Стр. 9-10) Колара (Zpiewanky, I. 409), Корытки (Pesme Krain. poroda. Lublana. 1839. I. 19) и пр.

² Несторъ, 31. Вацерадъ, ib. 229. Сефридъ. 129.

³ Ибнъ-Фоцлянъ, ib. 7-9. Гельмольдъ I, 6. II, 52.

⁴ Краледвор. рпсв. IV, 204. VI. 140, 181.

⁵ Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем. Histor. Eccl. IV 12. Гельмольдъ. I. 23. II. 12. Саксо грам. 826, 830, 842. Сефридъ, 134. Эббо, 80. Книтлинга Сага, 122. (Historia pirat. jomens. Hafn. 1842. Стр. 350) Вацерадъ, ib. 226. Длугошь. V. 9.

⁶ Несторъ, 20. 31.

⁷ Гельмольдъ, I, 84. Справ. I, 53. Эббо, 65. Сефридъ. 158. Ипатьев. Лѣт. 5. Книтлинга-Сага, 122 (ib. 349-350). Саксо грам. 844.

Все зависѣло отъ боговъ,—и сознаніе ихъ могущества дѣлало человѣка рабомъ ихъ воли, предоставляя на его волю только стараніе познавать и исполнять ихъ требованія. Онъ смѣлся познавать и исполнять ихъ; но они были слишкомъ сильны для него,—и онъ иногда упдалъ передъ ними, упдалъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе чувствовалъ свое безсиліе. Не мудрено, что божество могло иногда представляться Славянамъ страшнымъ и гнѣвнымъ, что они считали долгомъ вымаливать у своихъ боговъ помилованія, молитвой и жертвой освобождать себя отъ ихъ гнѣва и ярости ¹. «Прошу тебя — говорилъ князь Владиміръ Олаву — почитать боговъ и укрощать себя предъ ними покорностію; опасаясь, что они прольютъ на тебя ужасъ своего бурнаго гнѣва и жестокости». И Олавъ отвѣчалъ: «Не боюсь твоихъ боговъ. Я, кажется, могу ихъ понять изъ того, что твое Конунгское величество и твое лице, воспитатель мой, остаются всегда ласковы и свѣтлы, когда ты не ѣдешь въ капище, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и отсюда я заключаю; что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою» ².

Руководствуясь чувствомъ страха къ богамъ, Славянинъ нѣкоторыхъ изъ нихъ считалъ не только гнѣвными, но и злыми, и, признавая бога свѣта, онъ признавалъ и бога тьмы. О богѣ добра и богѣ зла, какъ отдѣльныхъ божествахъ у Славянъ, упоминаетъ Гельмольдъ: «отъ одного ожидали Славяне счастья, отъ другаго бѣдствій,—и послѣдняго называли Чернобогомъ, а перваго, вѣроятно, Бѣлобогомъ» ³. Кое что подобное встрѣчаемъ и въ лѣтописяхъ отечественныхъ; такъ въ одной волхвы говорятъ: «два суть бози, единъ небесный, другій во адѣ» ⁴. Люнебургскіе Славяне до недавняго времени называли Чернобогомъ дьявола ⁵. Въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близъ Будишина, есть

¹ Титмаръ. VI, 17. Краледо. рисъ. VI, 46.

² Сага Олава Триггвессона. VI. (Рус. Истор. Сборникъ. IV. 47).

³ Гельмольдъ. I, 53. Malum deum sua lingua Diabol sive Zerneboch, id est nigrum deum, appellant, — bonum que Belboch (послѣднія слова пропущены, вѣроятно, писцомъ).

⁴ Густин. Лѣт въ Полн. Собр. Лѣт. II. 273.

⁵ Генинна, Ресный Словарь Люнебург. нарѣчій подъ слов. Schwarz и Teufel.

гора Чернобогъ, и подлѣ нея другая—Бѣлбогъ: у окрестныхъ жителей сохранилось о нихъ преданіе, какъ о мѣстахъ языческаго богослуженія ¹. Трудно опредѣлить, какое именно мѣсто занималъ богъ зла въ мифологіи Славянской; ясно, впрочемъ, что онъ былъ почитаемъ влаотслицомъ ада и противникомъ бога добра: это подтверждается и сравненіемъ мифологіи Славянской съ мифологіями другихъ сѣверныхъ народовъ, и народными преданіями всѣхъ Славянъ, едва ли могшими образоваться уже въ слѣдствіе распространенія христіанства, преданіями, въ которыхъ всреду одинаково, одними и тѣми же страшными чертами рисуются злые духи въ противоположность добрымъ ². Одно могло быть въ этомъ случаѣ слѣдствіемъ Христіанства; это—общее измѣненіе понятій о божествахъ языческихъ: всѣ они одинаково стали считаться злыми. Сначала Славяне, только что принявши христіанскую вѣру, и не утвердившись въ ней, боялись гнѣва своихъ боговъ за измѣну; а потомъ увидѣли въ нихъ, въ притвѣлопложность Богу христіанскому, только злыхъ демоновъ, и страшились ихъ преслѣдованій, какъ враговъ рода человѣческаго. Какъ бы то ни было, впрочемъ, во время язычества, хотя вѣрованіе въ злое начало и существовало у Славянъ и пугало, какъ пугалъ и гнѣвъ боговъ добрыхъ, однако надежда на благость божества преобладала надъ всѣмъ, и укрѣпляла поклонниковъ въ ревности исполнять законы и обряды своей вѣры.

Чувство это въ Славянинѣ язычникѣ было тѣмъ сильнѣе, что онъ вѣрилъ въ свою зависимость отъ воли боговъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не только въ этой жизни, но и за могилей: онъ вѣрилъ въ безсмертіе души, вѣрилъ, что по смерти ждуть его или блаженства рая, или кара за неисполненіе воли божествъ. О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства, и въ свидѣтельствахъ современниковъ,

¹ *А. Штуръ*, Cesta do Lužic. Časop. Čes. Mus 1839. Стр. 476 477. *К. Прейскеръ*. Blicke in die vaterländische Vorzeit. Leipzig. 1841. I. 186. и слѣд. Урочище *Бѣлые боты* (лѣсъ и лугъ) находятся у большой дороги отъ Москвы къ Троицѣ, не доѣжая 15 верстъ, близъ села Городка. На Ревѣ (въ Помераніи), близъ ея устья въ море, былъ островъ съ монастыремъ, называвшійся именемъ *Бѣлбога*. Codex Romaniæ diplomat. Greifswald. 1843. Стр. 70.

² Edda Sæmundar hins fróða III. Hafn 1828. 498 и слѣд. *Парбулт* Dzieje narodu Litewskiego. Wilno. 1835. I. 26-29. Ср. *Гримма*, Deut. Myth. 952-954 и слѣд.

и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Къ числу свидѣтельствъ современниковъ относятся пѣсни Краледворской рукописи, воспоминающія событія языческаго времени: въ нихъ не одинъ разъ упоминается, какъ отдѣляется душа отъ тѣла и остается до тѣхъ поръ подлѣ, пока не совершится погребальный обрядъ. Владславъ, пораженный Честмиромъ «wstati ne pozese; Mogensa jei airase w nos czgnu; kipiese krew ze silna Vlaslawa, po zelene trawie w siru zemiю тесіе; ai a wiide z rswucei hubi, wiletie na druo, a po druech siemo-tamo doniz mrtew ne zzen». Палъ Людекъ, пораженный Забоємъ: «letie mlal, roskosi sie scit, za scitem sie roskocista Ludiekowa prsi; i ulecie sie duse tiezka mlata, i mlal i dusa uigazi». Битва окончена, много мертвыхъ лежитъ на полѣ, и «wiele dus tieka siemo tamo po drsieueh, i ich boie sie¹ptactuo i plachi zuiers, iedno soui ne boie sie». Юному-воинъ застыгъ лютый врагъ: «wigazi z iunose dusa dusicu; sie uiletie pieknim tablim hrdlem, z hrla krasnima rtoma². Не менѣе важно и свидѣтельство грамоты Нѣмецкой 1240 года: въ ней сказано, что жрецы Номорянъ увѣряли народъ, будто они вѣдать, какъ душа честнаго человѣка съ дружиной переходитъ къ другой жизни въ небо³. У Адама Бременскаго, въ описаніи храма Петрскаго, находимъ также выраженіе, намекающее на вѣрованіе Славянъ въ безсмертіе души: «городъ—говоритъ онъ—нибѣтъ девять воротъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ оверомъ; деревянный мостъ служить для перехода, дозволеннаго только тѣмъ, кто хочетъ приносить жертву или отгадывать волю боговъ, и это есть знаменіе, что Ствикъ, пролившись девять разъ, смиряеть погибшія души язычниковъ»⁴. По сказанію Длугоша, язычники Поляки молились Нію, чтобы онъ ихъ отвелъ по смерти въ лучшія мѣста ада⁵. Есть и другія свидѣтельства, касающіяся, какъ увидимъ, самого состоянія души по смерти тѣла; они будутъ приведены ниже. — Изъ древнихъ обычаевъ Славянъ, доказывающихъ, что они имѣли понятіе о безсмертной

¹ Краледа. рпсь IV, 218 224. VI, 161-164, 229-232, X, 17-20. Въ параллель съ этими выраженіями можно поставить мѣсто изъ Слова о полку Игоревомъ: «варони жемчужну душу изъ тѣла чрезъ злато ожерелье». Слово о полку Игор. ib. 180.

² Мацьевскій, Pamiętniki Słowian. SPB. 1839. II. 107.

³ Адамъ Брем. Historia Eccles. II. 11.

⁴ Длугошъ. V, 9.

душѣ, довольно вспомнить о двухъ болѣе важныхъ. У Славянъ язычниковъ былъ обычай сожигать мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещи, но животныхъ и людей, или же погребать съ мертвыми все, что было ими любимо въ жизни. Этотъ обычай предполагаетъ вѣрованіе, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если бы оставшимся въ живыхъ не оставалось надежды увидѣться съ усоншими въ другой жизни¹. — Что касается до народныхъ преданій, то и въ нихъ найти можно много вовсе не христіанскихъ вѣрованій о явленіи душъ и мертвецовъ, о томъ, что кровь убійцы успокоиваетъ тѣнь убиеннаго, объ отдѣленіи души отъ тѣла у знахарей и вѣдьмъ, принимающихъ на себя по волѣ различные тѣлесные образы, о душахъ человѣческихъ, заключенныхъ въ деревьяхъ и т. д.

Съ понятіемъ о безсмертіи души неразлучно было для Славянъ понятіе о будущей жизни. Вѣрованіе Славянъ въ рай было замѣчено уже Арабами Хъѣжа. Масуди, говоря о томъ, что жены Славянскія лишаютъ себя жизни по смерти мужей, замѣчаетъ, что онѣ съ охотою бросаются на костеръ, надѣясь чрезъ это войти въ рай². Ибнъ-Фоцланъ, рассказывая обрядъ погребенія, приводитъ слова дѣвушки, обрекшей себя на смерть. «Вонъ, я вижу — говоритъ она въ восторгѣ, приготовляясь къ смерти—я вижу моего отца и мать мою; вонъ сидятъ всѣ мои умершіе родные; вонъ и мой господинъ,—онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подлѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, ведите меня къ нему». Въ другомъ мѣстѣ Ибнъ-Фоцланъ приводитъ слова Русскаго, объясняющаго свои погребальныя обряды: «Мы сожигаемъ—говорилъ этотъ Русскій—нашихъ мертвыхъ такъ, чтобы они немедленно и безъ задержки шли въ рай»³. По вѣрованію Сла-

¹ *Несторъ*. 6. *Краледвор. пнс.* IV, 224. *Масрикий*, *Strategicon* XI, 5. (*Шафарикъ*, *Slow. Star.* 969). *Левъ Діаконъ*, *Historia*. IX, 6. *Винфридъ Бонифацій* въ письмѣ 72 (*Шафарикъ*, *ib.* 843). *Титмаръ*. VIII, 2. *Амберикъ*, 1, годъ г. 751. *Масуди*, *ib.* 314, 317. *Димсикъ*, *ib.* 353. *Ибнъ-Фоцланъ*. *ib.* 11—21.

² *Масуди*. *ib.* 317.

³ *Ибнъ-Фоцланъ*. 17—21.

внѣ, рай былъ не для всѣхъ одинаково доступенъ; женщина вступала въ него только посредствомъ мужчины, и это вѣрованіе было такъ сильно, что если умершій былъ холостъ, то его женили—говоритъ Масуди—послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, лишь бы войти въ рай со своими душами¹. То-же понятіе о недоступности рая должно было оправдывать и сожженіе рабовъ и приближенныхъ чиновниковъ вмѣстѣ съ умершими князьями, какъ узнаемъ изъ Димешки². Съ вѣрованіемъ въ недоступность рая, Славяне соединяли вѣрованіе въ наслажденія, ожидавшія въ немъ тѣхъ, которые были достойны въ него переселиться. Они воображали себѣ его чудеснымъ садомъ, какъ видно изъ самого значенія этого слова³ и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ-то въ небесахъ, во владѣніяхъ Бога солнца и свѣта, какъ рассказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ, садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, отнуда сѣмена жизни задеваютъ и на землю, жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ⁴. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, она вѣрила, что не всѣхъ ожидала до смерти одна и та же участь; что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей несправотою. Ихъ страшило между прочимъ рабство на томъ свѣтѣ. Послы Игоря, присягая не нарушать мира съ Греками, давали такую клятву: «Благо ихъ есть нехрещено, да неумутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не учитатся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ въ будущій»⁵, если измѣнятъ слову. Русскіе, по словамъ Льва Діакона Калойскаго, никогда не сдавались непріятелю, но, вонзая мечъ подъ сердце, сами себя убивали, будучи увѣрены, что убитые въ сраженіи, по смерти своей, вѣцъ по разлученіи души съ тѣломъ, служатъ въ адѣ своимъ убійцамъ; а цѣлныи, при погреб-

¹ Масуди. ib. 317.

² Димешки, ib. 353.

³ Юмманъ, Słownik III. 786. *Łynde*, Słownik języka Pol. III. 16-17. Шимкевичъ, Корнесловъ Рус. языка. Спб. 1843. II. 37.

⁴ Преданія о раѣ сохранились въ сказаняхъ. Смолтр. Журн. Миниб. Нар. Просв. 1846. № 7: тамъ, въ статьѣ объ обожаніи Солнца, отмѣчены нѣкоторыя изъ этихъ преданій.

⁵ Несторъ 20. По другимъ спискамъ: «въ сій вѣкъ и въ будущій».

боями вонючь, а можетъ быть и въ другихъ случаяхъ, были убиваемы, вѣроятно, съ мыслию, что они будутъ на томъ свѣтѣ рабами павшихъ въ битвѣ. Вѣра, что во всѣхъ ожидала на томъ свѣтѣ одна и таже участь, Славяне молили своихъ боговъ устроить ее сколько можно лучше, вѣрили, что молитвами другихъ можно искупить себя помилованіе и послѣ посмертнаго вкуса, съ этою цѣлю совершали доминированія усопшихъ, принося по нимъ жертвы и моления¹. Недостойный божескаго прощенія погибалъ, по вѣрованію Славянъ, къ неугасемому огнѣ «пекла». Слово «пекло», какъ остатокъ языческой старины, сохранилось и до сихъ поръ почти во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, и въ давніе вѣки перешло изъ нихъ и къ сосѣднимъ народамъ². Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ боязливымъ. Понятіе о подземномъ царствѣ огня сохранилось до сихъ поръ: Хорутане рассказываютъ о провалахъ между горами, туда ведущихъ; Словаки мѣстомъ входа въ пекло называютъ пропасти горы Ситна, и злого духа называютъ духомъ пропасти, пропастиникомъ, пропастикомъ; о пропастяхъ ада говорятъ и преданія Чеховъ, Полаковъ, Лужичанъ³... Не-

¹ Левъ Діаконъ. XI, 6. 8.

² Адамъ Брем. II, 11. *Дипломъ*. V. 9. Подлинныя обычая, свѣдѣвшія съ христіанскими, остаются отчасти и до сихъ поръ.

³ У восточныхъ и сѣверозападныхъ Славянъ—пекло (peklo, pieklo, rjekuo); у югозападныхъ—пакло (пакло, паку, и т. д.); у Литовцевъ—pėklā, у Магьяръ—rokol.

⁴ Коларъ, ib. I, 18, 429. *Ето ове*, Wyklad ku Slawy dcerę. Pest. 1832. 403. Юнманъ, ib. III, 682. *Дипло*, ib. II, 1120—1121. и пр.

Слито ли съ понятіемъ о пеклѣ, или по суевѣрью особенному, Славяне боялись, ажегся, и совершеннаго уничтоженія бытія по смерти: остатки этого повѣрья безсознательно сохраняются и до сихъ поръ. Такъ между Русскими заклинаніями есть: «исчезни!» или: «сгинь ты, пропади!» У Сербовъ есть подобное заклинаніе: «не стало те нити душе твоје!» У нихъ же потворка: «изгнано као нежепан!» У всѣхъ Славянъ есть сравненія смерти влѣдѣвъ со смертію животныхъ. У всѣхъ же Славянъ есть заклинанія, чтобы Богъ наказалъ неправаго смертію: «Богъ меня убей, бій ти сила божа, niech mie ran bóg zabije, zobu mje boh zabiu, да ме богъ убије, праваго боже» и пр.: подъ смертію, въ смыслѣ языческомъ, разумѣлось тутъ, конечно, совершенное уничтоженіе. Сюда же принадлежитъ и свидѣтельство Титмара (I, 7.) что по вѣрованію Славянъ временная смерть оканчиваетъ все.

смотря, впрочемъ, на эти опасенія Славянскаго язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія: она оживлялась мыслию о благодати боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ сожженія тѣла и обрядомъ поминновенія, молитвами и жертвами другихъ. Одинъ изъ символовъ очищенія, въ постройкѣ храма, окруженнаго водою, отмѣченъ, какъ мы видѣли, у Адама Бременскаго; объ очищеніяхъ водою говорятъ и уцѣлѣвшіе обряды, принадлежащіе къ праздникамъ Весны, Купалы и пр. Къ нимъ же относятся и обряды потопленія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ вспоминаетъ Левъ Діаконъ, разсказывая объ обрядѣ погребенія убитыхъ въ сраженія, когда грѣхи мертвыхъ очищались смертію живыхъ существъ. То же самое вольное и невольное участіе живыхъ существъ и въ очищеніи человека огнемъ видимъ въ погребальномъ обрядѣ сожженія, въ скаканіи черезъ огонь, и т. д. Къ нему принадлежало и очищеніе кровію, закланіемъ. Понятіе объ очищеніи грѣховъ смертію живыхъ существъ сдѣлалось источникомъ жертвъ смертныхъ, столь обычныхъ, какъ увидимъ, въ богослуженіи Славянскомъ, источникомъ не единственнымъ, но могшимъ сдѣлаться въ свое время главнымъ и довести наконецъ язычнковъ Славянъ до принесенія въ жертву людей. Трудно понять смыслъ этой языческой тайны очищенія; но нельзя сомнѣваться, что въ нее вѣрили Славяне и считали ее одною изъ самыхъ важныхъ тайнъ богослуженія.

Таковы были главные догматы язычества Славянскаго вообще и особенно въ отношеніи къ богослуженію. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію самого богослуженія.—Поклоненіе богамъ земнымъ и небеснымъ требовало святилищъ, и въ той мѣрѣ какъ различны были боги, различны должны были быть и самыя святилища. Поклоненіе богамъ состояло въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ: ими надѣялся Славянинъ умилостивить боговъ, освятить и очистить себя отъ грѣховъ и познать ихъ волю. Обряды богослуженія были многообразны и, опираясь на вѣрованія въ благодать боговъ, вели за собою веселыя пиршества.—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СВЯТИЛИЩА БОГОСЛУЖЕНІЯ.

I.

Отличая въ сонмѣ божествъ боговъ земныхъ отъ боговъ небесныхъ, Славяне поклонялись тѣмъ и другимъ въ особенныхъ святилищахъ: богамъ земнымъ поклонялись всюду, гдѣ признавали ихъ присутствіе, гдѣ, по народному вѣрованію, эти боги обитали, гдѣ выказывали свою божественную силу; богамъ небеснымъ поклонялись въ особенныхъ храмахъ, передъ идолами, священными для поклонниковъ по вѣрованію, что въ нихъ живетъ божественный духъ. Правда, что у многихъ Славянъ простые жертвенники, подъ открытымъ небомъ или подъ сѣнью вѣтвей, заступали мѣсто храмовъ и должны были заступать ихъ мѣсто у всѣхъ Славянъ, пока не распространилось умѣнье строить храмы; но правда и то, что нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы въ храмахъ поклонялись божествамъ земнымъ.

Воду почитали Славяне стихіей, изъ которой образовался міръ. Земля, по ихъ понятію, выплыла изъ моря: это видно изъ преданій, сохранившихся у разныхъ Славянъ до нашего времени. Такъ Малоруссы Галицкіе въ одной изъ своихъ колядокъ поютъ: «Коди было въ нащада свѣта, втодѣ не было неба нѣ земля, неба нѣ земли, лемъ сине море». Замѣчательнѣе пригвѣзъ къ этой пѣсни: Подуй же, подуй, Господи, изъ духомъ святымъ по земли!», напоминающій сказаніе Малоруссовъ восточныхъ, что земля вышла изъ воды по дыханію святаго Духа¹. Такъ Хорутанѣ, давая Морю имя «свѣта вода», рассказываютъ, что когда земля, по волѣ Божіей, выходила изъ морской бездны, въ которой до тѣхъ поръ погружены были солнце съ мѣсяцемъ и звѣздами, и молнія и вѣтры, то первая показала изъ подъ воды гора Триглавъ, а потому-то съ ея вершины и видны всѣ моря земли. У Словаковъ есть тоже подобное преданіе, примененное къ Татрамъ, и повѣрье, что духъ Божій до сихъ поръ живетъ въ водахъ, омывающихъ землю, что всѣ они соединены между собою, и что тогда будетъ разрушеніе міра, когда это прекратится, когда духъ Божій оставитъ воду. Въ заговорахъ у нихъ, какъ и въ заговорахъ Великорусскихъ, повторят-

¹ Бирецаго, Собраніе колядокъ. № 1. К. Семитцкаго, Замѣчанія о праздникахъ у Малороссіянъ. Сиб. 1843. Стр. 56.

ся море какъ что-то священное, а ключи и озера, почитаемые священными, можно найти въ каждой изъ земель Славянскихъ. Суевѣріе народа населяетъ воды существами чудными, язычески божественными, морянами, водянами, водяными мужами и жнами, русалками, дунаками, самодивами и пр.¹ Недавно не считатъ всего этого остаткомъ отъ языческой старины, какъ подтверждаютъ и свидѣтельства того времени. Къ числу древнихъ Славянскихъ обычаевъ, находящихся въ соотнощеніи съ поклоненіемъ водѣ, должно причислить и такъ называемый судъ Божій водою. Сказанія о немъ сохранились во многихъ юридическихъ и историческихъ памятникахъ: въ Русской Правдѣ, въ Польскихъ грамотахъ времени Болеслава-Стыдливаго и другихъ, въ Чешской пѣснѣ о судѣ Любуши, въ Чешской дѣтписи Козьмы Пражскаго, въ грамотѣ Конрада Брвенскаго, въ Рядѣ земли Чешской, въ Правѣ земли Чешской, въ книгахъ Оомы Штитваго, въ Законникѣ Сербскомъ Стефана Душана и т. д.² Съ вѣрованіемъ въ божественность воды и водою соединялось понятіе о томъ, что на берегахъ водъ, какъ въ присутствіи божества, должно совершать богослуженные обряды. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ богослуженіи читаемъ у Проконія: «Славяне—пишетъ онъ—обожаютъ рѣки, нимфы и въ некоторыхъ другихъ духовъ, привосятъ имъ жертвы и по жертвамъ гадаютъ о будущемъ».³ (Въ свидѣтельствѣ позднѣйшемъ, въ переводѣ словъ Григорія Назіанзина, вѣроятно о тѣхъ же Славянахъ, къ которымъ принадлежали описанные Проконіемъ, находимъ: «Овъ рѣкѣ богыниѣ нарицаеть и звѣрь живишь въ неѣ тако Бога нарицаѣя трѣбѣ творить».)⁴ У Болгаръ есть обычай, исполняемый дѣвухами, бросать въ рѣку вѣнокъ, сплетенный изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ. Подобный обычай существуетъ и у Хорватовъ, какъ свидѣтельствуеть между

¹ Срав. Шафарика статью въ Cas. Ces. 1833. Стр. 257 и слѣд. Самодивами или самовилами называются русалки у Болгаръ.

² Рус. Правда въ Рус. Достоц. II. 17. Пѣснѣ о судѣ Любуши въ Denkmäler der Böhm. Spr. 41, 63. Козьма Праж. I. 100—111. Rad Země Česká. § 68. въ Archiwé Čes. Palackého II. 113. Právo Země Česká. § 150, 155. у Кухарскаго въ Давн. пам. Слов. законод. Варш. 1836. 257. Законникъ Стефана Душана. § 78. у Кухарскаго. 124, 221. и пр.

³ Проконій III. 14.

⁴ Переводъ Григорія Наз. ib. 88.

прочемъ народная пѣсня ¹. У Болгаръ есть также обычай, не-
попоявемый тоже двѣдушниками, въ Ивановъ день утромъ до зари,
бросать въ рѣку такъ называемую «машлатку» — чучело, сде-
ланное изъ вѣтвей ². О богослуженіи при водахъ у Русскихъ упо-
минаетъ Левъ Діакоу: водны Святослава — пишеть оуъ — догру-
жани въ струи Дуная, марленжеть и шѣтуховъ по совершеніи по-
гребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ ³. Несторъ говоритъ, что
Рускіе «кладзевуть и озерамъ жертву приидошаху», — а Діакоу
Новгородская, что наши «поганя жраку идоломъ въ колодезѣхъ»;
въ Уставѣ Владимира о Судахъ упоминается о молящихся у водъ,
въ Правилахъ Митрополита Іоанна о «же жрутъ бесомъ и
болотомъ и колодезямъ» и о бракахъ, совершаемыхъ у престога
народа плесканіемъ; въ словѣ Кирилла читаемъ: «не нарицайте
собѣ бога . . . ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ и пр. ⁴. Въ
пѣсняхъ и гестѣ Садка читаемъ не только о морскомъ царѣ,
какъ и въ сказкахъ, но и объ обычаѣ приносить Волгѣ и морю
хлѣбъ-соль, какъ жертву благодарности ⁵. Нѣкоторые изъ рас-
кольничковъ и донынѣ поклоняются водѣ, воображая въ ней ви-
дѣть духа, не только надъ колодцами, но и надъ чадами, и при
поклоненіи бросаютъ въ воду серебряныя дерьги, какъ жертву.
Вообще не истребилось еще почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ,
ямъ студенцамъ и озерамъ ⁶. Изъ пѣсень и обычаевъ русскихъ —
говоритъ Снегиревъ — видно, что у воды совершались гаданья,
какъ напримѣръ въ семикъ. Въ одной старой пѣсни, которую
поютъ въ Подольской губерніи подѣ Межабожьемъ, замужняя

¹ Хорват. пѣсня, записанная мною на островѣ Вельи: . . . Сиди
двѣче доли, те си винце пијете, један винац онјела, у морје годила . . .

² *Машлатка* собственно значить: остоуъ, скелеть, — старуха кост-
лявая, — ага-баба. Срав Малор. *маслаки* — кости животныхъ.

³ *Левъ Діакоу*, IX, 8.

⁴ *Густин. Лѣт.* 234, 237. Лѣт. Новг. 1781 Стр. 1. Уставъ Владими-
ра о судахъ въ доп. къ А. N. 1. *Русскія Достоп.* I, 94, 101. Москви-
таиня въ 1844. I. 243. *Калайдовича*, Памятники XII вѣка. 19.

⁵ *Древ. Рус. Стихотворенія* М. 1818. Стр. 266 и 339. «Отрѣзалъ хлѣба
великій сукрой, а и срдью насомцль, его въ Волгу пустиль: а апа-
сибо тебѣ, Волга матушка рѣка. — Я, Садко, знаю, вѣдаю, бѣгаю
по морю двѣналцать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я
дани-пошлины, и въ то сине море Хвалынское хлѣба съ солью не
овускивалъ, — по меня Садка смерть пришла».

⁶ *Снегиревъ*, Рус. правники. М. 1839. I. 16.

жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу, и та отвѣщаетъ имъ, какъ оракулъ¹. Въ Малороссіи, въ Ивановъ день рано утромъ, многіе купаются въ рѣкахъ, умываются водою, взятою изъ четырехъ колодезей, а по закатѣ солнца приносятъ въ водѣ идола и дерево или марену, снимаютъ съ нихъ все украшенія, кромѣ вѣнковъ, проютъ тѣ же пѣсни, какъ и на кануны, и съ криницею бросаютъ съ себя въ воду вѣнки, а вслѣдъ за ними идола и марену. Иныя сплываютъ изъ воды свои вѣнки, чтобы унести домой и повѣсить ихъ въ сѣняхъ или на чердакѣ, какъ талисманъ противъ непредвидимыхъ бѣдъ и болѣзней². Съ этимъ обрядомъ сходенъ обрядъ, исполняемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великороссіи подъ названіемъ «костромой». Въ Пензенской и Симбирской губерніи, въ Троицынъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя, обношенныя платья, сходятся въ одно мѣсто и, выбравъ изъ среды своей одну, названную костромой, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать³. Поклоненіе водѣ было и у Польскихъ Славянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ обычаевъ и преданій. Одно изъ такихъ преданій объ озерѣ, обитаемомъ духами, пересказываетъ Длугошь, и нѣсколько подобныхъ сохраняется до сихъ поръ въ народѣ. Изъ языческихъ обычаевъ можно вспомнить, что въ воскресенье сырной недѣли въ Силезіи и Польшѣ бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы. Было поклоненіе водѣ и у Балтійскихъ Славянъ: Титмаръ рассказываетъ повѣрье о морѣ, какъ обиталищѣ духовъ, и о священномъ озерѣ Гломачскомъ, предсказывавшемъ будущее и почитаемомъ болѣе церковью. Эббо и Сефридъ упоминаютъ о священныя ручьяхъ, обтекавшихъ деревья, посвященные божествамъ; а Гельмольдъ объ обычаяхъ клаться ручьями⁴. Воднымъ божествамъ поклонялись и Чехи, какъ свидѣтельствуемъ ихъ лѣтописецъ, Козьма Пражскій, упоминая о поклоненіи потокамъ, о возліаніи и жертвахъ надъ потоками. Послѣднія совершались въ Троицкіе праздники, и слѣдовательно могутъ быть

¹ Сметревъ, ib. I, 136-137. III, 113.

² Пассекъ, Очерки Россіи, III. М. 1840. Стр. 109.

³ Сметревъ, ib. III. 134.

⁴ Длугошь. VII, годъ 1278 г. Сметревъ, ib. II. 131.

⁵ Титмаръ. I, 3. VII, 52. Эббо, 98. Сефридъ. 106. Гельмольдъ, I, 84. СРАВ. 48.

сравнены съ Велікорусскимъ обрядомъ погребенія костромы и съ русаліами ¹. До сихъ поръ у Чеховъ сохранилось кромѣ того повѣрье, что самый вѣрный союзъ есть тотъ, который заключается надъ колодеземъ ². У горныхъ Словаковъ есть остатокъ поклоненія водѣ, въ обычаѣ бросать весной въ потоки яства, и повѣрье, что потоки и озера требуютъ жертвъ, повѣрье извѣстное отчасти и другимъ Славянамъ.

Изъ всего этого можно вывести, что въ языческое время Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п.; очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою; приносили воднымъ божествамъ въ жертву двѣточныя вѣтки, яства, деньги, вѣтхихъ, даже живыхъ людей; вѣру въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ, вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и танцствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весной и середѣ лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Мухоморъ - Солома.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первою стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Это понятіе сохранилось кое-гдѣ и до сихъ поръ; у Карпатскихъ Русиновъ есть преданіе, что царь-огонь вмѣстѣ съ царицей-водою свѣтъ создали; у Татранскихъ Словаковъ есть подобное преданіе, повторяемое въ сказкахъ, гдѣ разсказывается, что огонь

¹ Козьма Праж. ib. 10 и 197.

² Касторскій, ib. 150.

породилъ и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды; есть оно и у Хорутанъ, несовсѣмъ забывшихъ старое повѣрье, что на землѣ все стало жить съ тѣхъ поръ, какъ огонь загорѣлся въ землѣ. Можно предполагать, что и у другихъ Славянъ есть повѣрья въ этомъ же родѣ.—Объ обожаніи огня Славянами язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей Арабскихъ; хоть и не древнѣйшихъ, но, конечно, передававшихъ извѣстія, почерпнутыя ими изъ древнихъ источниковъ: таковы Казвини и Бакуви, Абульфеда и Димешки¹. Два послѣдніе называютъ это поклоненіе огню магізмомъ; а какъ магізмомъ называли Арабы всякую языческую религію², то можно было бы заключать, что и тутъ магізмъ упоминается вмѣсто язычества вообще; однако разнообразія свидѣтельства доказываютъ очевидно, что тутъ надобно разумѣть огнеобожаніе. Чтобы начать со свидѣтельствъ, касающихся одинаково всѣхъ Славянъ, замѣтимъ, что древнее огнепоклоненіе доказывается многими повѣрьями и обычаями Славянъ современныхъ. Такъ всѣ Славяне сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огненнымъ, огневикамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блудячихъ огней, огненныхъ змѣй и пр. У всѣхъ Славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь вознетаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у Русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ *звичемъ* или *чвичемъ* (отъ *свѣтити*—*внѣтати*—*возгнѣтати*)³. У всѣхъ же Славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ огню, какъ къ обитающему въ домахъ, домовыхъ и пр. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются въ обычаѣ огневозжиганія въ полѣ—почти вездѣ во время праздника Купала, а кое-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время: эти огневозжиганія соединены у многихъ Славянъ съ перескакиваньемъ черезъ огонь—символомъ очищенія огнемъ—и съ обычаемъ жертвоприношенія огню. Во всѣхъ земляхъ Славянскихъ остаются также въ обычаѣ гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. (У всѣхъ Славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли старыя памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычаѣ *судъ огнемъ и желѣзомъ*: всѣ памятники, въ которыхъ упоминается о судѣ Божіемъ водою, говорится и о судѣ желѣ-

¹ Казвини, Бакуви и Абульфеда у Шармуа, ib. 349, 358, 361. Димешки у Френа, ib. 136.

² Френъ, ib. 137-138.

³ Многіе Славяне называютъ этотъ огонь *живымъ огнемъ*. Срав. *Ходаковскаю* путешествіе. Рус. Истор. Сборникъ. III. 199.

быть. Къ числу этихъ общеславянскихъ обычаевъ можно причислить и древній языческій обычай сожженія мертвыхъ, показывающій, что и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, огонь былъ почитаемъ отишею очистительной: смы сожгаемъ мертвыхъ. — говоритъ Русскій Ибвъ-Фоцланъ — такъ, чтобы они немедленно и безъ бадержи шли въ рай»¹. Кроме этого, есть и другія свидѣтельства стародавняго помятеныя огне, касающіяся того или другаго изъ Славянскихъ народовъ. Древнѣйшее свидѣтельство о помятеныя огню Русскими читаемъ въ Словѣ Христолюбца: «и огнѣви молится, зовуть его сварождемъ. и и огнѣви молится подь овин(о)и.»². О Сварождѣ, сынѣ Сварога, упомянуто было выше: безъ сомнѣнія здѣсь должно разумѣть не Дажбога, Сварождѣ сына, а другаго, — во всякомъ случаѣ сына владыки нѣба. У Малоруссовъ до сихъ поръ есть слово «богачъ», намекающее на давнее понятіе объ огнѣ, какъ сынѣ бога. Что же касается до молитвъ подь овин(о)и, то о нихъ упоминаетъ и Уставъ Владиміра о судахъ церковныхъ: «обжигны овнѣ и до сихъ поръ у Русскихъ, такъ же, какъ въ некоторыхъ мѣстахъ на гумнѣ совершаются даже и нѣкоторые обряды, а въ другихъ празднуютъ и именины ована»³. Другое древнее свидѣтельство о помятеныя огню находимъ у Карлина Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стикія, ни солнца, ни огонь»⁴. У Поляковъ сохранились слѣды огнѣпомятеныя въ народныхъ повѣрхяхъ: такъ остается еще кое-гдѣ въ Польшѣ обычай отгадывать на горющихъ угляхъ, кѣмъ украдено что нибудь пропавшее: отбирая уголь за углемъ, переговариваютъ за каждымъ по три раза имя одного изъ тѣхъ, кого подозреваютъ, и чей уголенъ въ это время покроется пепломъ, тотъ и долженъ быть воромъ⁵. У Лужицкихъ Сербовъ кое-гдѣ живетъ преданіе о гадавняхъ по пламени, и остатокъ этого гадавья существуетъ до сихъ поръ, когда въ мою двѣцать собираются на прыжку: между другими гадавнями о своей судьбѣ, зажигаетъ наждакъ за себя

Молитва

¹ См. выше ссылку о судѣ водою.

² Ибвъ-Фоцланъ, ib. 21.

³ Слово Христолюбца, ib. 228.

⁴ Уставъ Владиміра, ib. I

⁵ Стецковъ, ib. IV, 83: I, 201.

⁶ Калайдовича, Памятники XII вѣка. 19.

⁷ Антоновъ, Collectanea въ Эгоръльскай Библиотекѣ. III, № 15.

лучинку, в чья скорбе погаснетъ, той, думаютъ, и умереть придется скорбе. О почитаніи огня древними Чехами говорятъ Козьма Пражскій и Византійское преданіе, записанное Халкондолом¹. Въ народѣ Ченскомъ остаются до сихъ поръ гаданья по огню, на лучинахъ, на пеплѣ, равно и повѣрья о появленіи духовъ огненныхъ, предрекающихъ несчастія. У Хорутанъ во многихъ мѣстахъ можно замѣтить обряды древняго огнепоклоненія. Такъ между прочимъ въ четвергъ великій и въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ въ долинахъ Вогнишкитъ празднуютъ обрядъ посвященія огня. Дѣвушки, во время непогоды въ избѣ на очагѣ, а въ хорошую погоду въ полѣ, у рощи или у воды, раскладываютъ огонь и въ пѣсняхъ, которыя при этомъ поютъ, припѣваютъ: «sweti sw, sweti ogenj, sweti zel!». Одна изъ дѣвушекъ, обыкновенно младшая и самая красивая, исполняетъ должность главной распорядительницы обряда, называлась дѣвою огня—«wogniana deklica». Замѣчательно, что оба раза это освященіе огня бываеетъ въ честь Зевса и Перуна². И что обрядъ совершается дѣвушками, которыя хранили огонь и по обрядамъ другихъ религій. У Сербовъ остались въ обычай гаданья огнемъ, когда на такъ называемый «бадня дан», т. е. на праздникъ Коляды, зажигается «бадня»³. Обычай креститься при разложеніи огня указываетъ также, что до принятія христіанской вѣры при разложеніи огня какъ вѣбудь молились.

Одускою нѣкоторыя другія свидѣтельства, мнѣ извѣстныя, не находя въ нихъ ничего особенно любопытнаго. Изъ того же, что было тутъ приведено, можно вывести слѣдующее: Огонь, какъ первоначальная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились — на очагѣ, подъ овинномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судією при рѣшеніи дѣлъ, чело-
вѣку несправныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы Коляда и Купала; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ, четвергъ, и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

¹ Козьма Праж. 10. Халкондоло у Стрипттера, Меторіа рор. II. 1062.

² Jeudi—dies Jovis, Donnerstag—Thurstay; у Люнебургскихъ Славянъ—Parandan. Perendan.

³ В. С. Караджич, Српски рјечник. Беч. 1818. Стр. 16-17.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и поэтому не могли не быть почитаемы какъ священныя мѣста богослуженія. «Не парадите себѣ бога ни въ камени», говоритъ Кириллъ въ своемъ словѣ; уищевавъ Русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ¹. О блѣзнь горючегъ камнѣ Алатырѣ, подъ которымъ сокрыта сила могучая, ей же нѣтъ конца, сохранились до сихъ поръ шибѣ въ народѣ Русскомъ². Корочуновъ камень былъ, вѣроятно, также предметомъ поклоненія³, подобно Конокамню (на островѣ Коноцѣ Ладожскаго озера), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня⁴; а въ Еоремовскомъ уездѣ на берегу Красной мѣчи, вокругъ Коно-камни совершается до сихъ поръ оплхиванье во время скотскаго падежа⁵. Въ Положскихъ губерніяхъ въ скотныхъ хлѣвахъ часто можно найти дѣрватый камень, повѣшенный на жерди; его называютъ «куртиннымъ богомъ», вѣроятно въ насмѣшку, въ которой, однако, сохранилось воспоминаніе о превнзгъ языческомъ поклоненіи камнямъ. * Въ народѣ Малорусскомъ есть нѣсколько повѣрій о горахъ священныхъ и горахъ, на которыхъ (какъ напр. на Лысой горѣ у Кіева) собираются злые духи: эти повѣрья распространены особенно у западныхъ Малоруссовъ, на Бескидахъ, гдѣ рассказываютъ и сказаніе о духахъ горъ, «горынахъ», столь извѣстныхъ въ сказаніяхъ Великорусскихъ, и совершаютъ гаданья; прислушаваясь къ отголоскамъ. У Валтійскихъ Славянъ было подобное почитаніе камней; они клалась, говоритъ Гельмольдъ; у мыса Геремскаго, близъ Рушны, есть огромный утесъ, издавна названный рыбаками божьимъ камнемъ—Buskahn (бужь-камъ), а подлѣ Деммина есть другой священный камень⁶; вѣроятно много подобныхъ встрѣтять можно и въ другихъ мѣстахъ. Много священныхъ горъ находится въ Силезіи и Саксоніи, тамъ, гдѣ или прежде жила, или и донынѣ живутъ Славяне: таковы—Со-

¹ Слово Кирилла, въ Москвитинѣ, 1844. № 1. 243.

² Сахаровъ, Сказанія Рус. народа. Спб. 1841. Кн. II. Заговоры №№ 18, 19, 20, 25, 27, 30, 31, 34, 36.

³ Карамзинъ, И. Г. Р. IV. пр. 387.

⁴ Исторія Рос. Іерархіи. IV. М. 1812. Стр. 607.

⁵ Сленировъ, ib. I. 15-16.

⁶ Касторскій, ib. 135.

⁷ Гельмольдъ. I 84. Вертольдъ, Geschichte von Rügen und Pommern. I. Hamburg. 1839. Стр. 559.

бегла (Zobtenberg), Кёнигсгайская горы, Прашцкая, Баббогъ и Чернобогъ и пр. О томъ, что горы и камни, обождамы были древними Чехами, свидѣтельствуетъ Козма Пражскій¹. Въ прѣсняхъ Крадеворской рукописи упоминается о скалѣ, мѣдой богамъ, на которой совершались жертвоприношенія². У Славянъ священными горами до сихъ поръ считаются въ некоторыхъ изъ вершинъ Татранскихъ; по духъ поверью, тѣмъ вершинъ собираются въ Ивановъ день на Матру молиться духамъ, живущимъ въ этой горѣ. У Хорутанъ имя священной горы носятъ Трыгавъ. У Хорватовъ и Сербовъ приморскія хребты Велебитскій считается обитающимъ вивъ горныхъ русалокъ, которыя, по народному преданію, какъ духи добрые, помогаютъ человеку, прелостерігають его отъ опасностей, даютъ ему, зная о духъ своихъ голосомъ, предсказываютъ ему будущее и требуютъ отъ него жертвъ. У Хорватовъ есть обычай, оставлять для нихъ на камняхъ плоды и лепты, обычай, превращающійся въ дивную игру, но оставшійся, конечно, отъ временъ языческихъ, когда имѣлъ религиозное значеніе. У нихъ есть и пословица: «кузнецъ, злато, ча же тебѣ, мило», употребляемая, когда говорится о вынужденномъ подаркѣ.

Хотя всего этого мало, чтобы составить полное понятіе о богослуженіи горномъ; но и изъ этого видно, что божестьмъ горнымъ молились, приносили жертвы, что къ нимъ обращались когда желали узнать будущее, и что вершины горъ, скалы и камни были святящими этого богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники каменные, которыхъ слѣды видѣны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполнахъ, и др.

Лѣса, роши и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохранили отчасти донынѣ чувство религиознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рошахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ шютахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по

¹ Козма Пражскій, ib. 197.

² Крадевор. рпись IV, 143—145. Срав. Стредоскаво, Saeta Morav. hist. 42.

³ В. С. Караджичъ, ib. 69—70. Эт-же. Сръпско пјесме: Бечъ 1841. I. 149 и слѣд.

народнымъ преданіемъ, это върваніе было общимъ для всѣхъ Славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у Русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: «Прихода на островъ св. Георгія — говорятъ они — Русскіе совершали жертвоприношенія подъ брѣвнами дубомъ¹. Въ Уставѣ Владимира о церковныхъ судахъ говорится: о тѣхъ, «кто молится въ рощеніи², а въ житіи Князя Константина Муромскаго читаемъ, о поклоненіи «душицамъ древантаръ, живущимъ въ обѣщивающе³. Этотъ по-слѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ, вѣщаютъ волотаца и мотки, нитокъ, называя эти приношеніями русалкамъ⁴. Въ Густынской летописи упоминается о жертвоприношеніяхъ рощеніямъ; а въ Ипатьевской летописи — о служеніи около вуота⁵. И хотя уже Кириль Туровскій говорилъ, что «уже бо не нарекутся богамъ, ни древесамъ⁶; однако не только Духовный Регламентъ, запрещающій «передъ дубомъ молитвы вѣтъ, но и до сихъ поръ народъ Русскій рассказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ, тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ некоторымъ старымъ деревьямъ, и даже когда-либо обычай, напоминающій о языческомъ лѣсномъ богослуженіи. Тѣхъ въ сказкахъ и заговорахъ говорится о «садѣ видимой, но невидимой», живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ молрецкомъ, такъ о чемъ-то священномъ и пр.⁷ Семнадцатая пѣсня: «подъ лѣсною столъ стоятъ», какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ⁸. Некоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса; простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное заушье, какъ въ ротъ судьбы; на Бескидахъ и въ лѣсахъ Поволжскихъ есть обычай у охотниковъ первый уловъ оставлять какъ жертву лѣсной силѣ и пр. Полки также чтятъ деревья. Эббо упоминаетъ о большомъ орѣховомъ деревѣ, посвященномъ богу близъ Штетина; а Сефридъ — о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который по-

¹ Константинъ Порфир. De Administrando imperio. 9.

² Уставъ Владимира: ib. 1.

³ Карамзинъ, И. Г. Р. II пр. 216.

⁴ Касторскій, ib. 134.

⁵ Ипатьев. Лето. ib. 184, 234, 237.

⁶ Калайдовича, Памятники XII в. 19.

⁷ Снегирева, ib. I, 39, II, 6.

⁸ Сахарова, ib. Заговоры №№ 11, 19, 25, 28, 29.

⁹ Снегирева, ib. III, 112.

читался живущемъ какого-то бога¹. Народъ считаетъ до сихъ поръ нѣкоторыя рощи священными и запечатлѣтъ прежнее уваженіе къ нимъ въ слѣдствіе названійхъ: нѣкоторыя называются по прежнему обычаю «божницами»². О религіозномъ почитаніи лѣсовъ и деревьевъ у Балтійскихъ Славянъ есть много современныхъ свидѣтельствъ. У Титмара читаемъ, что священнымъ считался лѣсъ, окружавшій храмъ Петрскій, священнымъ и обожаемымъ былъ и Святой боръ (Zuidibor)³. Больше подробныя извѣстія находимъ у Гельмольда, который не только говорить о почитаніи лѣсовъ и рощъ, какъ святилищъ и о запрещеніи клѣсться деревьями; но и подробно, какъ самовидецъ, описываетъ одну изъ священныя рощъ. «На пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы заѣхали—разсказываетъ онъ—въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ—голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы священныя дубы, которые были посвящены богу того края, Прове. Они окружены были дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой съ двумя воротами. Кромѣ пенатовъ и идоловъ, которыми наполнены были все мѣстечки, это мѣсто было святилищемъ для всего края, шло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда послѣ праздника, складлся народъ на судъ съ жрецомъ и княземъ. Входъ въ дворъ воспрещенъ былъ всякому кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ принести жертвы или кто, угрожаемый опасностію смерти, искалъ тутъ убійца. Когда мы прибыли къ этой рощѣ, епископъ сталъ насъ увѣщавать преступить къ разрушенію святилища и самъ соскочивъ съ коня, низринулъ большіе фронтоны воротъ. Тогда, вышедши въ дворъ, мы сложили разрушенную ограду вокругъ тѣхъ священныя деревъ въ костеръ и зажгли»⁴. Арнольдъ Любекскій упоминаетъ о рощахъ Годсрака, а Марескалкъ Турій о рощахъ Живы⁵. До сихъ поръ въ Германіи, гдѣ

¹ Эббо. 98. *Сефрида*. 106, 168, 169.

² Голембѣгскій, *Lud polski*. Warsz. 1830. Стр. 278—279. *Ходковская* Донесеніе въ Истор. Сбор. VII. 116: Гай богъ. *Фабрицій*, *Urkunden zur Geschichte d. F. Rügen*. Stralsund. II. 1843. 68. № 132: «*due arbores que Hagebokin dicuntur*».

³ *Титмаръ* VI, 26, VII, 17. Сравни *Анналиста Сакса* подъ 1009: *Zuidibore*.

⁴ Гельмольдъ. I, 84.

⁵ Арнольдъ Любек. *Chronicon Slavorum*, IV, 24, (Сравни *Линна*, *Jahrbücher des Vereins für Meklenb. Gesch.* VI. Schwerin. 1841. Стр. 70). *Марескалкъ Турій*. *Annales Herulorum*. I. 4.

прежде жили Славяне, нѣкоторые рощи и боры называются свѣтлыми¹. О нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ рассказываетъ какъ о мѣстахъ сбораща духовъ, и прислушивается къ ихъ голосу, какъ къ голосу оракула. Въ Лужицахъ Саксовскихъ говорятъ, что въ такихъ «святыхъ гаяхъ» являютя тѣни стародавнихъ князей и молятся тамъ неизвестному богу, принося жертвы. О существованіи лѣснаго богослуженія у Чеховъ находимъ свидѣтельство у Козьмы Пражскаго. Въ одномъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, что вторая изъ трехъ дочерей Крока, Тетка, научила народъ обожать дѣдъ, и что въ его время еще было въ проетомъ народѣ религиозное почтеніе къ рощамъ и деревьямъ; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что князь Брѣтиславъ разрушилъ и сжегъ рощи и деревья, которыя были еще почитаемы проетымъ народомъ во многихъ мѣстахъ². Въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ» говорится, что Честмиръ, посланный княземъ Некланомъ на Власлава, передъ выступленіемъ въ походъ, «pode wzie drua wzlozie obieti bohom». Въ другой пѣснѣ «о великомъ пораженіи», тамъ же, Забой, жалуеть на иновѣрцевъ, угнѣтавшихъ ихъ вѣру, говоритъ между прочимъ, что они, «rosiekachu wsie drua i rozhrusichu wsie bohi»³. У Словаковъ есть много воспоминаній о священныхъ рощахъ. Кромѣ суевѣрныхъ рассказовъ о чудесахъ, тамъ совершающихся, видимъ у нихъ обычай, довольно распространенный, содержать подлѣ селеній заповѣдныя «гаи», большею частію на возвышенныхъ мѣстахъ: туда осенью собираются дѣвушки «слушать духа», который шопотомъ падающихъ листьевъ высказываетъ имъ ихъ будущее. Въ ихъ сказкахъ попадаются случаи, подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и рѣдить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубину лѣса, въ такую чашу, куда бы не могъ дойти лучъ солнца⁴. Преданія о святости лѣсовъ есть и у Славянъ Задунайскихъ, которыхъ воображеніе живо еще завято повѣрьями объ обитательницахъ лѣсовъ, виллахъ, о великанахъ, скрывающихся въ ихъ недоступной чашѣ, и пр. У Хорутанъ нельзя не замѣтить обычая, сохранившагося во многихъ мѣстахъ, совершать обряды и игры у липы, которую украшается средина главной сельской площади. Уваженіе къ

¹ Напр. Heiligenhai или Swent. Schwarz, Einleitung zur Geschichte Nord. Deutsch. Slav. 204.

² Козьма Праж. 10, 197.

³ Краледвор. пѣсн. IV, 22—23. VI, 50—51.

Краледвор. пѣсн. VI, 15—19.

ланамъ обще и многимъ другимъ Славянамъ. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рошахъ и дѣсахъ любили выдѣлывать Славяне хоронить мертвыхъ. Это запрещалъ Поморянамъ Оттонъ Бамбергскій; это запрещалъ и Чехамъ князь ихъ Брѣтиславъ.¹ Изъ всего, что сказано выше о дѣсахъ и рошахъ, какъ святилищамъ, можемъ вывести слѣдующее: Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, верѣдно душистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено копьями, иногда завѣшено тканями, брѣшными на вѣтви, — или около куста, — или же къ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣлены оградой, за которую не было никому позволено переступить безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то во крайней мѣрѣ въ некоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили истава, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

III.

Нельзя не согласится, что и такъ называемыя городища принадлежали къ святилищамъ, составляя переходъ отъ простыхъ жертвенниковъ къ храмамъ. Какъ памятники язычества, они заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не имѣя возможности говорить о нихъ здѣсь подробно, сообщу только въ общемъ итогѣ то, къ чему привели меня изслѣдованія, мною сдѣланныя въ западныхъ Славянскихъ земляхъ, сравнительно съ изслѣдованіями Ходаковскаго.² Городищемъ³ называется старинная валовая насыпь, изогнутая на своемъ протяженіи правильно дугою или угловато въ цѣлый кругъ или полукружіе, и иногда обведенная кругомъ ли, или съ какой нибудь стороны, не ровомъ, а другою подобною насыпью или даже многими. Изъ городищъ одновальныхъ многія суть полныя круглыя, въ ко-

¹ Коларъ, Zpiewanku. I. 429—431.

² Андрей, V. Ott. II. 82. Козжа Праж. 142.

³ Ходаковскаго, Планъ Путешествія по Россіи, въ Сынъ Отеч. за 1820. N 33—40; а извлеченіе изъ него въ Вѣстникѣ Евр. 1820. N 17—18. Ею же, о Słowiańszczyźnie przed Chrzescianstwem. Краков. 1835. Ею же, Историч. Система, въ Рус. Истор. Сборникѣ, I. М. 1837, кн. 3.

⁴ Рус: городище, городиско; Польш: grodzisko, Луж: pol zisce, Чеш: hradiste.

торыхъ валъ образованъ по круговой чертѣ, болѣе или менѣе правильной, и опускается въ завалье полого, а на внѣшнюю сторону довольно круто, и притомъ такъ, что у нѣкоторыхъ валъ всюду одинаково высокъ, между тѣмъ какъ у другихъ онъ въ одну сторону высокъ и широкъ, а въ другую гораздо ниже и уже. Иныя изъ нихъ вовсе не имѣютъ входа; иныя же имѣютъ одинъ входъ или два. Въ городищахъ полныхъ и угловатыхъ валъ образованъ по четверугольному чертежу, но болѣе или менѣе закругленъ: они бываютъ также со входами и безъ входовъ. Отъ городищъ полныхъ съ перваго взгляда отличаются городища половинныя; у нихъ отворенная сторона обыкновенно обращена къ болѣе или менѣе крутому скату горы, подъ которымъ почти всегда течетъ вода,—и валъ у нѣкоторыхъ образованъ дугою болѣе или менѣе глубокою, а у другихъ заугленъ покомемъ или глаголемъ. Городищами многовальными можно назвать тѣ, которыя кромѣ главной, полной или половинной, круговой черты вала, имѣютъ еще особенныя валовыя насыпи кругомъ или съ боку. Разнообразіе этихъ придѣлокъ такъ велико, что едва ли можетъ быть подведено подъ какія нибудь общія условія. Почти каждое такое городище представляетъ какую нибудь особенность, которой не имѣетъ никакое другое, и между тѣмъ эти придѣлки, безъ сомнѣнія, что нибудь значили, насыпались не случайно, не по прихоти, а въ слѣдствіе нужды. Вообще ихъ можно раздѣлять на два разряда: въ городищахъ двойныхъ или составныхъ трудно отдѣлять главную часть отъ приставной; въ городищахъ фигурныхъ или обсыпныхъ около главнаго вала находятся придѣлки, не соединенныя съ нимъ въ одно цѣлое. Придѣлки эти иногда имѣютъ форму дуги, обводя собою главный валъ, то съ задней стороны, то почти кругомъ; иногда же, получая самыя разнообразныя формы, примыкаютъ болѣе всего къ входу городища¹. Городище имѣетъ свой тылъ или заднюю сторону тамъ, гдѣ валъ поднимается выше, и свою переднюю сторону или лицо тамъ, гдѣ валъ ниже, или гдѣ есть входъ въ городище. Ходаковскій считалъ лицо или входъ съ востока однимъ изъ важныхъ условій устройства городища²;

¹ Примѣры городищъ разныхъ формъ можно найти у Ходаковскаго (Истор. Сист.), *Калайдовича* (Письма объ археолог. изслѣдованіяхъ). М. 1825), *Ванера* (Die Tempel und Pyramiden auf dem recht. Elb-ufer. Leipz. 1828. Aegypten in Deutschland. Leipz. 1839), *Пренскера* (Blicke. I. 100 и слѣд. II. 116 и слѣд. 192 и слѣд.), и проч.

² Ходаковскій, Истор. Система. II, 27. 93.

есть, однако, много городищъ, обращенныхъ къ западу, сѣверу и югу, а въ обращенныхъ къ востоку нельзя не замѣтить что многія изъ нихъ обращены не прямо на востокъ, а замѣтно болѣе на сѣверъ, чѣмъ всходитъ солнце лѣтомъ. При томъ же, лицо и тылъ городища не всегда обращены въ противоположныя стороны: у многихъ лицо въ отношеніи къ тылу находится съ боку. — Ни одно изъ городищъ не сохранилось, быть можетъ, вполне въ такомъ видѣ, въ какомъ было первоначально: одни осѣли, другія разрыты водою или людьми, и всѣ такимъ образомъ могли потерять хоть что нибудь какъ въ своей формѣ, такъ и въ величинѣ. Тѣмъ не менѣе, не опуская изъ виду формы, нельзя не обращать вниманія и на величину городищъ, т. е. на длину вала по его вѣнцу, на толщину и вышину его, наконецъ на обширность завалы или внутренняго пространства городища. Длина вала по вѣнцу рѣдко бываетъ менѣе 80 шаговъ и также рѣдко доходитъ до 1000 шаговъ: обыкновенной величины городища простираются въ длину отъ 150 до 300 шаговъ по вѣнцу вала. Высота вала не соразмѣряется съ его длиною: напротивъ того, въ очень большихъ городищахъ вообще валъ ниже, — можетъ быть впрочемъ, отъ того, что легче могъ быть испорченъ. Вообще валъ не бываетъ ниже 3-хъ шаговъ въ отвѣсѣ и доходитъ слишкомъ до 20. Что касается до толстоты вала, то она, съ немногими исключеніями, всегда соразмѣрна съ его вышиною, расширяясь внизъ обыкновенно подъ угломъ 90—110°. Во внутреннемъ пространствѣ городища широта поперечнику до 80 шаговъ и болѣе, а иногда и не болѣе 10. — Такъ разнообразны городища, встрѣчаемая въ земляхъ Славянскихъ. Не во всѣхъ, впрочемъ, Славянскихъ земляхъ онѣ встрѣчаются, хотя Ходаковский и воображалъ, что ими наполнено все пространство отъ Уральскихъ горъ и Камы на западъ до Эльбы и Герцинскихъ лѣсовъ, а отъ Сѣверной Двины на югъ до Балканскихъ горъ и Адриатическаго моря¹. Границы восточныя, можетъ быть, и справедливо означены; но на западѣ ихъ должно означить совсѣмъ иначе. Тамъ горная черта, идущая по вершинамъ Карпатскаго хребта, Судетовъ, Моравскаго погорья, Шуманы или Чешскаго лѣса и Рудныхъ горъ, и отдѣляющая Дунайское загорье отъ загорья Балтійскаго, отдѣляетъ и земли, обильныя городищами, отъ земель, гдѣ ихъ едва ли не вовсе нѣтъ. Въ земляхъ южныхъ Славянъ, т. е. Болгаръ, Сербовъ,

¹ Ходаковский, Планъ путешествія. Сынъ От. № 33. Стр. 296.

Хорватовъ и Хорутанъ, равно и въ земляхъ Угорскихъ Русиновъ и Словаковъ, занимающихъ южные склоны Карпатовъ, также и въ Моравіи, на востокъ отъ Моравскаго погорья, можно слышать объ усадьбахъ, селеніяхъ, городахъ, урочищахъ, называемыхъ городищами, но едва ли можно найти самыя городища. Напротивъ того, по сѣверному склону Карпатовъ и Судетовъ и вокругъ Исполнивыхъ горъ, городища небольшою рѣдкостью, особенно между верховьями Эльбы, Одры и Вислы. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ ихъ менѣе. Въ Мекленбургѣ нашлось пока только одно городище¹. Въ иныхъ мѣстахъ находимъ городища расположенными довольно близко одно отъ другаго. Это заставило думать, что онѣ и вездѣ въ предположенномъ пространствѣ одинаково часты, что на каждой квадратной милѣ, какъ думалъ Ходаковский, можно искать городища, и что притомъ каждое лежитъ уединенно, что нельзя видѣть двухъ, трехъ на одной верстѣ². Факты противорѣчатъ этой догадкѣ; въ Лужицахъ, напримѣръ, чѣмъ глубже идти на югъ въ горы и чѣмъ ближе подходитъ къ такъ называемому Болоту (Bloto, Spreewald), тѣмъ ихъ меньше; въ Силезіи и Галиціи ихъ болѣе въ южной половинѣ, нежели въ сѣверной; въ южной Россіи нѣкоторыя порѣчья, подобно Коломацкому, примѣтно отличаются богатствомъ городищъ, и можно найти большое пространство, напримѣръ въ степи, не найдя ни одного. Равными образомъ и на востокъ, и на западъ городища попадаются иногда такъ близко, что съ одного можно ихъ видѣть нѣсколько: такъ на Шпревѣ и ея притокахъ одно отъ другаго отстоятъ иногда не далѣе какъ въ полуверстѣ. — Ходаковский былъ убѣжденъ, что городища были ставимы только на мѣстахъ возвышенныхъ надъ водою, съ себя и на себя давая открытій, прекрасный видъ, или на стрѣлкахъ соединенія двухъ потоковъ воды³. Это нѣ кажется недосмотромъ. Конечно, есть много городищъ, поставленныхъ въ такихъ мѣстахъ; но много есть и такихъ, которыя окружены равниной, болотами, лугами, холмами и скрываются за ними почти со всѣхъ сторонъ. Большая часть Саксонскихъ, сѣверныхъ Лужицкихъ, юговосточныхъ Силезскихъ и пр. лежатъ въ болотахъ; большая часть Южнорусскихъ—на совершенно ровныхъ

¹ Ravensburg. *Bartsch*, Jahresbericht d. Vereins für Meklenburg. Gesch. Schwerin. 1840. 110—117.

² Ходаковский, Истор. Сист. 11—12.

³ Ходаковский ib. 11.

мѣстахъ; у очень многихъ не находимъ слѣда текучей воды; другія лежатъ въ лѣсахъ, и не мудрено, что какъ теперь, такъ и прежде скрывались за чащей. Вообще, мнѣ кажется, городища въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на два разряда. Одни лежатъ на мѣстахъ открытыхъ, могли быть всегда видны хоть съ какойнибудь стороны,—и таковы: степныя не только видныя, но и приступныя; таковы же и нагорныя, которыя хоть и могли быть неприступны, съ одной стороны окружаясь лѣсомъ, съ другой крутизною ската, но все-таки были видны съ этой стороны снизу вверхъ. Другія, напротивъ, лежатъ на мѣстахъ, гдѣ они легко могли быть скрыты за лѣсами, за болотами или за тѣми и другими вмѣстѣ.

Всего этого, кажется, довольно, чтобы понять внѣшній видъ и положеніе городищъ; остается сдѣлать еще нѣсколько замѣтокъ о томъ, что городища были дѣйствительно святилищами богослуженія у древнихъ Славянъ. Это доказывалъ уже Ходаковский, еще не обращая вниманія на то, что можно въ нихъ найтѣ, разрывая почву, ихъ покрывающую¹. Теперь, когда многія изъ нихъ разрыты, можно говорить объ этомъ положительнѣе. Въ городищахъ, при разрытіи оконечностей вала и внутреннего пространства завалы, находимы были: а) уголь и зола, въ огромномъ количествѣ сваленные куда-нибудь къ сторонѣ, а иногда покрывающіе дно завалы; б) въ углѣ и золѣ недогорѣвшія головни, кости и рога животныхъ, черепки разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ; в) въ углѣ и золѣ, а также въ насыпи и въ завалѣ—ножи, стрѣлы, приборы къ одеждѣ изъ бронзы, серебра, золота и пр., д) каменныя основанія костра и между камнями недогорѣвшіе брусья². Все это доказываетъ, что въ городищахъ сожигали людей и животныхъ, и что, слѣдовательно, это были мѣста или жертвоприношеній, или сожженій мертвыхъ, носившихъ на себѣ тотъ же характеръ жертвоприношеній, или того и другаго вмѣстѣ. Нельзя оспаривать, что городища могли быть въ немирное время мѣстами убѣжищъ, какими были и священныя рощи и храмовые города, во время мира совершенно пустынные³; но не въ этомъ заключалась ихъ прямая цѣль: иначе бы не то можно было находить въ нихъ. Притомъ же, нѣкоторыя изъ городищъ такъ малы, что ихъ, какъ военныя укрѣпленія,

¹ Ходаковский ib. 53 и слѣд.

² Смотр. вышеознач. статьи *Прейскера* и *Вагнера*.

³ *Гельмольде*. I, 84. Срав. ниже о храмовыхъ городахъ.

употреблять было бы странно. Не говорю уже о томъ, что употребленіе рва у вала для защиты отъ врага столь же общезвѣстно, какъ и естественно; а между городищами нѣтъ ни одного, въ которомъ бы валъ былъ окруженъ рвомъ, такъ что въ этомъ нельзя не видѣть намѣренія, вовсе не тактическаго. Наконецъ, и въ народѣ хоть они извѣстны иногда подъ именемъ шанцевъ, но сохраняютъ и священный характеръ, пробуждая собою религіозный страхъ, или приковывая къ себѣ какія нибудь языческія воспоминанія. Словомъ сказать, богослужебное значеніе городищъ видно изъ всего. Тѣмъ болѣе надобно сожалѣть, что нѣтъ пока возможности дознаться не по одинымъ догадкамъ, какаго именно рода богослуженію посвящены были они, какіе именно обряды были въ нихъ совершались, и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ надобно отложить до того времени, когда городища подвергнутся изслѣдованіямъ, болѣе подробнымъ.

IV.

Переходимъ къ обзорѣнію храмовъ.

Древнѣйшее изъ извѣстій о языческихъ храмахъ Славянскихъ принадлежитъ Арабскому писателю, Масуди. Въ его Золотыхъ Лугахъ читаемъ о нихъ слѣдующія строки: — «Были въ землѣ Славянской священныя зданія. Одно изъ нихъ находилось на горѣ, одной изъ самыхъ высокихъ, какъ говорятъ философы. Это зданіе славно — по своей архитектурѣ, — по сложенію камней различнаго рода и разнообразныхъ цвѣтовъ, — по отверстіямъ въ верху, — по настройкамъ, сдѣланнымъ въ нихъ для наблюденія точекъ восхожденія солнца, — по драгоценнымъ камнямъ, въ немъ сохраняющимся, — по знакамъ, на нихъ начертаннымъ и показывающимъ будущія дѣла, событія, предсказанныя этими драгоценными камнями прежде, чѣмъ они случились, — по звукамъ, раздающимся сверху зданія, — наконецъ по тому, что приключается съ людьми, когда эти звуки поражаютъ ихъ слухъ. Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на Черной горѣ, окруженной чудотворными водами различнаго цвѣта и вкуса, которыхъ нѣлебная сила всюду звѣстна. Тамъ есть у нихъ большой идолъ, представляющій Сатурна въ видѣ старца... тамъ же есть странныя

изображенія различныхъ Абиссинявъ и Эѳіонякъ. Еще одно изъ зданій находится на горѣ, окруженной морскимъ заливомъ: оно построено было изъ краснаго коралла¹ и зеленаго изумруда. Посреди зданія возвышается большой куполъ, подъ которымъ стоитъ идолъ; а противъ него другой, изображающій дѣву. Построеніе этого храма приписывали мудрецу, жившему когда-то давно между нами². Нельзя не сказать, что въ этомъ описаніи кое-что обрисовано красками невѣрными, въ преувеличенномъ видѣ; но нельзя и отвергнуть всего описанія, какъ совершенно негоднаго для историческихъ соображеній: многое подтверждается извѣстіями другихъ источниковъ. Остается одно загадкою: какимъ Славянамъ принадлежали храмы, тутъ описанные. Не Славянамъ югозападнымъ, можно сказать только потому, что о храмахъ ихъ ни въ вѣдѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карпатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣдѣній, какъ нѣтъ свѣдѣній и объ ихъ идолослуженіи. Скорѣе можно было бы приписать ихъ Славянамъ восточнымъ или сѣверо-западнымъ, потому что знаемъ и о сношеніяхъ ихъ съ Арабами, и объ ихъ храмахъ, въ родѣ тѣхъ, которые описаны у Масуди. О храмахъ Русскихъ Славянъ имѣемъ, впрочемъ, только краткія напоминанія. О третищахъ напоминаетъ Новгородская лѣтопись; о капищахъ—Митрополитъ Илларионъ въ «Словѣ о Законѣ Моисеемъ даннѣмъ»; о капищахъ въ Ростовской области, разрушенныхъ чудотворцемъ Исаіей—Кіевскій Патерикъ³, и т. д. Самое подробное извѣстіе о Русскихъ языческихъ храмахъ находится въ Сагѣ объ Олавѣ Тригвессонѣ: Олавъ—сказано тамъ—ѣздилъ всегда къ храму съ княземъ Владиміромъ, но никог-

¹ По другому списку: «изъ мрамора».

² Масуди, ib. 319 - 321, 340, 358.

³ *Новгор. Лѣт.* въ Продолж. Рос. Вѣдомъ. II. 111. Творенія Св. Отцевъ. М. 1844. II. 204, *Карамзина*. II. Г. Р. I. пр. 225. *Третище*—храмъ, жертвенникъ (Иерем. VIII, 31: создала трѣбище—Vulgat: excelsa.—Павла Посл. I къ Коринѣ. VIII, 10: въ третищи возлежаща—Vulgat: in idolio). *Третище-тереть*—щипать, выщипывать, вырѣзывать, вычищать; *трѣба*—нужда, обрядъ — *Капище*—идолъ, жертвенникъ. (Исходъ. XXIII. 24: сокрушиши капища—Vulgat: statuas. Дѣян. Апост. XVII, 23: обрѣтохъ капище—Vulgat: agam. Срав. *Карамзина*, II. Г. Р. I. пр. 458. *Капище*, по Добровскому (Срав. Слав. I. 122. рус. перев.), отъ кап-ати, не нравильнѣе ли отъ кап-отъ (срав. Греч. καπτος).

да не входилъ въ него, а стоялъ за дворьми, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы¹.—О храмахъ Польскихъ Славянъ есть известія болѣе разнообразныя. Объ ихъ существованіи упоминаютъ Длугошъ и Бѣльскій, о храмѣ богини Живы на горѣ Живцѣ—хроника Премоша, о храмахъ земли Колобрежской—хроника Титмара². Кромѣ того, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго довольно подробно говорятъ о храмахъ Штеттинскихъ. «Были въ Штеттнѣ—пишетъ Сефридъ—четыре «континны» (continas, concivae), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внѣшняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшена была выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо сдѣланными, что кажется они дышали и живы, и, скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія внѣшней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить. Въ ней хранились разныя драгоценныя вещи, оружія и пр. Въ ней же былъ трехголовый идолъ, называемый Триглавомъ.... Три другія континны были меньше уважаемы и меньше украшены: въ нихъ были только скамьи и столы кругомъ стѣнъ, потому что тутъ бывали обычно собранія и совѣщанія, сюда сходились въ известныя дни и часы пировать и разсуждать о важныхъ дѣлахъ»³. Изъ Эббона можно прибавить, что храмъ Триглава былъ на одной изъ трехъ горъ Штеттинскихъ, самой высокой⁴.—Всего болѣе пзвѣстны храмы Балтійскихъ

¹ *Сага объ Олаві Триггссонъ.* Руск. Истор. Сбор. IV. 46—47. стр. 96—97.

² *Длугошъ.* V, 9. *Премошъ*, 113. *Титмаръ.* VIII. 53.

³ *Сефридъ.* 104, 105. Онъ объясняетъ слово континна отъ Лат. continere: puto ab eo quod est continere continas esse, vocatas. Иныя производили это слово отъ *Гонтъ*—Schindel (*Карамзинъ.* И. Г. Р. I. 68. *Бартольдъ*, ib. I. 561); другіе читали: кончины, и, сравнивая или съ *конь-конецъ*, думали, что онѣ стояли на концахъ города, или же съ *конь-законъ*, воображали, что онѣ были мѣстами храненія законовъ (*Wiener Jahrbücher.* XXVII, 90. *Раковскій*, *Рѣчьма Руска.* Варш. 1802. I. 113—114). По моему мнѣнію, *contina-concivae* то же, что Старослав. *кѣтина*—Польское *касіна*: корень—*кѣтъ* (кутъ, уголь); отъ него Старослав. *кѣща*, Срб. *куѣа*, Хрт. *коча* (домъ). Срав. Нѣм. *katschen*. Такъ *храмина* отъ *храмъ-хороми* (домъ, клѣтъ).

⁴ *Эббо.* 64. 97.

Славянъ. Что ихъ было тамъ много, замѣтилъ уже Титмаръ. Онъ сообщаетъ между прочимъ и описаніе одного изъ нихъ. «Въ землѣ Редарей—говоритъ онъ—есть городъ, по имени Ридегость, трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое изъ воротъ могли входить всѣ, а третья, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю, которое тутъ близко и ужасно на видъ. Въ городѣ вѣтъ ничего кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извнѣ украшены чудесной рѣзбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшнѣ одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ изъ нихъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичъ.... Въ храмѣ хранятся священныя знамена.... Сколько краевъ (regiones) въ этой землѣ, столько и храмовъ; но вышепомянутый городъ повелѣваетъ всѣмъ имъ»¹. Тотъ же самый храмъ, по позднѣе, можетъ быть, перестроенный послѣ разрушенія, описываетъ Адамъ Бременскій: «Знаменитый городъ Редарей, Ретра,—столпца идолопоклонства. Въ немъ воздвигнутъ большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Редвгастъ (Радвгастъ, Радагастъ).... Въ городѣ девять воротъ, и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ. Входятъ въ него по деревянному мосту, но по нему нати позволяется только тѣмъ, кто хочетъ принести жертвы или получать отвѣты на гаданья. Это знакъ того, что девять разъ обтекающій Стиксъ удерживаетъ погибшія души язычниковъ. отъ Гамбурга до Ретры четыре дни пути»². О храмѣ Ретрскомъ упоминаетъ и Гельмольдъ, называя городъ очень древнимъ, а храмъ, посвященный Радагасту, очень славнымъ³. Гельмольдъ упоминаетъ еще о храмѣ Плонскомъ въ землѣ Вагровъ, о храмѣ въ землѣ Цирципановъ и о храмѣ Арконскомъ на островѣ Руянѣ, замѣчая знаменитость его и богатство⁴. Подробное описаніе храма Арконскаго находится въ Датской исторіи Сакеона грамматика:—«Городъ Ар-

¹ Титмаръ. VI, 17—18. Прибавка выраженія: quæ nulli facile patet о восточномъ входѣ сдѣлана по Брюссельскому списку, слѣдуя мнѣнію Гизебрехта, Wend. Geschichten. Berl. 1843. I. 69.

² Адамъ. Брем. II. 11—63. Гельмольдъ. I, 2.

³ Гельмольдъ. I, 21.

⁴ Гельмольдъ. I, 37, 72. 84. II, 12.

кона—пишетъ онъ.—построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искусственной защитой — утесами, которые поднимаются какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія; подъ ними море. Съ запада онъ защищенъ валомъ, вышиною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ земли, а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри засыпаннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течетъ обильный водою потокъ, къ которому ведетъ укрѣпленная дорога. Посреди города площадь и на ней деревянный храмъ превосходной работы, почитаемый, впрочемъ, не только по великолѣпію, но и по величію бога, которому тутъ воздвигнуть кумирь. Заборъ, окружавшій зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными фигурами, покрытыми впрочемъ грубою, безобразною раскраской. Только одинъ входъ былъ въ немъ къ храму. Самый храмъ былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя стояла изъ толстыхъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей, внутренняя — изъ четырехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, вмѣсто стѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соединяясь съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и кровлей. Въ храмѣ стоялъ огромный идолъ (Святовида), а подлѣ него были узда, сѣдло, мечъ и пр... Когда идолъ былъ перерубленъ у лядней, то упалъ на ближнюю стѣну, такъ что надобно было ее вырубивать, чтобы вытащить его изъ храма.... Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прекрасной, но уже встлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по обдѣлкѣ.... Тому же богу (Святовиду) были посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ»¹. Саксо грамматикъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности и о Кореницкомъ храмѣ Рујевица, на томъ же островѣ Руянѣ:—«Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ. Не обитаемый во время мира, онъ былъ половъ жилищъ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ, не упалъ бы на голую землю. Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не имѣя стѣнъ, завѣщена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однѣхъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова,

¹ Саксо грам. 822, 823, 826. 837.

то дубовый идолъ Ружевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ»¹. Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокѣ². О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами говоритъ хронографъ Саксо³. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія Св. Оттона Бамбергскаго: о храмѣ удивительной величины и красоты въ Гуцковѣ, о храмѣ въ землѣ Лютичой, о храмахъ въ Вольгастѣ, Юлиѣ, Гавальбергѣ⁴. О другомъ храмѣ у Гаволяцъ въ городѣ Браунборгъ намекаетъ Пуккава⁵ и пр.

Вотъ почти все, что намъ положительно извѣстно о Славянскихъ языческихъ храмахъ. Очень не многое можно прибавить къ этому для объясненія ихъ архитектуры. — Внутренность храма раздѣлялась на двѣ части—переднюю часть и собственное святилище. Святилище иногда находилось въ серединѣ храма. Думаю—иногда, потому что Саксо грамматикъ замѣчаетъ положеніе святилища по серединѣ Ружевита храма какъ особеннѣе, говоря объ этомъ храмѣ только то, что въ немъ было отдѣльно отъ храма Святонилова, и не говоря о другихъ храмахъ вовсе ничего, безъ сомнѣнія потому, что о нихъ нельзя было сказать ничего особеннаго. Если же святилище только въ нѣкоторыхъ храмахъ занимало середину, то въ другихъ оно было конечно, въ концѣ, противоположномъ входу. Такъ, кажется, и было въ Аркепскомъ храмѣ Святонила: идолъ, перерубленный по ладвеямъ, повалился на ближнюю стѣну; слѣдовательно отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны было меньше пространства, нежели сколько въ вещь самомъ вышла отъ головы до середины ладвей. И хотя идолъ былъ выше человѣческаго роста, положимъ такъ же высокъ, какъ и идолъ Ружевита, т. е. до пяти аршинъ⁶, такъ что, слѣдовательно, отъ мѣста, гдѣ онъ стоялъ, до стѣны, на которую

¹ Саксо грам. 841—842.

² Саксо грам. 842—843, 763.

³ Хронографъ Саксо, подъ 1148.

⁴ Сефридъ. 133, 136. Эббо. 73. 80. 81.

⁵ Пуккава, Chronicon подъ 1156: Добнеръ, Monumenta Bohem. III. 167.

⁶ Саксо грам. 823. Смотр. ниже объ идолахъ.

упадъ, было отъ трехъ до четырехъ аршинъ, то все же нельзя предполагать, чтобы въ такомъ небольшомъ разстоянн были и другія стѣны храма, чтобы такой маленькій храмъ могъ Саксо грамматикъ назвать большимъ и величественнымъ. Притомъ и самъ Саксо, говоря, что вдоль упадъ не просто на стѣну, а на ближнюю стѣну (*propinquo parieti supra incidit*), тѣмъ самымъ даетъ знать, что отъ другихъ стѣнъ вдоль стоялъ дальше. — Святилище отдѣлялось отъ передней части храма четырьмя колоннами и богатыми завѣсами, спущенными до земли¹. Главный вдоль занималъ въ святилищѣ первое мѣсто, въ среднн, а вокругъ него расположены были другіе идолы и священныя вещи. — Передняя часть храма, окружавшая святилище, была вѣроятно гораздо пространнѣе. Стѣны, ее окружавшія, были украшены рѣзными изображеніями священнхъ предметовъ, рогами звѣрей, пурпуровыми тканями, — и рѣзба была не только на внутренней сторонѣ стѣнъ, но и на внѣшней, рѣзба, раскрашенная красками и барельефная, судя по тому, что Сефридъ называетъ ее выдающаея изъ стѣнъ, выпуклою (*sculpturas de parietibus prominentes*). Изображенія представляли боговъ и богинь, людей, птицъ, звѣрей, пастуховъ, безъ сомнѣнн имѣвшихъ соотношеніе съ религіозными мнѣями. Титмаръ говоритъ о рѣзныхъ украшеніяхъ только на внѣшней сторонѣ стѣнъ храма Петрскаго: легко, впрочемъ, можетъ быть, что подъ выраженіемъ «рукотворныя боги» (*dii manufacti*), надобно понимать не только идоловъ, но и барельефныя изображенія на стѣнахъ. — Но всѣ храмы были окружены прочными стѣнами: нѣые, подобно Рутеятову въ Кореницѣ, состояли изъ однѣхъ колоннъ и завѣшиваемы были тканями снаружи, такъ же какъ и внутри ими завѣшивалось святилище. Поверхъ стѣнъ или колоннъ внѣшней части храма поднималась кровля, которая также бывала раскрашиваема, — и такимъ образомъ вся внѣшность храма представлялась пестрою. Этою кровлей и поперечными балками, связывавшими стѣны или колонны передней части храма, соединялась она со святилищемъ. Нельзя предположить, чтобы кровля была совершенно плоская; а если такъ, если кровля на сколько нибудь поднималась надъ серединой храма, то надобно думать, что поперечныя балки шли отъ внѣшнихъ стѣнъ или колоннъ только

¹ Подъ словами: *aulae* и *purpura* Саксо г. понималъ одно и тоже Саксо грам. 837. 838.

до колоннъ святилища, что потолокъ его шелъ подъ самую кровлю,—и, легко можетъ быть, оканчивался иногда чѣмъ нибудь въ родѣ купола или фонаря. Такъ становится вѣроятнымъ то, что говоритъ Масуди о куполѣ третьяго изъ храмовъ, въ описанныхъ, подъ которыми стоялъ идолъ; и объ отверстіяхъ въ кровлѣ перваго храма, о настройкахъ въ немъ, сдѣланныхъ для наблюдений восхожденія солнца, гдѣ отмѣчались предсказанія и откуда раздавались по храму священныя звуки. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что недавно еще, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, существовалъ въ Силезскомъ городѣ Любусѣ (Leubus) храмъ, относимый златокана къ языческому времени, въ которомъ святилище покрыто было полукруглымъ сводомъ, а подъ нимъ помѣщались хоры, такъ что все вмѣстѣ имѣло видъ купола¹. Съ другой стороны нѣтъ ничего вѣроятнаго и въ томъ, для чего, по описанію Масуди, служили эти куполы: все это совершенно согласно съ характеромъ язычества Славянскаго и съ обрядностію его богослуженія. — Ничего вѣрнаго не можемъ сказать о вышинѣ храмовъ. Они не могли, впрочемъ, быть слишкомъ низки: иначе бы, конечно, не могли казаться величественными, какъ казались даже тѣмъ, которые привыкли къ великолѣпію храмовъ христіанскихъ; по крайней мѣрѣ, ихъ низменность была бы кѣмъ нибудь замѣчена. Ни въ какомъ случаѣ потолокъ передней части храма не могъ быть ниже главнаго идола, стоявшаго въ святилищѣ, т. е. ниже пяти аршинъ или около этого. Такъ можно заключить по тому, что говоритъ Саксо грамматикъ о Ружевитовомъ храмѣ: когда его разрушали, то стоило только сорвать завѣсы внѣшнія и внутреннія, чтобы идолъ сдѣлался видѣнъ со всѣхъ сторонъ. Предполагая же, что надъ головою идола въ святилищѣ оставалось пустое пространство, и что, сверхъ того, выше могли быть галерея для тѣхъ, кто наблюдалъ небесныя явленія или производилъ священныя звуки, о которыхъ пишетъ Масуди, нельзя не думать, что весь храмъ до верху кровли бывалъ не ниже десяти или двѣнадцати аршинъ по меньшей мѣрѣ. Само собою разумѣется, что храмы, подобные тому, какой находился въ Арконѣ или въ Гуцковѣ, должны были быть несравненно выше. Очень высокимъ долженъ былъ быть и храмъ Юлинскій, потому что въ немъ хранилось копьё на вершинѣ столба удивительной выши-

¹ *Бюшпигъ*, *Wöchentl. Nachrichten*. III. 198 и слѣд.

ны (*mirae magnitudinis*)¹. — Храмы строились большею частью изъ дерева: такъ изъ дерева былъ построенъ и храмъ Ротрскій, и храмъ Арконскій, и другіе. Это очень естественно, потому что въ Славяне издавна были мастера на постройки деревянныя, и, живучи болѣе въ мѣстахъ лѣсистыхъ, чѣмъ богатыхъ камнемъ, могли болѣе и ранѣе привыкнуть къ дереву, чѣмъ къ камню. Изъ того, однако, что о нѣкоторыхъ храмахъ положительно знаемъ, какъ о построенныхъ изъ дерева, не слѣдуетъ, что всѣ Славянскіе храмы были деревянныя. Есть, напротивъ, доказательства, что бывали и каменные. Такъ потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами нечистые духи свосили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ. Основываясь на такихъ преданіяхъ, ученые не перестаютъ исмать на Рюгенѣ и въ другихъ мѣстахъ развалины, которыя бы могли оправдать ихъ понятія о великолѣпнн храмовъ. Между Арабами также носились слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. И не одни подобныя преданія и слухи доказываютъ, что храмы были строимы и изъ камня: кое-гдѣ еще недавно видны были и остаются до сихъ поръ остатки языческой каменной постройки. Такъ въ Саксонскомъ городѣ Ютробуѣ былъ еще въ XVI вѣкѣ храмъ языческій, построенный изъ камня со сводомъ, низкою дверью и отверстіемъ противъ соднечнаго восхода². Такъ и въ Силезскомъ городѣ Любусѣ былъ храмъ, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ³. Кладбищенская церковь на горѣ Мартынской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго языческаго храма, что доказываетъ, по мнѣнію Клемма, и ея странной формой, и ея положеніемъ⁴. Нѣмцы думаютъ, что эти и подобныя остатки суть остатки языческихъ храмовъ Германскихъ; но ни мѣстаости,

¹ Анонимъ С. Круц. II, 13.

² Діаконъ Ганнеманъ у Вагнера, Die Tempel etc. 63—64.

³ Бюшинъ, ib. 200.

⁴ Клеммъ, Handbuch der german. Alterthumskunde. Dresd. 1836. Стр. 342.

гдѣ ихъ встрѣчаютъ, на свидѣнія, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія¹. Нельзя тутъ опустить изъ виду и развалины древнихъ замковъ въ земляхъ Славянскихъ, которыхъ немало встрѣчается въ Рудныхъ горахъ, Исполнахъ, Судетахъ, Карпатахъ и на горныхъ отрогахъ Прдунайскихъ: характеръ постройки говоритъ о ихъ глубокой древности, а мѣстность, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, не позволяетъ сомнѣваться, что они Славянскіе. А если строились въ то время каменные замки, почему не могли строиться каменные храмы? О каменныхъ постройкахъ язычниковъ Славянъ есть и свидѣтельства современниковъ: такъ Эббо говоритъ о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ; такъ Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ Ольги и пр.² Не смотря, однако, на все это, нельзя оспаривать, что храмы каменные были у Славянъ рѣдки, что и самые богатые храмы были строимы изъ дерева, что въ большей части храмовъ изъ камня строилось развѣ одно только основаніе.—Вспомнивъ объ основаніяхъ храмовъ, на которыхъ въ послѣдствіи воздвигнута была не одна христіанская церковь, нельзя забыть того, что храмъ Петрскій, по словамъ Титмара, воздвигнутъ былъ на рогахъ звѣрей. Рога звѣрей, какъ уже было замѣчено, служили украшеніемъ храмовъ; рога обдѣланные были въ священныя чаши, какъ объ этомъ знаемъ не изъ однихъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго;³ рогъ держалъ въ своей рукѣ идолъ Святovidа, какъ рассказываетъ Саксо грамматикъ⁴; рогъ употребляется до сихъ поръ для гаданій Лужицкими Сербами и Хорутянами; рога находятъ въ городищахъ: все это вывѣстѣ взятое позволяетъ думать, что рога имѣли для древнихъ Славянъ значеніе религиозно-символическое, и только какъ символъ клались въ основаніе храма, а не какъ дѣятельный фундаментъ, который былъ бы слишкомъ непроченъ.—Храмы были обращены главными входами на западъ, такъ что святилище было на востокъ отъ входа: съ запада былъ входъ въ храмъ Святovidовъ, съ запада были два входа въ храмъ Петрскій, между тѣмъ какъ восточный выходъ изъ ограды, велишій

¹ *Граммат.*, Deut. Mylg. 57—77.

² Эббо. 63. Несторъ. 23.

³ *Себридъ* 105.

⁴ *Саксо грам.* 825.

къ морю, никому не быть доступенъ. Востокъ считался не одними Славянами страной, къ которой долженъ обращаться чело-вѣкъ, возсылая молитвы къ Богу.

Храмъ былъ окруженъ дворомъ, обнесеннымъ оградой, кото-рая, также какъ и храмъ, была украшаема рѣзными раскра-шенными изображеніями. Было-ли что во дворѣ или за дворомъ близъ храма, объ этомъ никто изъ современниковъ ничего не упоминаетъ; можемъ, впрочемъ, предполагать, что было. Такъ думать заставляетъ уже и то, что нѣкоторые идолы имѣли сво-ихъ священныхъ коней, для которыхъ должно было быть помѣщеніе не подалеку отъ храма, гдѣ совершалась гадавія коза-ми. Кромѣ того, храмы бывали богаты разными драгоценности-ми, множествомъ вещей, приносимыхъ въ даръ, которыя, нако-пившись, не могли помѣщаться въ храмахъ; а съ другой стороны, въ слѣдъ за совершеніемъ службы богамъ, по обычаю Славянъ, начиналось пиръство, которое не могло всегда и для воѣхъ со-вершаться подъ открытымъ небомъ: для того и другаго должны были при храмахъ отдѣльныя постройки. Такими и была при Штетинской континѣ Триглава три меньшія континны: полагаю, что онѣ всѣ были на одномъ дворѣ. Притомъ-же многіе храмы стояли въ совершенно уединенныхъ мѣстахъ: жрецы и другіе служители храма не могли не имѣть своихъ жилищъ близъ хра-ма — и для совершенія служенія всегда, когда было нужно, и для охраненія храма и его богатствъ. Можно также предполо-жить, что въ одномъ и томъ-же дворѣ бывало иногда и по нѣ-скольку храмовъ: такъ было, кажется, въ Кореницѣ, гдѣ всѣ три храма стояли близко одинъ подлѣ другаго¹. — Нельзя упу-стить изъ виду, что большая часть храмовъ стояли уединенно, неокруженные жилищами прихожанъ: это заключить можно изъ описаній — и трехъ храмовъ у Масуди, и храма Петрскаго у Титмара, и храмовъ Руянскихъ у Саксона грамматика, и храма Мальховскаго у Саксона хронографа. Стоя уединенно, они бы-вали защищаемы крѣпостными валами отъ вражескихъ нападе-ній, и во время войны въ этихъ храмовыхъ крѣпостяхъ окрест-ные жители находили убѣжище, строя въ нихъ для себя вре-менные жилища, какъ знаемъ о Кореницѣ. Не мудрено, что со временемъ съ понятіемъ о храмѣ соединилось понятіе о священ-

¹ Саксо грам. 843.

номъ, ненарушимомъ убъжищѣ для всякаго, кто поручалъ себя подъ защиту Бога, въ немъ поклоняемаго ¹.

Есть нѣсколько указаній, что идоламъ поклонялись и внѣ храмовъ. Такъ Несторъ, ничего не говоря о храмахъ, говоритъ о холмахъ, на которыхъ стояли идолы; такъ въ пѣснѣ «о великомъ пораженіи» въ Краледворской рукописи, есть намекъ, что идолы ставились просто подъ деревьями; такъ узнаемъ и изъ Ибнъ-Фецлана, что Русскіе купцы въ Итилѣ поклонялись идоламъ подъ открытымъ небомъ ². Тѣмъ не менѣе идолослуженіе господствовало преимущественно въ храмахъ, и не было храмовъ безъ идоловъ, или, лучше сказать, безъ разнаго рода изображеній божествъ ³. Вотъ почему, говоря о храмахъ, надобно говорить и объ идолахъ и вообще объ изображеніяхъ божествъ, какъ о необходимыхъ принадлежностяхъ храмовъ. — Они были не только изваянные, но и рисованныя. Объ изображеніяхъ божествъ, нарисованныхъ на знаменахъ, упоминаетъ Титмаръ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двухъ, неизвѣстнаго имени, богиняхъ Лютичей, изображенныхъ на знаменахъ; въ другомъ мѣстѣ о знаменахъ боговъ, которыя брались изъ храма только во время военныхъ походовъ и сохранялись особенными жрецами ⁴. У Яровита были свои знамена, какъ упоминаетъ Эббо ⁵. Имѣлъ ихъ и Святovidъ, и ими защищали Руяне свои храмы отъ нападенія враговъ. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица ⁶. «Оно было — говоритъ Саксо грамматикъ — отчасти по величинѣ и по цвѣту и почитасмо вародомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Неся его передъ собою, она считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божеское и все считали себя позволеннымъ. Съ нимъ она могла опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ нечестивцевъ Руянскихъ разрушать и сожигать, — и власть этого небольшого куска полотна была сильнѣе власти княжеской» ⁷. Изъ того, что

¹ Гельмольдъ. I, 84. Убъжищемъ былъ и дворецъ князя. *Сейфридъ*. 87.

² Несторъ. 23, 34. *Краледе. речъ*. VI, 42—45. *Ибнъ Фецланъ* 7—9.

³ Титмаръ. VI, 18. *Гельмольдъ*. I, 84.

⁴ Титмаръ. VI, 17. VII, 47.

⁵ Эббо. 71.

⁶ Въ подлинникѣ Stanicia: можно читать «стангица», производя отъ стгахъ (ср. Нѣм. Stange); читая «станица», можно его сличить съ Срб. «застава».

⁷ Саксо грам. 830—831.

изображенія боговъ рисовались на знаменахъ, можно заключить, что бывали рисованныя изображенія рѣзные, какъ могли быть и раскрашенныя изображенія на деревѣ безъ всякой рѣзбы. Что касается до рѣзныхъ изображеній, то объ нихъ говорятъ Титмаръ, Саксо грамматикъ и жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго. Титмаръ упоминаетъ о чудесныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ боговъ и богинь на вѣшной сторонѣ стѣнъ храма; Саксо грамматикъ — объ искусно вырѣзанныхъ и грубо раскрашенныхъ фигурахъ, покрывавшихъ заборъ вокругъ зданія храма; Сефридъ — о рѣзныхъ изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей на вѣшной и внутренней сторонѣ стѣнъ храма, такъ искусно сдѣланныхъ, что онѣ казались дышавшими и живыми ¹. О такого же рода изображеніяхъ говоритъ и Масуди: «подъ правой ногой идола Сатурна изображены были разнаго рода муравьи. а подъ лѣвою черныя вороны и другія подобныя птицы; тамъ же были и страшныя изображенія Аввсипляъ и Эююняъ» ². Безъ сомнѣнія, всѣ такія изображенія имѣли отношеніе къ мифологіи древнихъ Славянъ.

Что касается до собственныхъ идоловъ, то древнѣйшія извѣстія о нихъ принадлежать Масуди. «Въ храмѣ, стоящемъ на Черной горѣ, есть — говоритъ онъ — большой идолъ, изображающій Сатурна въ видѣ старца, держащаго въ рукѣ палицу, которою онъ перерываетъ кладбищныя кости мертвецовъ... Въ храмѣ же надъ морскимъ заливомъ есть большой куполъ и подъ нимъ стоитъ идолъ, члены котораго сдѣланы изъ драгоценныхъ камней четырехъ родовъ — зеленого хризолита, краснаго рубина, желтаго сарделлика и бѣлаго кристалла; а голова его изъ червоннаго золота. Противъ этого идола стоитъ другой, изображающій дѣву» ³. Другой Арабскій писатель, Ибнъ-Фоцланъ, сообщаетъ краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ: — «высокій деревянный истуканъ — по его словамъ — съ лицомъ, подобнымъ человѣческому, стоялъ окруженный небольшими истуканами, а за ними стояли еще другіе высокіе истуканы» ⁴. Столь же краткое извѣстіе объ идолахъ Русскихъ находимъ и у Нестора. Упомянувши мимоходомъ, что во время Игоря идолъ Перуна стоялъ на холмѣ, онъ говоритъ о Владимірѣ: — «И начаше кня-

---

¹ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 822. Сефридъ. 105.

² Масуди, 320.

³ Масуди. 320—321.

⁴ Ибнъ-Фоцланъ. 9.

жита Володимиръ въ Киевѣ сдѣлать, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусъ златъ, и Хърса Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокшь... И пришелъ Добрыня Новгороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ»¹. Далѣе, пересказывая убѣжденія Римско-католикъвъ, чтобы Владиміръ принялъ ихъ вѣру, онъ заставляетъ ихъ сказать, что «вѣра бо наша свѣтъ есть, а божи ваши древо суть». Тѣ же слова говоритъ у Нестора и Варягъ, котораго сынъ обреченъ былъ въ жертву богамъ: «че суть бо божи, но древо»². Потомъ Несторъ рассказываетъ, что Владиміръ, принявши крещеніе и возвратясь въ Киевъ, «повелѣ кумиры испроврещи, овы осѣщи, а другія огнени предати; Перуна же повелѣ привязати коневѣ ко хвосту и влещи с горы къ Боричеву на Ручап, Ві мужа пристави тетѣ жезльемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше смѣть образомъ чюловѣкъы, да възмездье приметь отъ чюловѣкъы... И привлекше вринуша и въ Диѣпръ. И пристави Володимиръ рекъ: аще кде пристанеть вы, то отрѣванте іего отъ берега, дондеже пороги проидеть, то тогда охабитесь іего... И постави (Володимиръ) церковь св. Василья на холмѣ идеже столше кумиръ Перуны и прочи»³. О Перунѣ Новгородскомъ сообщаетъ намъ извѣстіе лѣтописи Новгородская: — Приде къ Новгороду Акимъ Архіепископъ Корсуянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ; поверзавше ужѣ волочаху по калу, бьюще жезльемъ, и заповѣда никомужь нигдѣ же не пріяти. И се иде Пидиблянинъ рано на рѣку, хотя горныци везти въ городъ; и сице Перунъ приплы къ берегови, и отрину его шестомъ»⁴. О разрушеніи кумира Велесова въ Ростовѣ св. Аврааміемъ упомянуто въ Прологѣ⁵. — Идоламъ поклонялись и Поляки: Длугошъ упоминаеть о святилищѣ идолослуженія въ Гнѣзпѣ и объ идолахъ

¹ Несторъ. 23, 34.

² Несторъ. 33—36.

³ Несторъ. 50.

⁴ Новгород. Лѣт. въ Продолж. Рос. Вивл. II. 110—111.

⁵ Карамзинъ, И. Г. Р. пр. 291. О словѣ кумиръ см. Добровскаго Грам. Слав. I. 269—271. Кошутара, *Glagolita Clozian*. Vindob. 1836. 75 (Срав. Хрт. кутан - пьяница, отъ пьянства покраснѣвшій) *Истуканъ* отъ *мстуканъ*—вылнваю: *Пача Берюда*, Лехиковъ. 1627. чд.

Дьяваны, а Бѣльскій — объ идолослуженіи въ храмѣ Краковскомъ ¹. Изъ Титмара знаемъ объ идолослуженіи въ Колобрегѣ ², а изъ жизнеописаній св. Оттона Бамберскаго — о Штетинскомъ идолѣ Триглава. Идолъ этотъ изображался съ тремя головами въ знакъ того, что богъ, котораго былъ онъ изображеніемъ, управлялъ тремя царствами — небомъ, землею и водою; а глаза и губы идола покрыты были повязкою въ знакъ того, что богъ не обращалъ вниманія на грѣхи людей. Одинъ изъ идиоловъ Триглава былъ изъ золота, у другаго головы были посеребрены, а повязка золотая и пр. ³ — Триглавъ былъ извѣстенъ и Чехамъ, какъ видимъ у Вацерада; но, по его описанію, головы Чешскаго Триглава были козляныя ⁴. О другихъ идолахъ Чешскихъ нѣтъ достоверныхъ свѣдѣній; у Козьмы Пражскаго есть только общій намекъ о существованіи идиоловъ ⁵. — Самыя любопытныя извѣстія имѣемъ о нѣкоторыхъ идолахъ Балтійскихъ Славянъ. Викудинъ упоминаетъ объ идолѣ Сатурна, вылитомъ изъ мѣди ⁶. За тѣмъ слѣдуютъ сказанія Титмара и Адама Бременскаго объ идолахъ Ретрскихъ. «Внутри храма Редигостскаго — говоритъ Титмаръ — стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и латы; на каждомъ нарѣзано его имя. Первый изъ нихъ Сварожичъ». У Адама Бременскаго мѣсто Сварожича занимаетъ Радагастъ: идолъ его слѣланъ былъ изъ золота, а ложе изъ пурпуровой ткани ⁷. Хронографъ Саксо упоминаетъ

¹ *Джюльшъ V, 9. Бѣльскій, Kronika Pol. Warsz. 1829. I 120.*

² *Титмаръ. VII, 52.* Польское названіе идола balwan (слово, впрочемъ, извѣстное почти всѣмъ Славянамъ) сравнено Шафарикомъ съ Келт: словомъ peulwan. *Slow. Staroz. 324.* Сравн. Лит: balwonas и Мадьяр. balvany.

³ Эббо. 55. 64. *Анонимъ Сантакруц. II. 11—12.*

⁴ *Вацерада, ib. 227.*

⁵ *Козьма Праж. 10.* Чешское названіе идола modla Юнгманъ производитъ отъ modella (*Slownik. II. 481*). Чешское Слово malik (мизинецъ) Гриммъ сравниваетъ съ Гот. названіемъ идола manleika (*Ahd: manalihho*): каждому Славянину очевидна неправильность сравненія впрочемъ, Хорут. слово malik (чортъ) идетъ въ сравненіе, *Гриммъ Deut. Mth. 93.*

⁶ *Викудинъ. III. 68.*

⁷ *Титмаръ. VI, 17. Адамъ Брем. II, 11*

объ идолахъ Маликовскихъ; Пулкава—о треглавоиъ идогъ Браниборскомъ; Гербертъ—о множествѣ идоловъ Браниборскихъ; Эббо—о Яровитѣ Гавельберскомъ, давая мнѣхodomъ намекъ, что идогъ имѣлъ свои собственные одежды; Андрей—объ огромныхъ, искусно изваянныхъ идолахъ храма Гуцковскаго; Гельмольдъ—объ идолахъ Радагаста, Святонида, Подаги и пр., замѣчая притомъ, что идолами и пенатами были иолны всѣ города, и что многіе изъ нихъ были изображаемы съ двумя, тремя и болѣе головами; Саксо грамматикъ—объ идогъ Ростокомъ и объ идолахъ Руянскихъ¹. Особенно подробно описаны Саксономъ грамматикомъ эти послѣдніе. Объ идогъ Святонида пишетъ онъ слѣдующее:—«Въ храмѣ стоялъ большой, выше человѣческаго росту, истуканъ, съ четырьмя головами на столькихъ же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди, а двѣ къ спинѣ, но такъ что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ одна обращена была направо, другая налево; а волосы и борода подстрижены были коротко, въ чемъ художникъ соображался, кажется, съ обычаемъ Руянъ. Въ правой рукѣ идогъ держалъ рогъ изъ разныхъ металловъ, который каждагодно наполнялся обыкновенно виномъ изъ рукъ жреца, для саданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука изогнута была лукомъ и упиралась о бокъ. Верхняя одежда спускалась до берцевъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ дерева, и такъ искусно соединены были съ колѣнами, что при внимательномъ только разсматриваніи можно было это примѣтить. Ноги стояли наравнѣ съ землею; основаніе для нихъ было сдѣлано подъ поломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ идола расположены были узды и сѣдло кумара и другія принадлежности. Болѣе же всего изумлялъ наблюдателя огромной величины мечъ, котораго ножны и ручка, не говоря о красивыхъ формахъ рѣзбы, отличались прекрасною серебряною отдѣлкою². Изъ идоловъ Кореницкихъ, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, идогъ Рујевита, сдѣланный изъ дубоваго дерева, имѣлъ подъ однимъ черешомъ семь лицъ, подобныхъ человѣческому; семь же мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ поясѣ, а восьмой, вы-

¹ *Хронографъ Саксо* подъ 1148 г. *Пулкава* подъ 1156. Грамота Герберта у *Геркела*, Codex dipl. Brand. V. 1114. стр. 342. *Гельмольдъ*. I, 2, 6, 21, 23, 37, 72, 84. II. 12. *Саксо грам.* 763. *Эббо*. 71. 79.

² *Саксо грам.* 823—824.

путьи изъ помень, идолъ держалъ наголо въ правой рукѣ, и былъ онъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Толстотою превосходилъ идолъ человеческое тѣло; а высокъ былъ такъ, что Абсамонъ (будучи самъ очень высокаго росту) едва могъ достать его подбородка своимъ ручнымъ топоромъ¹ — следовательно около 5 аршинъ. Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, но безъ оружія; идолъ Поренута имѣлъ четыре лица, а пятое было на груди; лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка². Книтлинга-сага, давад Кореницикимъ идоламъ названія Рививта, Турупиди и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руанскихъ идолахъ Пизамара и Черноглава, и называя послѣдняго богомъ побѣдъ, говорить, что онъ изображался съ серебряными усами³. — Вотъ почти все, что извѣстно объ идолахъ Славянскихъ, потому что идиоловъ, будто бы найденныхъ въ Прильвицѣ, в описаніи идиоловъ, подобныхъ тѣмъ, которыя находимъ у Ботона, въ Chronica picturata, нельзя не считать безсмысленной поддѣлкой⁴. — Припоминая сказанія, выше приведенныя, видимъ, что идиоловъ у Славянъ было множество, что города были полны ими⁵. Они были разной величины, и небольшіе и огромные, пяти аршинъ и болѣе. Большею частію вырѣзаны они были изъ дерева, раскрашены или посеребрены и позолочены; иные же были изъ чистаго металла, мѣди, серебра, золота, а если вѣрить преданіямъ восточнымъ, то и изъ дорогихъ камней, — и сдѣланы были съ искусствомъ, могшимъ изумлять просвѣщенныхъ современниковъ. Нѣкоторые изъ идиоловъ

¹ Саксо грам. 842.

² Саксо грам. 843.

³ Книтлинга-Сага. 122: стр. 350.

⁴ См. о нихъ А. Г. Маха: Die gottesdienst. Alterthümer der Obotriten. Berl. 1771. Beiträge. Schwerin. 1776. *Потоцкаю*, Voyage dans la Basse-Saxe. 1794. *Лессюва*, Ueber die Aechtheit der sogenan. Runnenenkmäler. Berl. 1835. *Буларица*, Россія. СПб. 1837. Исторія. I, 225 и слѣд. Выписки изъ Ботона и другихъ подобныхъ смотр. у *Нарушевска* (Hist. Pol. nar. I. Warsz. 1824. 313—496, гдѣ помѣщенъ словарь миеологій Слав.) и *Галуша* (Die Wissenschaft des Slaw. Mythus. Wien. 1842), которые безъ всякой критики пользовались всѣмъ, чѣмъ могли. Въ этомъ-же родѣ и *Итима* Grundtraek til en nordslavisk Gudelære (Нѣм. переводъ въ Neue Provincialblätter. IV. 119 и слѣд.), основанный на Прильвицкихъ поддѣлкахъ.

⁵ *Гельмольдъ*. I, 53.... penates, quibus agri et oppida redundabant. Не позволяю себѣ рѣшить, что должно понимать подъ пенатами.

имѣли фантастическій образъ, будучи представляемы съ двумя, тремя и болѣе головами или съ нѣсколькими лицами; но, кажется всѣ имѣли типъ человѣческой. Они рисовались въ одеждѣ, частію рѣзной изъ дерева или литой изъ металла, частію сшитой изъ тканей, и почти всегда вооруженные. Оружія и другія подобныя принадлежности, кромѣ того что было въ ихъ рукахъ, расположены были вокругъ нихъ. Идоламъ придавали болѣею частію стоячее положеніе; но у иныхъ были и сѣдла и лица или ложа. — Идолъ не считался простымъ изображеніемъ бога, но обиталищемъ его духа. Такъ пишетъ Лѣтописецъ: — «Совлекоша идола въ Волховъ, а въ Перунѣ бѣсъ, и начатъ кричати: охъ мнѣ, охъ! и плова внизъ вверже палицу на мостъ: еще кто не крещеніи помниайте и бойтеса безумніи чловѣци, на мосту семъ»¹. Такъ и Саксо грамматикъ, рассказывая о разрушеніи святилища Святovidова въ Арконѣ, прибавляетъ, что когда идолъ упалъ на землю, то духъ его выбѣжалъ изъ храма въ образѣ чернаго звѣря².

Упомянуто было о принадлежностяхъ идоловъ, хранившихся въ храмахъ близъ самыхъ идоловъ. Всѣ эти вещи почитались, вѣроятно, также священными. О нѣкоторыхъ изъ нихъ знаемъ изъ сказаній современниковъ, и, судя по извѣстнымъ, всѣ онѣ носили на себѣ, подобно идоламъ, характеръ воинственности. Выше уже было говорено о знаменахъ: если нѣкоторыя изъ нихъ были съ изображеніями божествъ, то были другія и безъ изображеній, и какъ принадлежности божества, управлявшаго ротами воиновъ, считались священными. Идолы въ храмѣ Ретрскомъ, какъ мы видѣли, были одѣты въ панцыри и шлемы. У Яровита былъ щитъ, большой, искусно обдѣланный, покрытый золотомъ, неприкосновенный и употреблявшійся на войнѣ, какъ вѣрная защита противъ враговъ. Изображеніе солнца, хранящееся въ Монбизу, въ Берлинѣ, имѣетъ то же видъ щита³. Геннплю принадлежалъ жезлъ съ рукою, держащею желѣзныи обручъ; Перунъ имѣлъ свою палицу⁴. Идолъ Руjevита вооруженъ былъ восемью мечами; между при-

¹ Лѣтописецъ. М. 1781. Стр. 34.

² Саксо грам. 838. Срав. Эббо. 82.

³ Сефридъ. 134. Эббо. 80. Ледбургъ, Die Königl. Museum im Schl. Moubijou. Berl. 1838. Стр. 23 - 24.

⁴ Титмаръ. VII, 50. Лѣтописецъ. М. 1781. Стр. 34.

надлежностями Святовида былъ также мечъ. При гаданьяхъ, какъ увидимъ ниже, употреблялись копыя; въ Юлиѣ какъ святыня хранилось копые на высотѣ большого столба ¹. Принадлежностями идоловъ были и рога, какъ замѣчено уже выше. Нѣкоторые изъ боговъ посвящены были кони, по которымъ совершали гаданья: узды и сѣдла считались принадлежностями этихъ боговъ.—Къ числу такихъ принадлежностей должно причислить и орловъ Святовида, вѣроятно рѣзныхъ, которые вмѣстѣ съ знаменами употреблялись на войнѣ ².

Храмы, священные для поклонниковъ какъ мѣста идолослуженія, требовавшіе издержекъ для содержанія и украшенія своего, не могли не быть обогащаемы дарами произвольными и обязательными. Они имѣли собственныя свои поля и земли ³, можетъ быть и своихъ рабовъ, — и кромѣ того обогащались вкладами, военной добычей, выкупами военнопленныхъ, положенною данью съ народа, пошлиною съ промышленниковъ и торговцевъ, наконецъ данью покоренныхъ народовъ. — Вклады были и отъ частныхъ лицъ, и отъ народныхъ общинъ ⁴. О дарахъ общественныхъ говоритъ Титмаръ: храму Ретрскому молились Лютичи, отправляясь на войну, а по счастливомъ окончаніи войны приносили ему должные дары ⁵. Въ примѣръ частнаго дара можно привести драгоценную чашу, подаренную Святовиду Арконскому Датскимъ королемъ Свеномъ ⁶. Въ храмахъ Славянскихъ бывали и вкладные ~~стены~~, въ которые поклонники бросали то, чѣмъ ждали почитать свое божество, какъ это знаемъ изъ Эббона и изъ Кирхбергова перевода хроники Гельмольда ⁷.—Храмы, имѣвшіе своихъ собственныхъ воиновъ, обогащались добычей, которую они собирали: такъ Арконскій храмъ Святовида имѣлъ 300 воиновъ, которые должны были отдавать въ пользу храма всю свою добычу ⁸. Саксо грам-

¹ Эббо. 62. Андрей. III, 9.

² Саксо грам. 830.

³ Саксо грам. 825, 834.

⁴ Саксо грам. 826.

⁵ Титмаръ. VI, 17.

⁶ Саксо грам. 825 — 826.

⁷ Эббо. 56. Кирхберъ. 53 (Jahrbücher für Slawische Literatur. 1843. Стр. 405).

⁸ Саксо грам. 825.

маткаъ говоритъ еще о третьей долѣ военной добычи, а Сефридъ — о десятой долѣ, какъ собственности храма ¹. Гельмольдъ также упоминаетъ о томъ, что Славяне любили обогащать свои храмы драгоценностями, которыя набирали во время походовъ. Изъ него же узнаемъ, что Славяне обогащали свои храмы выкупами плѣнныхъ ².—Кромѣ этихъ приношеній произвольныхъ, условливаемыхъ почитаніемъ храмовъ и обычаемъ, были и непроизвольныя, которыхъ храмы ожидали какъ собственности. Такова была дань народная: каждый, и мужчина, и женщина, долженъ былъ въ годовой праздникъ Святовита дать монету ³. И не только принимавшіе участіе въ празднествѣ, но и всѣ области должны были посылать свою дань: Гельмольдъ говоритъ объ этомъ въ отношеніи къ храмамъ Святовита Арконскаго и Радагаста Ретрскаго ⁴. Кромѣ того торговцы, если желали что купить, или продавать, должны были прежде принести, какъ дань храму, что нибудь драгоценное. Купцы, занимавшіеся сельскою торговлею, должны были также, прежде начатія закупки сельдей, принести законную дань Святовиту ⁵. Самые покоренные народы обязаны были платить дань божеству: таковъ былъ обычай, по крайней мѣрѣ, у Руанъ въ отношеніи къ храму Святовита ⁶.—Не мудрено послѣ этого, что въ храмахъ Славянскихъ накоплялись сокровища, удивлявшія современниковъ, что храмы имѣли средства изумлять ихъ богатствомъ своихъ украшеній: тамъ видѣли во множествѣ серебро и золото, драгоценныя камни, ткани и различныя прекрасныя вещи. Легко понять, что Арабы, слыша объ этихъ богатствахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ храмы Славянскіе иначе и впадать въ преувеличенія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ.

¹ Саксо грам. 825. Сефридъ. 105.

² Гельмольдъ. I, 39.

³ Саксо грам. 825.

⁴ Гельмольдъ. I, 21.

⁵ Гельмольдъ. I, 6. II, 12.

⁶ Гельмольдъ. I, 37.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОБРЯДЫ БОГОСЛУЖЕНІЯ.

I.

Полные вѣры въ могущество своихъ боговъ, страха къ ихъ гнѣву и надежды на ихъ благодѣиіе, Славяне старались выразить передъ ними свое благоговѣніе и покорность, отвратить отъ себя ихъ негодованіе, заслужить ихъ милосердіе и помощь, и въ часы богослуженія сходились поклоняться богамъ. Богослужебные обряды совершались иногда и безъ пособія жрецовъ; но были и жрецы, какъ лица, посвященные въ тайны религіи и ея обрядовъ. Правда, что въ сказаніяхъ Византійцевъ и Арабовъ не находимъ ничего о жрецахъ Славянскихъ; но изъ этого еще нельзя заключать, что у Славянъ, извѣстныхъ Византійцамъ и Арабамъ, точно не было жрецовъ: если допустить, что условія и формы богослуженія были одинаковы у всѣхъ Славянъ, то нельзя не допустить, что и жречество, какъ одно изъ самыхъ важныхъ условий, существовало также повсюду. Къ тому же, всѣ Славяне сохранили или преданія о знахаряхъ и колдунахъ, или и вѣру въ нихъ, и притомъ то и другое такъ разительнo одинаково запечатлѣлось въ умахъ различныхъ вѣтвей Славянскаго племени, что невольно смотришь на все это, какъ на остатокъ отъ стараго языческаго времени, когда знахари и колдуны могли быть единственными хранителями религіи народа. Что касается до положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, то ихъ имѣемъ о жрецахъ Русскихъ, Польскихъ, Балтійскихъ и Чешскимъ Славянъ.—Составляли-ли жрецы касту, совершенно отдѣльную отъ народа, не знаемъ, не имѣя никакого понятія о ихъ жизни домашней. Не знаемъ и о томъ, кто выбиралъ въ достоинство жрецовъ. По одному намеку Титмара, который можно понимать различно, еще нельзя рѣшить, что народъ выбиралъ ихъ всегда и всюду¹. Если народъ и участвовалъ въ избраніи, то кто-же ручался за достоинство выбора, за знанія избраннаго, за его умѣнье исполнять обряды. Необходимо предположить и участіе другихъ жрецовъ, тѣмъ болѣе, что есть достаточныя причины не сомнѣваться въ существованіи жреческой іерархіи: современ-

¹ Титмаръ. VI. 17

ники отличали не только разные роды жрецовъ, но и жрецовъ низшихъ разрядовъ отъ жрецовъ высшихъ. Особенно ясно отличается это Саксо грамматикъ, замѣчающій, что храмъ Арконскій былъ подѣляемъ высшаго жреца, а другіе храмы, посвященные тому же Святovidу, управлялись жрецами меньшаго достоинства и меньшей власти¹. Если жрецы и не составляли касты, то все же были отдѣльнымъ сословіемъ, отличнымъ отъ другихъ классовъ народа. Ихъ отличала самая одежда: такъ объ одномъ изъ жрецовъ знаемъ, что онъ отличался отъ народа длинными волосами, заплетенными въ косу, и бородой; о другомъ, что его священническая одежда была бѣлая; еще объ одномъ, что онъ имѣлъ палицу². Жрецы принадлежали къ высшему разряду общества, участвовали въ собраніяхъ дворянства, предсѣдали въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли имѣніями, владѣли богатствами³. Особенно почитаемы были жрецы на островѣ Руанѣ, гдѣ имъ былъ подчиненъ не только народъ, но и самъ князь⁴; не мудрено, что было такъ и въ другихъ мѣстахъ. Сила жрецовъ подтверждалась ихъ важностію въ дѣлахъ религіозныхъ: они заботились о храненіи святостей и богатствъ, освященныхъ именемъ божества, объ употребленіи даровъ, приносимыхъ богествамъ, на украшеніе святилищъ; они были хранителями вѣрованій, истолкователями религіозныхъ понятій, распространителями ихъ между народомъ; они были главными посредниками между божествомъ и челоукомъ, возносителями моленій, исполнителями жертвоприношеній и гаданій.—Жрецы одни имѣли право входить во внутреннюю часть святилища и очищать его⁵. Жрецы заботились о священныхъ коняхъ, одни могли пасти ихъ и садиться на нихъ⁶. Жрецы берегли изображенія божествъ и знамена и всѣ богатства храмовъ⁷. Жрецы были хранителями и истолкователями вѣрованій, и для этого обращались иногда къ моельщикамъ съ увѣщаніями. Примѣромъ подобнаго увѣщанія можетъ служить то, которое было обычно на праздникѣ Святovidа: при концѣ

¹ Саксо грам. 826.

² Саксо грам. 824. Сэфриды. 128. Эббо. 79. и пр. Марскальк Тур. Annal. Perul. IX (Jahrbücher für Slav. Lit. 1844. 95—96.)

³ Эббо. 65. 76. Сэфриды. 128, 158. Гельмольдъ. I, 84. II, 12.

⁴ Гельмольдъ. II, 12.

⁵ Саксо грам. 826.

⁶ Саксо грам. 826. Сэфриды. 109.

⁷ Титмаръ VI, 17. Саксо грам. 825.

богослужебнаго обряда жрецъ присутствовалъ народъ во имя бога и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, общая вѣрною наградою за богопочитаніе победы на сушѣ и въ морѣ¹. Что такіа увѣщанія были и при другихъ случаяхъ, хоть и не всегда принадлежали къ богослужебному обряду, видно и изъ того, что жрецы болѣе всего наставляли народъ оставаться при вѣрѣ предковъ². Жрецы были исполнителями богослужебныхъ обрядовъ: такъ жрецу принадлежала обязанность служенія Свентовиду въ Арконѣ³; такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ видно изъ свидѣтельствъ современниковъ. Не припоминая здѣсь всего, что должно войти въ разсмотрѣніе самыхъ обрядовъ, укажу на важнѣйшія свидѣтельства, упоминающія объ участіи въ этомъ случаѣ жрецовъ. Жрецы возносили молитвы къ божеству: такъ Титмаръ говоритъ, что жрецы сходившись къ храмъ умолялись гнѣвъ боговъ, и, совершая гаданія, поочередно шептали тайныя слова; боже сомнѣнія молитвы, которыми просили божество раскрыть свою волю и будущее; такъ и Саксо грамматикъ, описывая обрядъ богослуженія въ храмѣ Арконскомъ, разсказываетъ, что жрецъ, наполнивъ рогъ свѣжимъ виномъ и почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству, а гражданамъ обогащенія и побѣдъ⁴. Жрецы были возносителями жертвъ, не всегда, но во многихъ случаяхъ—и самыхъ важныхъ. Изъ Титмара знаемъ, что жрецы приносили жертвы въ храмѣ Ретрскомъ; Гельмольдъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что жертву заколалъ жрецъ и по закланіи пилъ ея кровь, а въ другомъ, что жрецъ приносилъ иногда въ жертву христіанина, на котораго падалъ жребій⁵. Что жрецъ былъ жертвоприноситель, это показываетъ самое его названіе, хотя впрочемъ оно употребительно только въ Старославянскомъ и Русскомъ⁶. Другое названіе жреца въ смыслѣ жертвоприносителя есть «колдунъ»: для объясненія этого слова, кромѣ многого другаго, служить и то, что въ Хорутанскомъ нарѣчій «калдовати» до сихъ поръ значитъ приносить жертву, «калдовавць»—жрецъ, а «калдов-

¹ Саксо грам. 823.

² 966о. 65. Сефридъ. 128 и пр.

³ Саксо грам. 824.

⁴ Титмаръ. VI, 17. Саксо грам. 824.

⁵ Титмаръ, IV, 17—18. Гельмольдъ. I, 52. II: 12.

⁶ Жрецъ отъ жертвы. См. ниже примѣчаніе о словѣ: жертва.

ница» или «сладовища» — жертвенник¹. Жрецы были и гада-телями, истолкователями прорицаний: Несторъ, рассказывающъ о волхвахъ, отгадавшихъ смерть Олегу; хроника Лаутербергская о ворожее, пророчившей побѣду Владиславу Тонконогую; жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго о жрецѣ, совершавшемъ гаданія конемъ въ Штеттнѣ, о ворожеехъ и жребиеметателяхъ, которыхъ цѣль запрещалъ св. Оттонъ, и пр.; Титмаръ говорить о жрецахъ, гадавшихъ жребиемъ и конемъ; Гельмольдъ — о важности жреца Аркенскаго, какъ истолкователя гаданій, — объ обычаѣ жрецовъ пить кровь жертвы для того, чтобы оушевить себя силою пророческой, и пр.; Саксо грамматикъ — о томъ, что жрецъ гадалъ объ урожаѣ будущаго года по вину, наливаемому въ рогъ Сватовиловъ, и совершалъ гаданія конемъ; Козьма Пражскій — о княгинѣ Любушѣ какъ о прорицательницѣ, — еще объ одной вѣщуницѣ, совѣтовавшей исполнить волю боговъ для одержанія побѣды, — о томъ, что князь Братиславъ изгналъ изъ края всѣхъ маговъ, гадалелей, жребиеметателей; шѣсна Крамдварской рукописи «о пораженіи Татаръ» упоминаетъ о «чародѣяхъ, гадачахъ, звѣздочетахъ и кудесникахъ», гадавшихъ о томъ, кто будетъ побѣдителемъ; Вацерадъ — о «гадачахъ, пророкахъ, птицегадалеляхъ, вѣщахъ, волхвцахъ и волхвицахъ», и пр.² Изъ всего этого видно, какъ разнообраз-

¹ Гутсманъ, Deutsch - Windisches Wörterbuch. Klagenfurt. 1789. 255—256. Въ другихъ нарѣчіяхъ kaldun—внутренности и т. п. (ср. Нѣм. Kaldaunen). Славянский корень есть: клд—колд—калд—клюд—куд (какъ тлк—толк—талк—тук и пр.). Клюдити—клюдити въ Чеш: значить очищать, собирать жатву—успокаивать, отнимать, уничтожать (mot pmocho lidi klidi). Кудити въ Серб. значить—произносить бранныя слова, заговаривать, презирать, — удалять). Тутъ смѣшаны два корня — куд—кадъ и куд—кужд (кудж). Отъ втораго корня въ Серб. происходятъ слова: куджаник (ругатель) кудженје (клевета); въ Хрт: кудити (бранить), кујати (дуть, дышать, шептать?); въ Чеш: кудити (бранить), кудолъ (густой дымъ; срав: чуд запахъ), кулло (чара), куллити (чаровать), кузеликъ (кудесникъ), паскуда (нечистота), паскудити се (ругаться, ссориться), паскудикъ (rheuma); въ Поль: паскуда и пр., въ Рус: кудо, кудеса (срав: чудо, шуло), кудесникъ, кудаларъ, паскудити, прокудити и пр. — В. С. Караджичъ, Серб. Рјеченик. 349. J. Стулли, Rjecoslozje. Dubrawnik. 1806 I. 364. Яричъ, Etymologik. 152. Мурко, Slov. Ném. Besednik. Gradec. 1833. I. 153. Юнманъ, Slownik. I, 321. II, 40, 216. III, 37. Линде Slownik. II, 641.

² Лѣтописецъ. М. 1781. 9. Хроника Лаутербергская у Вишневокаго, Hist. Liter Pol. t. 274—275. Собриде. 409: Титмаръ. VI, 17. Гель-

на была важность жрецовъ, какъ разнообразны были ихъ должности и разряды. Замѣчательно, что къ сословію жрецовъ могли принадлежать и жрицы и какъ кажется тѣ, которыя обрекли себя на жизнь цѣломудренную — или дѣвицы, посвятившія себя богу, или старухи, отжившія свою семейную жизнь: вспомнимъ, что было выше сказано о дѣвахъ огнеслужительницахъ, о дѣвахъ съ жреческимъ значеніемъ при совершеніи суда по обычаю Любуши; вспомнимъ о старухахъ знахаркахъ, до сихъ поръ остающихся въ народѣ, и т. д.

II.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицомъ самого божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а, обращаясь къ богу, моельцы выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленные. — Въ Русской пѣснѣ о жертвоприношеніи, во время праздника Коляды, упомянуты, какъ принадлежность мѣста богослуженія, скамьи вокругъ огней, на которыхъ сидѣли моельцы, окружая старика жреца; можетъ быть, такъ и было иногда, впрочемъ изъ Титмара узнаемъ противное: онъ ясно говоритъ, что въ

мольды. I, 52. II, 12. Сакоо траж. 824, 827. Кольма Праж. 11. 20, 27, 197. Краледвор. рпсь. III, 47—60. Вацерадъ. 212, 222, 223, 229. Сначеніе слова *вищецъ* повятно О словѣ *Кудесникъ-Ковзедникъ*, см. выше. Что же касается до слова *волхвъ* (вълхвъ-вълхвъ), то Копитаръ проиводитъ его отъ «вльснжти» (вльснжщенъ языкъ—linguae balbulientes. Glagol. Cloz. 69.). Въ Блг нар. есть до сихъ поръ *волхвъ-вохвъ* (прорицатель) и *волшина* (брань); въ Хрв: есть *сухвецъ-сухвецъ* (python) и *сухвица* (pythonissa). См. I. *Блостъница*, *Gazophylacium Latino-Illicic*. Zagrab. 1740. I, 1005. Въ Вологод. (а можетъ быть и въ друг.) губерніи есть *волхатъ* (колдунъ) и *волхатка* (ворожея); въ Мрус. есть *волхити* (хитрить). Въ Лаврент. спискѣ Нестора стоитъ «Волхъве» (вин. пад. «Волъхи») вмѣсто «Волохове» другихъ смисковъ *Несторъ*, іѣ. 10—11. Пѣсню о чародѣѣ Волхвѣ Веславльевичѣ см. въ *Древ. Рус. Стихотвор.* 45.

Списреговъ, Рус. празд. II. 69.

храмъ слѣдѣли одни жрецы, между тѣмъ какъ всѣ другіе стояли ¹. Служитель храма Святovidова въ Арконѣ, выметая святилище его передъ праздникомъ осеннимъ, старался не дышать въ немъ, и всякій разъ какъ хотѣлъ вздохнуть, выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствіе божества своимъ дыханіемъ ².—О преклоненіи передъ божествомъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, замѣчая, что имъ выражали Русскіе свое смиреніе передъ богомъ ³. То же самое преклоненіе передъ идолами было и у Балтійскихъ Славянъ, какъ узнаемъ изъ Эббонова и Сефридова жизнеописаній св. Оттона. Описывая, какъ Вольгастскій жрецъ Яровита показался одному поселянину въ лѣсу въ образѣ своего бога, они прибавляютъ, что испуганный селянинъ, воображая, что видитъ самого бога, палъ передъ нимъ ницъ ⁴. Въ Краледворской рукописи въ томъ же смыслѣ употребляются выраженія: «klaniet i se bohomъ» и «biti v czelo przied bohu», выраженія извѣстныя во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ ⁵. Они касаются не только обряда богослуженія, но и вообще богопочитанія. Такъ въ Старославянскомъ «покланѣтисѣ», значитъ «богопочитать»; такъ и въ Польскомъ *rokłon* стар. *rokłona*, значитъ то же, что русское «поклоненіе» ⁶. Польское выраженіе «szolem bić», Чешское, *szolem bití*, употребляется иногда въ смыслѣ равносильномъ значенію слова «богопочитать» ⁷. Не должно здѣсь забывать, что «бить челомъ» въ буквальномъ смыслѣ не значило только касаться головою земли, но и преклонивши голову, рукою прикоснуться лба, что и доселѣ осталось въ обычаѣ у нѣкоторыхъ Славянъ, какъ знакъ, выражающій уваженіе. Припомнимъ при этомъ положеніе, въ которомъ представленъ былъ идолъ Поренута въ Кореницѣ, какъ его описываетъ Саксо грамматикъ: его лѣвая рука касалась лба, а правая подбородка нятаго его лица, лежавшаго на груди: по остроумной

¹ *Титмаръ*. VI, 17.

² *Саксо грам.* 824.

³ *Ибнъ-Фоцланъ*. 9.

⁴ *Эббо*. 79. *Сефридъ*. 129.

⁵ *Краледвор. рпс.* VI, 13, 39, 40,

⁶ Въ *Остромир.* Еванг: поклонници поклоняются отцоу (л. 31)—Vulgat: adoratores adorabunt patrem. Въ Чеш. Еванг. Іоанна X вѣка: abihu ze poclonili—Vulg: ut adorarent, *Slownik Polsko-francuz*. Berlin. 1844. стр. 1632. *Wlasciwu poklon samemu Bogu ma być odawan.*

⁷ *Линде*, *Slownik*. I, 375. *Юнманъ*, *Slownik*. I, 273.

догадкѣ Тиверіа, это пятое лицо, на груди, было образомъ молитвы поклонниковъ, услышанной божествомъ, образомъ, какъ онъ говоритъ, незабытымъ Славянами и до сихъ поръ ¹.

Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ — ~~молитвъ славословія~~ дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Такъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о побѣдѣ надъ Влаславомъ», во время принесенія жертвы Воймиромъ, «*prokni ida kol obieti bohom slauu blasase i zachazeie kezwcie ne meskase*» ². Въ Русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно-русскихъ колядкахъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ: «Славенъ есь, гей, славенъ есь, нашъ милый Боже, на высокостѣ!» или «благословенъ еся, госиѣдъ, благословивъ сыниѣ своихъ» ³. Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсни, «за славе божије» ⁴. У Хорватовъ сохранилась, по увѣренію Катачича и Свєара славословная пѣсня въ честь бога Лада: «Лени Иво терга роже, теби, Ладю, свети боже! Ладю, слушај нас, Ладю! Песме, Ладю, певамо ти, сердца наше кланјимо ти! Ладю, слушај нас, Ладю» ⁵. — Въ молитвахъ просительныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое здоровье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами, какъ знаемъ это изъ сказаній, Титмара, Козьмы Пражскаго, Прокоша и Саксона грамматика ⁶. Отъ этого рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторя-

¹ *Тиверій*, *Historia rit. Slav. Lusat. infer.* V. § 3 «Дать чоломъ» у МРуссовъ называется—ударить рукою въ руку въ знакъ уваженія; это заставляють теперь дѣлать только дѣтей.

² *Краледвор. рцс.* IV 169—170

³ *Сахаровъ* Сказанія Рус. нар. Кн. III и *Сметревъ*, Рус. праздни-ки. IV, 65, 70, 85. *Бьрециій*, Колядки № 34, 36, 38. Съ подобными припѣвами собраны и мною колядки въ Венгрии.

⁴ *В. С. Караджичъ*, Српске пјесме. I, 96. № 156.

⁵ *Свєаръ*, *Ogledalo Illirium.* Zagreb. 1830. 14. *Катачичъ*, *Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum* Zagreb. 1795 112.

⁶ *Козьма Праж.* I, 10. *Прокошъ*. 113. *Титмаръ*. VI, 17. *Саксо грам.* 824, 826. *Краледвор. рцс.* IV, 146.

ются и до сихъ поръ разныя пожеланія обращенныя къ Богу. Въ Русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже», или «роди Боже!» напр: «Дай, дай, Боже, тебѣ козлину съ борзыхъ коней сыновей женить, — дай, дай, Боже, тебѣ хозяйку съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать», или: «Роди Боже жито, пшеницю, усяку пашницю, усяку пашницю, у полѣ ядро, а въ домѣ добро»¹. Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй же, подуй, господи, изъ духомъ святымъ по земли», припѣвъ, кажется, вовсе не христіанскаго происхожденія, судя потому, что пѣсня сама пересказываетъ не христіанское преданіе о началѣ міра². Въ Польскихъ колядкахъ поется: «ze by sie, daryła psenica i groch, w kofiorze, w obiorze, dej ci Panie Boze»³! Словаки припѣвають въ колядкахъ: «daj Boze štjastja, daj Boze dolju» или: nek was ran Vuoh obobati»⁴. У Хорутанъ поется: Bog daj wedro!» или «Bog potoci swoje kolo na naše stodole in na naše pole»⁵. Сербы молятъ Бога чтобы онъ сіялъ: «сјай, сјай, Боже, и божију, нашему господару»⁶. Такія же пѣсни — молитвы пѣлись и въ праздникъ Купала или Креса, какъ видимъ изъ Хорутанскихъ пѣсень, гдѣ поется: Bog daj, Bog daj dobar večer, dobro leto! mi smo posaj k vam pr'tekli, dobar večer smo pr'nesli, dab vam rodilo žitno pole, winske gore»⁷. О молитвахъ, сопровождавшихъ освѣщеніе возносимыхъ божеству яствъ, упоминаетъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «моленое то брашно дають и ядуть»⁸. Жертвы просительныя, вѣроятно, сопровождались всегда молитвами, равно и гаданья. — Въ молитвахъ благодарственныхъ Славяннѣ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣянія и помощь во всѣхъ его дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Къ сожалѣнію, свидѣтельствъ современниковъ и преданій объ нихъ слишкомъ мало. Болѣе знаемъ о жертвоприношеніяхъ благодарственныхъ, которыя, конечно, не могли обходиться безъ молитвъ, подобно жертвамъ просительнымъ. Такъ въ приведенномъ выше отрывкѣ пѣсни изъ Краледворской рукописи,

¹ Сахаровъ. ib. 11 и слѣд. Сметневъ, ib. II, 63, 70. 85. Паули, Piesni ludu Rus. I, 10.

² Брещкій, Колядки. № 1.

³ Паули, Piesni ludu Pol. 9. — 10.

⁴ Коларъ, Zpiewanky. I, 409.

⁵ Корытко, Pesme Krainskiga naroda. I, 19.

⁶ В. С. Караджичъ, Срп. Рѣченик. 40.

⁷ Корытко ib. I, 91.

⁸ Востокова, Опис. рисей Румян. Муз. 228.

при совершении благодарственной жертвы за победу, каждый из воинов, проходя мимо, возглашал богамъ славу, и въ этомъ словословіи, конечно, благодарилъ ихъ. Многія изъ молитвъ словословныхъ были, вѣроятно, вмѣстѣ и благодарственными¹.

Молитвы пѣяся, хотъ и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ Краледворской рукописи «blasati milich slow» и просто «blasati» значить молиться²; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Воймиръ, обращаясь къ богамъ, «wzuola s skali hlasem w lese bluczniŃ, z mocna hrrdla uola k bobom tako, i wrtsiasu sie drua sira lesa»³. Вотъ почему и до сихъ поръ остатки молитвъ сохранились въ обрядныхъ пѣсняхъ. Есть нѣсколько и современныхъ свидѣтельствъ что пѣсни составляли принадлежность богослужбныхъ обрядовъ языческихъ Славянъ. О нихъ упоминаютъ жизнеописатели св. Оттона и Длугошъ⁴. И Христолюбецъ въ своемъ словѣ говоритъ: «неподобаеть крестьяномъ вгорѣ бесовскихъ игратъ, иже естъ плясба, гульба, пѣсни бѣсовскыя и жертвы идольскыя»⁵. О пѣсняхъ-молитвахъ сопровождавшихъ обрядъ гаданія упоминаетъ Краледворская рукопись въ пѣсни «о битвахъ Христіанъ съ Татарами»: «vetchimi slouesi nad sim wzpiechu»⁶. Въ доказательство же того, что пѣсни-молитвы раздавались во время служенія въ самыхъ храмахъ, служитъ упоминаніе Масуди о священныхъ звукахъ, раздававшихся въ храмѣ изъ подъ купола, вѣроятно съ хоръ⁷. Очень не мудроно, что эти храмовыя пѣсни-молитвы сопровождались звуками инструментовъ, какъ это было при богослужбныхъ пѣсняхъ внѣ храмовъ, что видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что между драгоценностями, хранившимися въ храмахъ, были и музыкальные рога, какъ свидѣлствуютъ жизнеописанія св. Оттона⁸. Во всякомъ случаѣ пѣніе было принадлежностію языче-

¹ Прибавимъ къ этому, что слово «хвала», употребляемое всюду въ значеніи «славы», означаетъ и «благодарность» — не только въ Старославянскомъ, но и во всѣхъ югозападныхъ нарѣчіяхъ. Такъ и слово «дзкъ» (дзкъ, діка, dzięk) означаетъ «славу» въ нарѣчіяхъ югозападныхъ, а «благодарность» въ сѣверозападныхъ.

² Краледвор. рпс. VI, 47, 237.

³ Краледвор. рпс. IV, 132-134.

⁴ Эббо.—Длугошъ, V, 9.

⁵ Востоковъ. ib. 229.

⁶ Краледв. рпс. III, 58.

⁷ Масуди. 320.

⁸ Сефридъ. 105.

ской религіи Славянъ, а вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «*риенсе добра жилюи воли*»¹, и другое подобное понятіе, что пѣвецъ Боянъ былъ внукомъ бога солнца, Велеса. Есть надежда, что значеніе божественное пѣсни у Славянъ раскроется со временемъ еще болѣе².

III.

Молитвы сопровождалась жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго.

Возношеній нельзя смѣшивать ни съ данью, платимой храмамъ, ни съ произвольными дарами, которыми такъ богаты бывали храмы Славянъ: дары и дани были слѣдствіемъ усердія къ вѣрѣ и цѣнились по богатству, будучи притомъ независимы отъ богослужебныхъ обрядовъ; возношенія принадлежали къ богослуженію, не получая важности по мѣрѣ своей цѣнности. Не мудрено, впрочемъ, что и нѣкоторые изъ даровъ принимаемы были съ богослужебнымъ обрядомъ, какъ возношенія, что, отчасти уже видѣли мы въ обзорѣннѣ поклоненія богамъ земнымъ. Собственными возношеніями должно считать благовопія, аства

¹ *Кралеве рпсь*. VI. 57.

² Здѣсь можно вспомнить, что жрецамъ, какъ кажется, принадлежало и названіе *бавъ баліевъ* и *ислларовъ* (incantatores).

и оружія: о нихъ есть свидѣтельства, довольно разнообразныя и любопытныя.

Гриммъ полагаетъ, что свѣрнымъ язычникамъ были неизвѣстны благовонныя куренія, какъ жертвы¹. Можетъ быть, Германцамъ и дѣйствительно вѣтъ; но Славяне знали этотъ символъ возношенія мысли къ божеству и совершали его двумя способами — или просто раскладывали огонь, или сожигали куренья. О первомъ способѣ возношенія свидѣтельствуетъ обычай разложенія огня, сохранившійся до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несомнѣнно забытыхъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды, или Новогодія, и въ праздникъ Купалы, или Креса—въ половинѣ года². Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: «ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древія непрестанно палаху»³. Возношенія пламени соединялись у язычниковъ Славянъ, какъ мы видѣли, съ обожаніемъ огня. О куреніяхъ, какъ возношеніяхъ передъ божествомъ, свидѣлствуютъ живописанія св. Оттона, а также и законченныя сосуды, находимыя въ землѣ, въ которыхъ доселѣ остаются слѣды пахучихъ веществъ, между прочимъ и янтаря. Куреніе этимъ послѣднимъ и теперь еще на Рюгенѣ (прежней Ругѣ) считается священнымъ, въ чемъ нельзя не видѣть остатка языческой старины. Въ числѣ этого рода возношеній нельзя не считать и возношеній пахучими цвѣтами и травами, вѣнками изъ нихъ, и т. п. Объ этомъ было уже замѣчено выше. Между такими цвѣтами были и васильки, какъ свидѣлствуетъ Ибнъ-Фоцланъ, если только подъ названіемъ «гі'хан» не должно разумѣть вообще пахучихъ травъ⁴.

О возношеніяхъ яствами имѣемъ свидѣтельствъ гораздо болѣе. У Масуди читаемъ о приношеніи одному изъ идоловъ проса⁵. Константинъ Порфирородный, рассказывая о походахъ Руссовъ,

¹ Гриммъ, *Deut. Myth.* I. 80

² Купальскіе огни сохранились у всѣхъ Славянъ; огни колядные—болѣе у Славянъ югозападныхъ. Кромѣ того, кое-гдѣ возмигаются огни весною и осенью. Кажется, что каждая четверть года была празднуема возношеніемъ огней.

³ *Густинская лѣтопись.* 207.

⁴ *Ибнъ-Фоцланъ.* 15, 107.

⁵ *Масуди.* 320.

вишеть, что они прїѣзжала къ острову св. Георгія и у огромнаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ, дѣлали также кругъ стрѣлами и кляли туда хлѣбъ, мясо или что другое, что было у нихъ ¹. Подробно описанъ подобный обрядъ у Ибнъ-Фоцлана, какъ онъ видѣлъ его въ пристани Итиля совершаемымъ Русскими купцами. «Вошедши въ пристань каждый идетъ на берегъ, съ хлѣбомъ, мясомъ, лукомъ, молокомъ и пьянымъ напиткомъ, къ высокому деревянному истукану, падаетъ передъ нимъ на землю и говоритъ: «Господи! я прїѣхалъ издалека и привезъ съ собою столько-то невольницъ, столько-то шкуръ соболей.... И пересчитавши такъ свои товары, прибавляетъ: «вотъ тебѣ даръ мой!» Потомъ кладетъ передъ идоломъ все, имъ принесенное, и говоритъ: «Ахъ, если бы ты послалъ мнѣ купца, у котораго было бы много серебряныхъ и золотыхъ денегъ, который бы купилъ у меня все, что мнѣ хочется, и такъ, какъ мнѣ хочется продать.» Сказавши это, онъ уходитъ. Если же торгова его идетъ худо и задерживаетъ его долго, тогда онъ приходитъ въ другой и въ третій разъ съ дарами. И если все еще не достигаетъ того, чего желаетъ, то приноситъ дары каждому изъ маленькихъ идоловъ, окружающихъ большой, и молитъ ихъ о заступленіи, говоря: «Это жены, сыновья и дочери нашего господи!» Онъ подходитъ къ каждому идолу, проситъ ихъ о заступленіи и кланяется имъ смиренно. Часто случается, что послѣ того онъ торгуетъ легко и хорошо и продаетъ всѣ привезенные товары. Онъ говоритъ тогда: «господь услышалъ мое желаніе; тебѣ обязанность моя возблагодарить ему»; онъ убиваетъ нѣсколько быковъ и овецъ, отдаетъ часть мяса бѣднымъ, остальное приноситъ къ большому истукану и къ стоящимъ вокругъ него малымъ и вѣшаетъ головы овецъ и быковъ на деревѣ, которое вбито въ землю (за малыми истуканами). Ночью приходятъ собаки и все поѣдаютъ, а положившій восклицаетъ: «господь благоволитъ мнѣ; онъ пріималъ мой даръ» ². О такихъ возношеніяхъ у Русскихъ говорятъ и сказанія отечественныя. Такъ въ лѣтописи Новгородской Пядиблянинъ, отринувши щестомъ пльиншаго Перуна, говорилъ ему: «Ты, рече, Перушище, досити еси пиль я яль, а нынѣ плови уже проче» ³. Въ словѣ Христолюбца говорится: «И тако покладываютъ имъ требы и коро-

¹ *Константинъ Порфир.* 9.

² *Ибнъ-Фоцланъ.* 7—9.

³ *Карамзинъ И. Г. Р. I.* пр. 463.

ван имъ ломят... моленное то брашно дают и ядят... ставят лише кумиром трапезы кетѣйныя и законьнаго обѣда, иже нарѣцается беззаконная трапеза, шѣнная ролу и рожаницамъ»¹. Въ переводѣ Григорія Назіанзинна читаемъ во вставкѣ: «овъ трѣбою створи на студенци, аждашицы отъ него»². Это напоминаетъ о дѣтской игрѣ Малорусской, во время засухи, когда приговаривается: «лій, лій, дожчику! наварю тобі борщику!» О хлѣбѣ-соли, какъ жертвѣ благодарности Волгѣ и морю, упоминается въ пѣсняхъ о гостѣ Садкѣ³. Что возрожденія яствами были въ обычаѣ и у язычниковъ Чеховъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ пѣсня Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «krmie bohom—сказано такъ — давались «w zupku», и послѣ битвы надобно было «dat rokrm bobowow»⁴. У Словаковъ сохранился языческій обычай бросать въ потоки весной разныя лова, какъ жертву. Такія возроженія были и у Балтійскихъ Славянъ и, по словамъ Андрея, въ его жизнеописаніи ст. Отгоа Бамбергскаго, происходили ежедневно⁵. Саксо грамматикъ, описывая обрядъ праздника Свитовида, рассказываетъ, что «жрецъ выливалъ вино изъ рога, который держалъ подолъ, къ ногамъ его въ возліаніе ему, и, наполивъ свѣжимъ виномъ, не забывалъ почтить идола, какъ будто онъ долженъ пить прежде жреца. Къ этому же возроженію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ выпіну былъ почти въ ростъ человека. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руликъ, видятъ ли они его. Когда они говорили, что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Върили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилію слѣдующей жатвы»⁶. Обычай, описанный Саксономъ грамматикомъ, до сихъ поръ соблюдается кое-гдѣ въ Малороссіи. На шедрый или богатый вечеръ (31 декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшекъ, пироговъ и, поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа «исполнить законъ». «Отець семейства

¹ Востокова Опис. р. Рум. М. 229.

² Переводъ Григорія Наз. Библиогр. Листы. 88

³ Древ. Рус. Стихотворенія 226, 339.

⁴ Краледвор. рпс. IV, 41, 42, 234.

⁵ Андрей. 10.

⁶ Саксо грам. 824—825.

долженъ състь на покути, за кучей печения. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де-жь нашъ батько?», онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «хѣба-жь вы мене не бачите!»,—и на отзывъ ихъ: «не бачимо, тату!», говорить имъ: «дай же боже, щобъ и на той рѣкъ не побачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ ¹.

Какъ ни разнообразны извѣстія, здѣсь представленныя, о возношеніяхъ божеству яствами, нельзя не пожалѣть о ихъ скудости: изъ нихъ мы почти не можемъ понять важности, какую должны были казаться, имѣть эти возношенія въ богослуженіи Славянскомъ. Нельзя себѣ представить, чтобы Славяне съ высокаго понятіемъ, какое имѣли о божествѣ, сколько бы ни было оно обезображено суевѣріями, могли соединять, на основаніи догматовъ своей религіи, понятіе о возможности кормить боговъ и яствами предложить на свою сторону. Обрядъ могъ быть исполняемъ и такъ, какъ его описалъ Ибнъ-Фоцлавъ; но долженъ былъ исполняться и иначе, не съ цѣлію кормить боговъ, а съ цѣлію возношеніемъ божеству освятить яства и потомъ потребить какъ освященное. Это мы видимъ изъ описанія Христолюбца; но къ сожалѣнію изъ его словъ не можемъ заключать, въ чемъ именно состоялъ обрядъ освященія, въ какихъ случаяхъ былъ совершаемъ. Если дополнить его слова тѣмъ, что говорятъ Андрей и пѣсни Краледворской рукописи, то можно думать, что обрядъ освященія яствъ совершался ежедневно, что язычники Славянннъ всякій день жажали потреблять яства и питія освященныя.

Тотъ же самый характеръ освященія должны были имѣть и возношенія оружія: это видно изъ того, что возносимы были оружія враговъ, всегда болѣе или менѣе противниковъ вѣры; все, что ни принадлежало имъ, могло считаться нечистымъ, оскверненнымъ. О возношеніи вражескаго оружія говорить пѣсна Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи»: «*tamo k wrchu pobraiebat mzech i dat pekrm bohounom, i tamo ohom spazam dat mnostuie obieti, a iim blasat milich slow i iim oguzie pobitih wrahow*» ². О такомъ же возношеніи вражескаго оружія говоритъ и жизнеописатель св. Оттона Сефридъ ³. Оченьне

¹ К. Сементовскаго Замѣчанія. 36.

² Краледвор. рпись VI. 250—255.

³ Сефридъ. 105.

мудрево, что многія изъ этихъ возношеній оставались собственностію храма; но это не мѣняло характера обряда: священныя оружіа могли быть потомъ употребляемы въ походѣ, если не кѣмъ другимъ, то воинами храмовыми, вмѣстѣ со священными знаменами, значками въ родѣ орловъ Святoviда и т. п.

Что касается собственныхъ жртвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: ~~жртвы закланія и жртвы сожженія~~. Отъ тѣхъ и отъ другихъ нельзя не отличать принесенія въ жертву людей.

О жертвахъ закланія упоминаетъ уже Прокопій, говоря, что Славяне, поклоняясь богу молніеносцу, приносили ему въ жертву быковъ и другія приношенія, — что они, видя себя удрученными болѣзнію или близкую смерть въ бою, обѣщались богу принести жертву за спасеніе живота, и избѣжавъ опасности, приносили въ жертву обѣщанное, думая, что этою жертвою спасали себя жизнь¹. Масуди упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ Славянскихъ только вообще². Почти въ такихъ же общихъ выраженіяхъ говоритъ о нихъ и переводчикъ Григорія Назіанзина: «Онъ несущимъ богомъ жреть... онъ рѣкъ богынямъ нарицаетъ и звѣрь живущъ въ пещи яко бога варицаа трѣбъ творить. Онъ дѣю жреть, а другыи дѣви... Онъ мѣущнѣ смѣть твора оубиваетъ»³. Здѣсь въ отношеніи къ жертвоприношеніямъ замѣчательно послѣднее выраженіе: оно намекаетъ на давній обычай закланія жртвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ догадываться, что этотъ обычай въ послѣдствіи времена былъ замѣненъ другимъ, символомъ закланія. Онъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатскихъ горахъ, гдѣ, по случаю выгона стада на пастбище весной, сѣлне, пазднуа для пастуховъ яврѣ, приготавлиють къ нему пироги въ видѣ овна, для того, чтобы онъ, какъ жертва богу, былъ зарѣзанъ рукою главнаго бачи и потомъ берегся у пастуховъ какъ лекарство для овецъ⁴. Ясно о жертвахъ закланія у Русскихъ говоритъ Несторъ: «жраху бѣсомъ, осквернаху землю те-ребами своими и оскверниа кровьюи земля Руска и холмъ отъ»⁵.

¹ Прокопій. III, 14.

² Масуди. 221.

³ Переводъ Григор. Наз. ib. 88—89.

⁴ Я слышалъ объ этомъ обрядѣ въ Шарншской столицѣ, въ Венгріи.

⁵ Несторъ. 34. Трѣба-потрѣба (слово, извѣстное и Вацерату. 227) употребляется вообще вмѣсто жртвы. Если, впрочемъ, взять въ расчетъ Поль. trzebić и Луж. trjebić-wutrzebać (настрирывать), то тре-

Упоминаетъ о нихъ и Митрополитъ Иларіонъ въ своемъ словѣ, замѣчая, что, освятившася ученіемъ Христовымъ, «уже не жртывенныя крове вкушающе погибаемъ¹». Въ житіи князя Константина Муромскаго говорится объ обычаѣ закаланія коней при совершеніи обряда погребенія². Изъ писателей иностран-ныхъ о жертвахъ закланія у Русскихъ говорятъ Константинъ Порфирородный и Ибнъ-Фоцланъ. Первый упоминаетъ о бросаніи жребія о птицахъ, должно ли ихъ ѣсть, или убить, или живыхъ выпустить на свободу. Сходное съ этимъ есть въ словѣ Христіановца: «и куры имъ рѣжутъ», и у Льва Діакона — о приношеніи въ жертву вѣтуховъ при обрядѣ погребенія³. Ибнъ-Фоцланъ рассказываетъ, какъ было уже замѣчено, что въ знакъ благодарности Русскіе закалали своимъ богамъ быковъ и овецъ и вѣшали головы овецъ и быковъ на деревѣ, воткнутомъ въ землю за идолами⁴. Последній обычай сохраняется отчасти и теперь у Русскихъ и у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ. Венды, подобно Русскимъ, имѣли обычай—говорить Преторій—для предохраненія отъ скотнаго падежа ставить по забору вокругъ конюшень и хлѣбовъ мертвыя головы лошадей и коровъ, равно и тѣмъ лошадямъ, которыхъ, по народному повѣрью, мучить домовою, клали лошадиную голову подъ кормомъ въ ясляхъ, вѣря, что это уничтожаетъ силу домоваго надъ лошадью⁵. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая объ обрядѣ погребенія, Ибнъ-Фоцланъ описываетъ и жертвоприношенія, совершавшіяся при этомъ: «Принесли собаку и, разрубивъ пополамъ, бросили въ ладью;... привели двухъ лошадей, которыхъ гоняли до тѣхъ поръ, пока онѣ покрылись потомъ, разрубили ихъ мечами и мясо бросили въ ладью; привели и двухъ быковъ и также бросили въ ладью разрубленныхъ: наконецъ взяли вѣтуха и кури-

---

ба должна означать только жертву закланія. Фрейзин. Отр. 2-й: *Oztanem zich mirzich del ese sunt dela sotonina, ese trebu tuorim, ese bratra oclevuetam, etc* строка 20. У Люнебург. Славянъ слово *treba* (*trewa-igrive*) назывались Рождественскіе святки. *Геннингъ*, подъ слов. *Weihnacht*.

¹ Иларіонъ въ Прибавъ къ Твор. Св. Отцовъ. Часть IV. 236.

² Карамзинъ. II. Г. Р. I. пр. 236.

³ Константинъ Порфир. 9. *Востокцевъ*. ib. 228. *Левъ Діаконъ*. IX. 6.

⁴ Ибнъ Фоцланъ. 9.

⁵ Преторій. *Weltbeschreibung*. II, 162—163

цу, зарывали в бресьня туда же»¹. О приношеніи въ жертву козла есть преданіе, сохранившееся въ народной обрядной пѣснѣ: «За рѣкою, за быстрою — лѣса стоять дремучіе: во тѣхъ лѣсахъ огни горять, огни горять великіе; вокругъ огней скамьи стоять, скамьи стоять дубовыя; на тѣхъ скамьяхъ добры молодцы, добры молодцы, красны дѣвицы, поють пѣсни кождѣ души. Во середкѣ ихъ старикъ сидитъ, а онъ точитъ свой булатный ножъ; возлѣ него козэлъ стоитъ... Хотятъ козла зарывзати»². По свидѣтельству Длугоша, была въ обычаѣ жертвы закланія и у Полаковъ: въ жертву приносили быки и быки, во время празднисть, на который собирался народъ³. Были онѣ въ обычаѣ и у Балтійскихъ Славянъ. Титмаръ пишетъ, что Лютичи, отправляясь на войну, поклоняются храму Петрскому, а возвращаясь изъ счастливаго похода, приносятъ богамъ дары, посредствомъ жребіевъ и коней узнають, какия жертва можетъ быть угодна богамъ, и смѣряють гнѣвъ ихъ кровію людей и животныхъ⁴. Гельмольдъ рассказываетъ объ нихъ такъ: «Боги имѣли своихъ жрецовъ, свои жертвоприношенія и равнообразное служеніе. Жрецъ посредствомъ жребія определялъ праздниства, посвященныя богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили богамъ въ жертву быковъ и овецъ. По закланіи жертвы жрецъ пилъ кровь, чтобы имѣть болѣе силы познать божественныя предсказанія, потому что кровь, какъ многіе думали, помогаетъ вызывать духовъ. Принеши по обычаю жертву, народъ начиналъ пиршество»⁵. Саксо грамматикъ, при описаніи осенняго праздниства Святovidова, не забылъ также замѣтить, что жители острова Рудны, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву звѣрей по закону, и потомъ совершали торжественно пиршество, потребляя на немъ жертвы, по окончаніи храмоваго обряда⁶: Объ этомъ ежегодномъ принесеніи жертвъ Святovidу упоминаетъ и Гельмольдъ⁷. У Чеховъ долженъ былъ существовать также обрядъ принесо-

¹ Ибн. Фоцланъ. 11—29.

² Снегиревъ ib. II. 69.

³ Длугошь. V, 9.

⁴ Титмаръ. VI, 17.

⁵ Гельмольдъ, I, 56. Сравни. Анонима Chron Slav. XVIII Lindenbrag. Scriptorum. 211.

⁶ Саксо грам. 824.

⁷ Гельмольдъ. II. 12.

ція жертвъ закланія; впрочемъ, свидѣтельство Козьмы Пражскаго о немъ едва ли должно быть принимаемо совершенно такъ, какъ оно есть. «Чехи—пишетъ онъ—преданные глупымъ суевѣріямъ, боясь неудачи въ войнѣ, обратились къ колдунѣ и спрашивали ее, что нужно сдѣлать, чтобы война была для нихъ счастлива. Колдунья, объятая пророческимъ духомъ, отвѣчала имъ немедленно, что если они хотятъ быть побѣдителями, то должны прежде всего совершить волю боговъ, и совѣтовала принести въ жертву осла, надѣясь, что этою жертвою умилостивятся боги и помогутъ въ битвѣ»¹. Здѣсь не можетъ не казаться страннымъ то, что въ жертву приносится оселъ: едва ли это не опска.—

Изъ данныхъ, здѣсь представленныхъ о жертвахъ закланія, извлекаются слѣдующіе выводы:—Эти жертвы возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Иногда онѣ совершались торжественно жрецами, иногда же самими тѣми, кто желалъ принести жертву. Чтò должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданьемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напр. быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвы совершались гаданія, и при этомъ жрецъ, для того, чтобы водушевляться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употреблено, какъ яства, на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Этотъ послѣдній обычай показываетъ, что жертвы закланія имѣли сначала близкое сродство съ возношеніями яствъ, что закалаемое животное приносилось въ жертву, какъ яства, которая религіознымъ образомъ должна быть ославлена, отрѣшена отъ оскверненія: вотъ почему и приносились въ жертву, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, только животныя, употребляемыя въ пищу. Въ послѣдствіи обрядъ могъ потерять свое значеніе и получить новое: могли повѣрить, что смертію животнаго можно защитить себя или свое животное отъ смерти и другаго подобнаго бѣдствія. Вотъ почему въ нѣкихъ случаяхъ приносимое въ жертву не закалялось, а задушало, напр. въ водѣ; вотъ почему могло постепенно войти также въ обычай замѣнять при жертвоприношеніи живое существо его образомъ,

¹ Козьма Праж 1, 97.

нэз чого нібудь сдэлаіць, или же самыі обрядъ закланія замѣ-
нять приношеніемъ въ жертву головы животнаго. Изъ нѣкото-
рыхъ данныхъ, которыя вывѣсь объ этомъ послѣднемъ обычаѣ,
видно, что жертвы приносятся могли и злomu богу, чelовѣку
враждебному, или же что тѣмъ, что было освящено, какъ прино-
сенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ
зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы закла-
нія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія, и харак-
теръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою
быть вознагражденнымъ отъ нихъ тѣмъ нибудь бѣднѣмъ.

Жертвы сожженія имѣли только этотъ послѣдній характеръ.
Что и онѣ были оченьъ обычны у Славянъ сѣверо-западныхъ и
восточныхъ, это доказыаается остатками, находимыми въ горо-
днцахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ совершались, множест-
вомъ пепла, угля, недогорѣлыхъ костей животныхъ и т. п.
Какъ описаніе современное, приведемъ здѣсь то, что находится
въ пѣсни Кракедворской рукописи «о великомъ пораженіи». Чест-
миръ, отправляясь на войну «*prode wsie drua wzlozie obieti bo-
hom*». Воймиръ, одержавши побѣду, *chciese obiet wzdati bohom
w ziem ze miestie, w ziem ze krocie slunce*; но отлежалъ по со-
вѣту Честмира и возонилъ къ богамъ: «*Ne ziarste sie, bozi,
szcemu sluze, ez ne pali obiet w dniesniem slanci*». Честмиръ со-
вѣтовалъ ему тогда: «*Dluzna obiet bohom, uesse Cestmir; a ninie
nam na wrabi pospieti; ninie wszodni ti na rucie konie, proletoi
lesi ieleniem skokem, tamo w dubrawu. Tam a ceati skala bogom
zmilena, na icie wrh obietni bohom, bohom suim sprasam, za wi-
cestuie w zadech, za uicestuie w prsiedie. Neze sie poznaiie, ze
slunce pokroci na twrdosti nebes, stupis tamo na miesto; a neze
slunce postupi vterim krokem i krokem trisetiemi nad wrsini lesne,
doidu voi tamo, kdie obiet tuoie poucieie w slupch dimu; pokorai
sie wsie voiska, tudi iduce.*» И Воймиръ перелетѣлъ черезъ лѣса
въ дубраву, «*na wrsie skali zanieti obiet bohom suim sprasam za
uicestuie wzadech, za uicestuie wprsedie, im obietoua krauicu
buinu*». Любопытно тутъ описаніе самого обряда сожженія жертвы:
«*Plapolase obiet i blizise sie uoi k uualu, iz uuala wzhoru w dubrawu.
Uoi ozucieni hlukem idu po iednom, oruzie nesuce; prokni ida
kol obieti, bohom slanu hlasase, i zachazeie zezwucie ne meskase,
i kehdi dochazese posleda uoiw, wskoci Voimir na suoi ruci
komon*». Если такъ совершались жертвы сожженія и всегда, то

¹ Кракедвор. рцс IV, 22, 123—124, 135—136, 143 152, 155—157, 164—
170. Въ Чеш. жертва называется *obět* (Вацерадь. 219. Юнманъ II.

можемъ заключить, что и при этихъ жертвахъ, какъ при жертвахъ закланія, приносимы были домашнія животныя, что эти жертвоприношенія были общевародныя, и что, наконецъ, они были совершаемы великолѣпно, но не жрецами, если только князь не являлся по своему сану правъ жреческихъ. Такія жертвы были въ обычаѣ и у другихъ Славянъ. по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которымъ не чужды слова «жертва» или «жаризна». видимо происходяшія отъ «жрѣти» — сжигать¹. Жертвы сожженія сопровождали иногда погребальныя обряды. Не надобно, быть можетъ, считать жертвоприношеніемъ сожженія людей вмѣстѣ съ трупами мертвыхъ, которымъ въ жизни они принадлежали; но то, что рассказываетъ Ибнъ-Фоцланъ о сожженіи вмѣстѣ съ мертвыми уже закланныхъ собаки, двухъ лошадей, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы и еще одной курицы; у которой оторвали прежде голову, едва ли не относилось къ обряду жертвоприношенія, хотя и нельзя понять значеніе и цѣль обряда².

Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можемъ догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Привожаху сыны своя и дщери — говоритъ Несторъ — в жаряху бѣсомъ, обкверняху землю теребачи своими, и оскверниша кровью землю Русска и холмъ отъ». Уже изъ одного этого выраженія можемъ заключать, что Русскіе при жертвоприношеніяхъ закаляли и людей: иначе бы, кажется, Несторъ пролитіе крови не называлъ оскверненіемъ земли. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ яснѣе: «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, взя землю ихъ, и иде Кіеву, и творяще потребу кумаромъ съ людьми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ жребии на отрока и дѣвицу, на кого же падеть, того зарѣжемъ

761), какъ что обѣщанное: о жертвахъ по обѣщанію упоминають многіе современники.

¹ Они употребительны у многихъ Славянъ *жертва* (жертва) почти у всѣхъ югозападныхъ (извѣстно было и *Вацераду*. 231); *жаризна* — у Поляковъ (*zaruzna*) и Словаковъ. Сравни *жаровище* (по *Вацераду* — *rita, rogum.* 230). *Жрѣти* одного корня съ *горти*, по обычному смягченію: въ ж (гоить-жить; горло-жерло: горы-жары (Слован.), *galbns* Лат.), *gelb* (Нѣм.) — желтый; *glans, glandis* (Лат.)-желудь; *galle* (Нѣм.)-желчь; *ganne* (Лит.)-жена и пр.

² *Ибнъ Фоцланъ*. 15, 17.

богомъ. Баше Варягъ одинъ—держаше вѣру хрестыаньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душою, на сего паде жребни.... Рѣша пришедше посланни къ нему, яко паде жребн на сынъ твой, изволиша бо и бози собѣ, да сотворимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо.... не дамъ сына своего ѡбоомъ. Они же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поклоша пашь, и розъяша дворъ около его; онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ.... И поскыша сѣни подъ нима, и такъ побяша я»¹. Митрополитъ Иларіонъ подтверждаетъ существованіе человѣческихъ жертвъ у Русскихъ выраженіемъ: «уже не заколемъ ѡбоомъ другъ друга»². Были человѣческія жертвы и у Поляковъ, какъ знаемъ изъ Длугоша: въ жертву приносились—по его словамъ—люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ³. Обычай приношенія въ жертву людей у Балтійскихъ Славянъ говоритъ Титмаръ: этими жертвами Лютичи думали утишать гнѣвъ боговъ⁴. То же говорятъ и Гельмольдъ: въ жертву приносили хрестіанъ въ надеждѣ, что такими возношеніями можно радовать боговъ, и по жребію назначали, кто долженъ быть принесенъ въ жертву. Святovidу приносилась такая жертва ежегодно, и жертвоприношеніе совершалось жрецомъ⁵. Гельмольдъ, Адамъ Бременскій и другіе пѣмечіе; лѣтописцы рассказываютъ и нѣсколько случаевъ принесенія въ жертву людей. Такъ принесенъ былъ въ жертву Годескалкъ виѣствъ со многими другими и предводителемъ Эпшономъ; такъ в эшкѣпъ Іоаннъ, взятъ будучи въ плѣнъ, былъ битъ палками, потомъ возмъ съ поруганіемъ по городамъ, и наконецъ, не отрекшись отъ Хрестіанства, въ Ретрѣ умерщвленъ: ему оторвали руки и ноги, бросили на улицѣ, а голову принесли въ жертву Радагасту; какъ знакъ побѣды; такъ богамъ принесены были въ жертву изувѣченные члены священниковъ и монаховъ, скрывавшихся въ церквахъ послѣ разоренія Мальдорпа⁶.—Изъ всего этого видимъ, что въ жертву

¹ Вестаръ, 35

² Иларіонъ. ib 235

³ Длугошъ. V, 9.

⁴ Титмаръ, VI, 17.

⁵ Гельмольдъ. I, 52. II, 12. Анонима Chr. slav. ib. 211.

⁶ Гельмольдъ. I 23. II, 12. Адамъ. Брем. IV. 12, 167. Срав. Гельмольдъ, I 23. Петерсенъ De Dansker toge til Venden. II. 3. въ Annaler for Nordisk oldkyndighed. Kiöbenhavn 1838. 11. Ср. Гельмольдъ Г. 16.

приносили танныхъ людей, которыхъ можно было не жалѣть, на пр. плѣнныхъ и христіанъ,—что, впрочемъ, жребій большаго частію рѣшалъ, кому быть принесеннымъ въ жертву, и что иногда выборъ падалъ на юношей и дѣвицъ. Такое жертвоприношеніе не могло не соединиться съ торжественнымъ обрядомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ повторялся ежегодно. Въ жертву приносима была иногда только голова человѣка¹. Замѣтимъ, еще, что человѣческими жертвами Славяне воображали смягчать гнѣвъ боговъ и украшали религиозныя торжества послѣ войны или битвы. На это нельзя не обратить вниманія: смерть человѣка одного или многихъ, на полѣ боя или на одрѣ болѣзни, всегда религіей Славянской вызывала смерть другого человѣка или многихъ; послѣ битвы или войны приносили людей въ жертву, при погребеніи человѣка умершаго лишали также людей жизни. Источникъ того и другого обычая долженъ быть одинъ и тотъ же. Славянинъ боялся будущаго посмертнаго,—столько же боялся своихъ грѣховъ, сколько и смерти насильственной (можетъ быть, по невозможности къ ней приготовиться): то и другое готовило ему посмертное мученіе; но съ болѣзнію соединилась у него надежда на благость боговъ, на возможность ихъ умилоствити очищеніемъ, и это очищеніе въра ихъ находила въ погребеніи животныхъ и другихъ людей. О такой жертвѣ очищенія разсказываетъ Левъ Діаконъ: «Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, Руссы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли ихъ, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ; а совершивъ эту кровавую жертву, погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ, и такимъ образомъ задушили»². Если можно повѣрять, что была жертва очищенія, жертва задушная, а въ этомъ кажется сомнѣваться нельзя, то надобно признать такой жертвой и погребальное торжество, какъ его описываетъ Ибнъ-Фолянъ. «Если умеръ кто изъ знатныхъ — говорить онъ—то его родные спрашивали у дѣвушекъ и отроковъ, кто изъ нихъ хочетъ умереть съ нимъ, и кто подалъ разъ свой голосъ, тотъ уже не могъ отступить. По большей части это дѣлала дѣвушка. Для обряда сожженія назначалась лодка, которую ставили на

¹ Бертарди, Bausteine zur slaw. Mith. II, Jahrbücher für Slav. Lit. 1843. 391—392.

² Левъ Діаконъ. IX. 6.

вбитыя въ землю бревна, между тѣмъ какъ вокругъ стояли большіе деревянные идолы, съ челоуѣкообразными фигурами, такъ что лодку тащили на бревна мимо ихъ. На лодку ставили нары, для того, чтобы на нихъ одѣвать мертваго. Одѣвши его въ богатое платье, вносили въ шатеръ, бывшій на лодкѣ, и сажали его тамъ, окруживъ яствами и нѣтіями. За тѣмъ слѣдовало привесеніе въ жертву собаки, двухъ коней, двухъ быковъ, пѣтуха и курицы. Дѣвушка между тѣмъ приготовлялась къ смерти. Ее наконецъ раздѣвали, вводили въ шатеръ, и тамъ умерщляли—задушали и потомъ зарѣзывали. Ближайшій изъ родныхъ долженъ былъ послѣ этого первый зажечь костеръ, за нимъ слѣдовали и другіе мужчины: каждый клалъ на костеръ по пылающему полѣну. Костеръ разгорался, — и ладья съ шатромъ, покойникомъ, дѣвушкой, со всѣмъ, что было въ ладѣ, сгорала¹. И всегда у Славянъ погребальный обрядъ сожженія сопровождался умерщвленіемъ не только животныхъ, но и людей; если не кого другаго, то по крайней мѣрѣ женщины, жены или наложницы². Для погившаго была надежда, что онъ этимъ пожертвованіемъ открывалъ себѣ дорогу въ рай; такая же надежда была и для родныхъ покойника, вѣровавшихъ, что этими жертвами очищается душа его отъ грѣховъ. Вотъ почему даже и послѣ, при совершеніи поминковъ по душѣ покойнаго, веселья пѣсни и игры надгробныя предупреждаемы были смертію какого нибудь живаго существа, какъ это видимъ и изъ обычая, сохранившагося кое-гдѣ у Карпатскихъ горцевъ и у Хорутанъ, умерщвлять на могилѣ пѣтуха, барашка и т. п. Все это было для дальничковъ Славянъ жертвой очищенія. Въ послѣдствіи времени принесеніе въ жертву людей могло для нихъ соединяться съ какимъ нибудь другимъ понятіемъ, напр. съ понятіемъ долга истреблять враговъ, которые не могли не считаться и врагами божества; но не этимъ могъ начаться обычай, столь дикій и безнравственный. Нельзя предположить себѣ ни для какого народа никакого безнравственного обычая, который бы не оправдывался въ немъ причиной, хотя и ложно, сумазбродно понятой, но все-таки нравственной, согласной съ правилами народной нравственности.

¹ Ибнъ Фоцланъ. 11 - 21.

² Маерикій XI, 5. Тутмаръ. VIII, 2 Масуди. 317 и пр.

IV.

Гаданія составляли стольже необходимую принадлежность богослуженія Славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою раскрывать ему свою волю и его будущее, подавать ему совѣтъ или повелѣнiе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, ограждать его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинанiи зналъ впередъ, можетъ ли не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданiй основывались на вѣрованiи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Множество преданiй дошло до насъ о древнихъ языческихъ гадапiяхъ Славянъ, но не всѣ намъ извѣстные роды гаданiй принадлежали къ обрядамъ богослуженія. Они могли умножаться непрерывно; даже и послѣ паденiя язычества, хотъ и совершенно въ его духѣ; религiя же освящала очень немногiе. Я буду говорить здѣсь только объ этихъ послѣднихъ.—Гадаю о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество—во-первыхъ, о томъ, быть ли чему или не быть, дѣлать ли ему что или не дѣлать,—во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Отвѣтъ на первый вопросъ былъ коротокъ: да или нѣтъ, и могъ быть разгадываемъ изъ различныхъ, очень не сложныхъ знаковъ; отвѣтъ на второй вопросъ долженъ былъ разгадываться изъ знаковъ гораздо болѣе сложныхъ, и чѣмъ кратче, неопредѣленнѣе выражался, тѣмъ болѣе зависѣлъ въ своемъ объясненiи отъ воли объяснявшаго.

Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то было гаданьемъ по жребiю¹. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрiй. Объ одномъ изъ способовъ гаданья по жребiю рассказываетъ Титмаръ, какъ о составлявшемъ часть богослуженія въ храмѣ Петрскомъ.

¹ Слово *Жрѣбци* (жеребей, жарцеби, ждриб и т. д.) собственно значить осколокъ (дерева, желѣза), и потомъ уже стало употребляться въ смыслѣ части, удѣла, и т. п. Сравни. *Шилкевича*. Корнисловъ. I. 2. *Доброската* Грамм. Слав. I. 167.

Жрецы сидѣли и, поочередно тайно шепча, со страхомъ рыли землю и разгдывали по встрѣчаемымъ признакамъ, что должно случиться; потомъ покрывали найденные жребіи зеленымъ дерномъ¹. Это напоминаетъ гадальную игру Русскихъ дѣвушекъ, называемую «лапки»: въ небольшую яму сбрасываютъ всякаго роду соръ, и между прочимъ двѣ заячьи лапки; потомъ ищутъ этихъ лапокъ, — кто найдетъ, тому счастье. О двухъ такихъ способахъ гаданья упоминаетъ Саксо грамматикъ: Руине гадали тремя деревянными щепочками, на которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная: та означала удачу, а эта неудачу. Женщины у нихъ гадали, сидя у очага и чертя бѣвъ счету по пеплу случайныя черты: если потомъ насчитывали ихъ четъ, это предсказывало счастье, если же нечетъ, то бѣда². Первый изъ этихъ двухъ способовъ былъ въ обычаѣ и у Штетинявъ, какъ знаемъ изъ жизнеописаній св. Оттона Бамбергскаго: они гадали на деревяннымъ дощечкамъ объ удачѣ морскихъ битвъ, — по введеніи Христіанства, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ, это гаданье совершенно было оставлено³. Подобное гаданье было и у Чеховъ, какъ видимъ изъ пѣсни Краледворской рукописи о битвахъ съ Татарами: *i na dli trest crnu poloziču, i iu na čuie polie hozseriču, pruei pole Kublai imie wzdieču, vterei polie krali imie wzdieču, vetchimi slovesi nad sim wzpieču. Posieču tresti zpolu voieuati, i trest kublajoua swioezise*⁴. Что касается до втораго изъ гаданій, описанныхъ Саксономъ грамматикомъ, то что-то подобное употребляется и до сихъ поръ у Русскихъ, сохранилась вмѣстѣ съ вѣрованіемъ, что вола есть символъ зла⁵. Къ этого же рода гаданьямъ принадлежали гаданья по священной чашѣ или рогу: объ отгадыванья урожая на слѣдующій годъ по убыли и неубыли вина въ рогѣ Святонва разсказываетъ Саксо грамматикъ; о гадательныхъ золотыхъ чашахъ въ континахъ Штетинскихъ пишетъ Сефридъ⁶. Подобнаго рода были гаданья водою на рѣшетѣ, въ мѣшѣ и проч: они сохранились у Русскихъ и были въ старое время у Полянвъ⁷. Были такого

¹ Титмаръ. VI, 17.

² Саксо грам. 827—828.

³ Сефридъ. 108

⁴ Краледвор. пись III. 54—60.

⁵ Сахаровъ. ib II, 14.

⁶ Саксо грам. 824. Сефридъ. 105.

⁷ Сахаровъ. II. 65, 68, 69. Вишевскій, Hist. Lit. Pol. I, 274—275.

рода релігійныхъ гаданья и по жертвамъ: о нихъ упоминаеть Проконій,—и въ преданіяхъ Русскихъ сохраняется о нихъ воспоминаніе видѣтъ съ уваженіемъ, какое питають кудесники къ нечени, къ дыму, къ куреньямъ¹.—Къ гаданьямъ по жребію должно причислить и гаданья конями. Въ Ретрѣ оно производимо было, по описанію Титмара, такъ:—«Выводили коня, который былъ очень великъ и считался священнымъ. Съ благоговѣйною покорностію вели его черезъ вбитыя въ землю острія двухъ копій, перекинутыхъ одно на другое, и совершивши прежде гаданье по жребію (рытьемъ земли), гадали опять, помощію этого какъ бы вдохновеннаго коня, о томъ же, что хотѣли узнать посредствомъ жребіевъ. Если въ томъ и въ другомъ случаѣ предсказывалось одно и то же, то загаданное должно было исполняться; если же нѣтъ, то печальный народъ совершенно оставлялъ свое предпріятіе»². Иначе совершалось это гаданье въ Арконѣ конемъ Святовида, какъ узнаемъ изъ Саксона грамматика: «Если думали начать войну съ какою нибудь областію, то жрецы передъ храмомъ втыкали въ землю наконечниками копья, связанныя попарно крестъ-на-крестъ въ три ряда, въ равномъ одинъ отъ другаго разстояніи. Жрецъ, совершивши торжественное моленіе, велъ къ нимъ коня, изъ воротъ храма за узду, и если конь переходилъ чрезъ конья прежде правою, а потомъ уже лѣвою ногою, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ для войны; если же хоть разъ двинулъ лѣвою ногою, прежде нежели правою, то задуманное предположеніе извѣдилось. Равно и морской походъ считали безопаснымъ не прежде, какъ если три раза сразу предсказывалась удача»³. Еще иначе описано гаданье конемъ бывшее въ обычаѣ у Штетинянъ:—«Если Штетиняне замышляли сухопутный походъ противъ непріятелей или какой навады, то разгадывали удачу дѣла обыкновенно такъ:—клали на землю девять копій на локоть одно отъ другаго; жрецъ, смотрѣвшій за конемъ, осѣдлавши и взыздавши его, велъ за узду черезъ лежащія конья три раза взадъ и впередъ. Если конь проходилъ не спотыкался и не трогая копій, то это почиталось счастливымъ знакомъ, и походъ былъ начи-

¹ Проконій. III, 14. Сахаровъ. II, 10, 13

² Титмаръ. VI, 17. Выписку изъ Chronica August. см. у Гримма Deut. Mith. II 628.

³ Саксо грам. 826—827.

наемъ; если же ковь трогалъ ковья ногою, то походъ былъ отлагаемъ¹. Хотя три приведенныя описанія и различны въ нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствахъ; но обычай и форма гаданья, видимо, были всюду одни и тѣ же; и хотя всѣ три описанія касаются сѣверо-западныхъ Славянъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что только у нихъ однихъ и былъ обычай гаданья конемъ; есть, напротивъ, слѣды этого обычая и у другихъ Славянъ. Такъ между прочимъ былъ онъ и у Русскихъ: Морозкинъ нашелъ его слѣды въ губерніяхъ Ярославской и Костромской; Снегиревъ и Сахаровъ также упоминаютъ объ обычай гаданья конемъ во время свѣточныхъ гаданій². Русскія дѣвушки, гадаю о суженомъ, выводятъ лошадей изъ конюшни черезъ оглоблю или черезъ жердь,—и если лошадь зацѣпится за оглоблю или за жердь ногами, то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; если же перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смиренный, и житье счастливое. Садятся также на лошадь, и, завязавъ ей глаза, даютъ волю идти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ замужемъ. Русскіе гадали также, подобно Нѣмцамъ, и по ржанью коня³. Кромѣ всѣхъ этихъ гаданій по жребію были, вѣроятно, и многія другія, судя потому, что въ сѣверныхъ народныхъ осталось очень много способовъ гаданья, и хотя не всѣ остались они отъ временъ язычества, но все же многіе не могли имѣть другаго источника.

Очень мало можно сказать о гаданьяхъ, въ которыхъ волю бо жества хотѣли узнавать не по какому нибудь жребію, одному изъ двухъ противоположныхъ, а въ положительномъ отвѣтѣ, одномъ изъ многихъ возможныхъ. И они, впрочемъ, были въ употребленіи у Славянъ. Это видно уже изъ того, что, какъ говоритъ Гельмольдъ, жрецъ принося жертву, пилъ кровь ея, чтобы возбудить въ себѣ предсказательную силу⁴: для гаданій по жребію это было излишне; при нихъ отъ жреца требовалась не какая нибудь особенная сила, а знаніе значеній жребія, если

¹ Сефриде. 107.

² Морозкинъ въ переводѣ Рейца, Истор. Рос. Закон. 1836. 352. Сахаровъ. II, 67. Снегиревъ, Рус. празд. II; 43 и 49. Сравн. слова *жорбѣи* и *жорбѣцѣ*, (сл. Jahrbücher für Slaw. Lit. 1843. 390.)

³ . О кнѣгахъ истин. и лож. • у Калайдовича, Іоаннъ Экв. Болг. 211.

⁴ Гельмольдъ., I, 52. Сравн. у Иллариона «жертвенныи крове вкушающе погибаетъ». ib. 236.

только и это знаніе не было общимъ для всего народа, — и на участіе при совершеніи обряда для большей увѣренности гадавшихъ, что все дѣлалось по предписаніямъ религіи; здѣсь, напротивъ, вуждаясь въ силѣ предсказательной, жрецъ конечно готовился угадывать по такимъ признакамъ, которые могли быть поняты различно или не поняты совсѣмъ, следовательно не во жребію. Кромѣ этого вывода есть и нѣсколько положительныхъ доказательствъ о существованіи обряда гаданій по предсказаніямъ. Такъ Масуди упоминаетъ, что одинъ изъ храмовъ Славянскихъ былъ славетъ настройками, сдѣланными въ его честь для наблюденій восхожденія солнца, камнями тамъ вставленными, знаками тамъ начертанными и обозначавшими тамъ будущее, происшествія предсказанныя этими камнями прежде, чѣмъ они случились¹. Это сходно съ тѣмъ, что читаемъ въ Стоглавѣ: «волхвы и по звѣздамъ и по ланитамъ (планетамъ) глядять», — и вообще есть до сихъ поръ у Славянъ нѣсколько способовъ гаданья по солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ. Несторъ рассказываетъ какъ волхвы предсказали смерть Олегу: — «Привва Ольгъ волхвы своя и рече имъ: скажите ми, что смерть моя. Они же рѣша смерть твоя отъ любимаго твоего коня, и пр.»² Нѣсколько подобныхъ предсказаній записано лѣтописцами въ позднѣйшее время. О такихъ же предсказаніяхъ говорить и Козьма Пражскій: такъ говорить онъ, что Любуша была прорицательница, предсказала многое своему народу, и за это выбрана была вратительницей; она предсказала и будущее величіе Праги; тамъ она говорить и еще объ одной прорицательницѣ, къ которой обращались съ совѣтомъ, что сдѣлать, чтобы побѣдить непріятеля, и она предсказала побѣду, если исполнена будетъ воля боговъ³. Нельзя здѣсь забыть и повѣрья, что букушка предсказываетъ, сколько кому лѣтъ жить. Оно распространено у всѣхъ Славянъ, и во время языческаго имѣло часто религіозный смыслъ, какъ знаемъ изъ хроника Прокоса, который, упоминая о немъ, представляетъ, что, по понятію язычниковъ, въ эту птицу превращалась богиня жизни Жива⁴. Правда, что ни одно изъ этихъ свѣдѣтельствъ не говоритъ о предсказаніяхъ, какъ о религіозномъ

¹ Масуди. 320.

² Новгор. Лѣт. М. 1781. 9.

³ Козьма Праж. 11, 20, 27.

⁴ Прокосъ. 113.

обрадъ; по вѣзъ словъ Гельмольда, приведенныхъ выше, это видно ясно, — и заключеніе, что такіе обряды существовали, не должно, думаю, назаться натянутымъ. Для того же, чтобы дознаться о характерѣ и формѣ обряда, нужно, за неимѣніемъ свидѣтельствъ современныхъ, обратить вниманіе на приемы, употребляемые нынѣшними Славянскими знахарями, ворожеями и колдунами и сравнить ихъ между собою. Къ сожалѣнію это теперъ невозможно, потому что мало еще свидѣній собрано объ этомъ любителями народностей.

Говоря о гаданьяхъ, нельзя опустить изъ виду и вопроса: при какихъ случаяхъ они употреблялись, что ими рѣшалось. Разсматривая свидѣтельства, принадлежащія къ рѣшенію этого вопроса, замѣчаемъ, что гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное влѣаніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Храмы и божества, которымъ въ нихъ поклонялись, были чтимы тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе было въ народѣ вѣры къ прорицаніямъ, тамъ совершаемымъ: эта сила прорицаній заставила Славянъ уважать особенно Радагаста Ретрскаго и Святовида Арконскаго, давая жрецу послѣдняго такую важность, что отъ него считались зависящими и народъ и князь¹. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ, на мирской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, — и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Миколаи Голстунскаго². О выборѣ невѣсты по жребію читаемъ и въ Словѣ о полку Игоревомъ: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу»³. Выборъ людей во что выбудь по жребію оставался долгое время очень обыкновеннымъ⁴. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ божій⁵. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ

¹ Гельмольдъ. I, 21. II, 12.

² Сахаровъ. II, 9—10.

³ Рус. Достопаи. III. 186.

⁴ Снегиревъ, Рус. пословицы. III. 217.

⁵ Мацѣевскій, Hist. prawodawstwa Slow. II. 179—187. Снегиревъ, ib. III. 213—216.

жребій имѣлъ религиозное значеніе, видно не разведуніе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя, походы и битвы сухопутныя и морскіе: это видѣли мы въ описаніяхъ гаданья конемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. Гаданьемъ назначалась дни богослужебныхъ празднествъ, какъ знаемъ изъ Гельмольда; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ, какъ знаемъ изъ Константина Порешроднаго, Титмара, Нестора и Гельмольда¹.

V.

Разсмотрѣвши въ частности формы богослуженія, остается обзорѣть общій ходъ богослуженія и при этомъ обратить вниманіе еще на нѣкоторыя подробности, которыя не могли войти въ предъидущее изслѣдованіе, — между прочимъ на игры и игры, обыкновенно слѣдовавшіе за торжественнымъ исполненіемъ обрядовъ богослуженія.

Замѣчая, что входъ въ храмъ не былъ запрещенъ только жрецу и желавшимъ приносить жертвы или узнавать волю боговъ, Адамъ Бременскій и Гельмольдъ даютъ, кажется, знать, что приносить жертвы и совершать гаданія можно было всегда, когда только находили нужнымъ². Изъ описанія жертвоприношеній видно также, что для нихъ не всегда назначалось какое нибудь особенное время, что, напротивъ, они совершались всегда, когда нужно было благодарить или умилоуставлять боговъ, напр. послѣ битвы, послѣ похода, при погребеніи мертваго и т. д. Впрочемъ, хотя эти жертвоприношенія и были совершаемы торжественно, однако, не принадлежа къ обрядамъ постояннымъ, ожидаемымъ всѣмъ народомъ, могли не сопровождаться всѣми условіями обрядности. Были и другіе обряды, были религиозныя празднества, — и на нихъ-то надобно обратить вниманіе, чтобы видѣть ходъ богослуженія.

¹ Гельмольдъ. I, 53. II, 12. Титмаръ. VI, 17. Константинъ Порфир. 9. Несторъ. 35.

² Гельмольдъ. I, 83. Адамъ Брем. II, 11.

Такия празднества должны были быть совершаемы въ определенное время, повторяясь въ тѣ же дни, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ въ определенное время праздновались Коляда и Купало, что продолжается и теперь; такъ праздникъ Яровита и праздникъ Живы приходились въ маѣ, праздникъ Святовида Арконскаго осенью послѣ жатвы, и пр¹. Очень неумудрено, что кромѣ праздниковъ главныхъ, всенародныхъ, были и праздники мѣстные, что въ каждомъ приходѣ или святилищѣ была свои, и что служеніе совершалось довольно часто. Передъ совершеніемъ празднества жрецъ—говоритъ Гельмольдъ—возвѣщалъ о служеніи божеству, узнавши волю боговъ посредствомъ гаданія². . . Это замѣчаніе можно понимать различно: жрецъ могъ узнавать волю божества и о времени совершенія обряда, и о составѣ самого обряда. Возможность втораго смысла доказывается тѣмъ, что, какъ мы видѣли, гаданьемъ не рѣдко опредѣляли, что приносить въ жертву; возможность перваго смысла столь же очевидна, если вспомнимъ, что празднества повторялись ежегодно въ определенное время, а что слѣдовательно нужно было знаніе жреца, чтобы опредѣлять день праздника на основаніи условій календарныхъ, которыя на-могли не существовать во время язычества, оставшись въ народѣ, какъ слѣдъ язычества, и до нашего времени. Какъ бы то ни было, когда время служенія было извѣстно, то народъ собирался къ святилищу,—не одни мужчины, но жены и дѣти, какъ говорятъ Несторъ, Гельмольдъ и Длугош³. Молились, приносили жертвы, узнавая прежде волю боговъ о томъ, что должно быть принесено въ жертву, и совершали гаданья о своемъ будущемъ. Первоприсутствующимъ оставался при этихъ обрядахъ жрецъ, какъ совершатель и хранитель таинствъ вѣры: обряды были двухъ родовъ: одни совершались внѣ святилища, другіе въ самомъ святилищѣ,—и эти послѣдніе въ своемъ составѣ представляются чѣмъ-то въ родѣ молебна, сопровождаемого пѣніемъ, возношеніями, прорицаніями, увѣщаніями и пр. О всемъ этомъ свидѣтельства современниковъ приведены уже были выше, и изъ нихъ самыя подробныя принадлежатъ Дитмару, Гельмольду и Саксонуграмматику. Не нужнымъ считаю повторять ихъ; не могу, однако, не сдѣлать выписки изъ сказанія Саксона грамматика о праздникѣ

¹ Гизебрехтъ, ib. I. 85.

² Гельмольдъ I, 53.

³ Несторъ. 34 39. Гельмольдъ. I, 53. Длугошъ V, 9.

Арконскомъ, какъ изъ единственнаго подробнаго описанія всего обряда, тѣмъ болѣе, что въ прежнихъ статьяхъ можно было вспоминать о немъ только по частямъ. «Торжественное служеніе Святovidу совершалось—говоритъ Саксо—такимъ образомъ. Ежегодно послѣ жатвы собирались жители всего острова передъ храмомъ, приносили жертвы и праздновали именемъ вѣры общественный пиръ. Жрецъ, за день предъ тѣмъ, какъ долженъ былъ совершать служеніе, тщательно выметалъ вѣнникомъ внутреннюю часть храма, въ которую одинъ имѣлъ право входить, и старался при этомъ не дышать внутри святилища. На другой день передъ народомъ, собравшимся у вратъ святилища, жрецъ брагъ изъ руки идола рогъ, и если находилъ, что наплатка въ немъ убыло, то предсказывалъ бесплодный годъ, а если напитокъ оставался какъ былъ, то предвѣщалъ урожай. Согласно съ этимъ предзнаменованіемъ, онъ совѣтовалъ народу быть щедрѣе или скупѣе въ употребленіи хлѣба. Потомъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ идола, въ возліаніе ему; наполнялъ рогъ свѣжимъ и, почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде жреца, просилъ торжественными словами счастья себѣ и отечеству и гражданамъ обогащенія и побѣдъ. Окончивши эту мольбу, онъ осушалъ рогъ однимъ разомъ и, наполнивши опять, клалъ въ руку идолу. Къ этому возношенію принадлежалъ еще пирогъ сладкій, круглый и такой величавый, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка.... Вѣрили, что обрядъ возношенія пирога способствуетъ не только счастью народа, но и обилію съѣдающей жертвы. Потомъ жрецъ привѣтствовалъ народъ во имя бога и увѣщевалъ его ревностно приносить ему жертвы, общая, какъ вѣрную награду за богопочитаніе, побѣды на сушѣ и въ морѣ. По совершеніи всего этого, оставшая часть дня посвящалась пиршеству, на которомъ потреблялись жертвы, и долгомъ считали объѣдаться, почитая воздержность за стыдъ»¹. Саксо грамматикъ въ этомъ описаніи; забывъ дать мѣсто, принадлежавшее жертвоприношеніямъ, опустилъ изъ виду и гаданья, которыя совершались во время богослуженія, какъ ясно видно изъ свидѣтельствъ Титмара и Гельмольда. Съ другой стороны описаніемъ двухъ возношеній, какъ имѣвшихъ для язычниковъ важное и таинственное значеніе, онъ заставляетъ предполагать, что если при служеніи Святovidу Арконскому были въ употребленіи только эти два, то въ другихъ случаяхъ употреблялись и другіе подобные, съ

¹ Саксо грам 824—825

такимъ же значеніемъ. Это предположеніе отчасти подтверждается словами Гельмольда, что формы идолопоклонства были у Славянъ разнообразны, равно какъ и ихъ суевѣрія ¹.

За совершеніемъ религіознаго обряда слѣдовали общенародныя пиршества: это замѣтили и Гельмольдъ, и Саксо грамматикъ, и жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго ². Они совершались у самого святилища, и при нѣкоторыхъ святилищахъ были особенныя храмы, въ которыхъ пировали люди болѣе знатные. Такое назначеніе имѣли три континны, находившіяся при Штеттинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ были кругомъ сѣдалища и скамьи, и во время пира брались въ нихъ изъ храма чаши, рога для питья, ножи и пр ³. Принесенныхъ жертвъ было, можетъ быть, иногда не достаточно для накормленія множества народа, а потому приготавлиемы были и собираемы другія яства. Обычай собранія яствъ въ общенародные языческіе праздники уцѣлѣлъ и до сихъ поръ, напр. въ колядованьи, шедрованьи, и т. п. ⁴. Что эти пиры имѣли религіозный характеръ, видно изъ словъ Саксона грамматика, замѣтившаго, что пиръ, бывавшій во время осеннаго торжества Арконскаго, совершался «именемъ вѣры». По этому—то на нихъ поминали боговъ, или за здравіе кубки о славу божей, о помощи боговъ спасителей противъ бога зла, о будущемъ счастьи народа. Ясно говоритъ объ этомъ Гельмольдъ, замѣчая и заклинанія злаго духа ⁵. Такъ же ясно говоритъ и Христолюбецъ въ своемъ словѣ: «егда же будетъ у кого пиръ, тогда же кладутъ въ вѣдра и в чашю и тако пють о долѣхъ своихъ ⁶». Обычай пить, какъ выражаются Сербы, «здравіцы» сохранился у Славянъ и теперь, сохранивши отчасти и свое религіозное значеніе ⁷.—Къ празднованію пировъ принадлежали пѣсни и музыка, какъ это уцѣлѣло и до сихъ поръ. О такихъ пѣсняхъ и играхъ вспоминаютъ Христолюбецъ въ своемъ словѣ, жизнеописанія св. Оттона и другіе ⁸.

¹ Гельмольдъ I, 53, 84.

² Гельмольдъ. I, 52 Сефридъ 105.

³ Сефридъ. 105.

⁴ Когда собираютъ яства, ходя отъ дома въ дому.

⁵ Гельмольдъ I, 53.

⁶ Востокова Опис. р Рум. М. 228.

⁷ В. С. Караджичъ, Српске пјесме I. 77 и слѣд. Срав. по этому случаю замѣчанія Бернарди, *jahrbücher für Slaw. Lit.* 1843. 237.

⁸ Востокова, *ib.* 229.

По окончаніи объѣда, начинались игрища, состоявшія въ пляскѣ переряживаніи, разныхъ представленіяхъ, болахъ и т. п. Привожу здѣсь о такихъ игрищахъ важнѣйшія свидѣтельства, которыя сами собою безъ объясненія показываютъ ихъ характеръ. Объ игрищахъ у Русскихъ язычниковъ говоритъ Несторъ: «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища. ¹ И игрища эти продолжались и по принятіи Христіанской вѣры: «Се бо не поганьски ли живемъ—говоритъ тотъ же Несторъ: дьяволъ льститъ превабляя ны отъ Бога трубами и скоморохи, гуслими и русальи: видимъ бо игрища утолочена и людей много множество, яко уникати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще, а церкви стоять; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви ²». Христолюбецъ въ своемъ словѣ увѣщиваетъ, что «не подобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ играти, же естъ плясба, гульба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идольская» ³. О тѣхъ же игрищахъ упоминаетъ Кириллъ Митрополитъ въ прѣвѣлахъ: «накы же увѣдѣхомъ, бѣсовская еще держаше обычая трекальтыхъ Еллинъ въ божественныя праздники позоры нѣкыи бѣсовскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкыи скарѣдныя пьяница и быющеса дреколіемъ до самыя смерти и възимающе отъ убиваемыхъ порты» ⁴. Лѣтописи говорятъ, что Новгородцы уже въ 1318 году «утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити» ⁵. Но языческіе обычая этии не кончались; они воздѣ въ Россіи продолжались еще очень долгое время. Такъ Памфилъ, въ посланіи къ намѣстнику Псковскому, при описаніи Купальскаго праздника, говоритъ и объ игрищахъ: «Егда не весь градъ возматется и въ селѣхъ возбѣсается въ бубны и сопѣли, и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ неприязненъ кличъ,

¹ Несторъ. 6.

² Несторъ. 73.

³ Востоковъ. ів. 228.

⁴ Рус. Договам. I. 114.

⁵ Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи. II 235. Въ Зильской доли. въ Каринтіи, сохраняется отчасти до сихъ поръ страшный обычай бити бочки, какъ принадлежность храмоваго праздника.

всѣ скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ выхляніе и ногами ихъ скаканіе и топтаніе»¹. Объ обычаѣ религиозныхъ игръ у Славянъ Польскихъ упоминаетъ Длугошъ: «Въ честь боговъ—говорить онъ—введены игры въ определенное время года. На нихъ толпы обоюго пола изъ деревень сходились въ города, и праздновали эти игры сладострастными, непристойными разговорами и жестами, кривляньями, любовными пѣснями, хлопаньемъ и разными движеніями. И хотъ вотъ уже пятьсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Поляки исповѣдуютъ Христіанство, но и доселѣ нѣкоторыя изъ этихъ игоръ остались въ обычаѣ»². Объ играхъ, слѣдовавшихъ за религиозными празднествами у Балтійскихъ Славянъ, имѣемъ намекъ у Гельмольда³. Подробнѣе говорятъ о нихъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго, рассказывая, что Оттонъ въ своемъ путешествіи близъ Пирица встрѣтился съ толпою народа, торжествовавшей какое-то языческое празднество играми, пѣснями, сладострастными движеніями и сильнымъ крикомъ, изумившамъ путниковъ. Тамъ же находимъ упоминаніе о праздествѣ Юлинскомъ въ честь какого-то бога, объ играхъ и пляскахъ, его сопровождавшихъ по обычаю язычества и т. п.⁴. О подобныхъ играхъ у Чеховъ, называемыхъ ими вообще «радованками», упоминаетъ Козьма Пражскій, рассказывая, что онѣ совершались и въ честь усопшихъ⁵.

Совершать празднества въ честь усопшихъ было въ обычаѣ не у однихъ Чеховъ, а у всѣхъ Славянъ, оставаясь отчасти и доселѣ. Обрядъ погребальный, видимо, былъ также богослужбымъ обрядомъ, сопровождавшимся молитвами и жертвоприношеніями, въ томъ-же родѣ какъ служенія послѣ битвы или войны, когда поминаемы были души павшихъ въ боѣ. Опираясь на вѣрованія въ безсмертіе души, онъ былъ совершаемъ такъ-же весело и разнообразно, какъ и всякое другое религиозное празднество. Юрнандъ рассказываетъ, что «по смерти Атиллы,

¹ Карамзинъ И. Г. Р. УИ. пр. 372

² Длугошъ. V, 9.

³ Гельмольдъ I, 52.

⁴ Сэфридъ 60. Бертольдъ, Geschichte d. Rügen und Pommern I, 566. II. 35

⁵ Козьма Пражскій. 21.

рышари его производили конныя ристанія вокругъ гроба, какъ въ циркѣ, и воспѣвали въ пѣсняхъ его подвиги; потомъ на его гробѣ праздновали большую «страву», какъ называютъ эти народы пирь, совершаемый въ такихъ случаяхъ, соединяя съ печалью радость»¹. Слово «страва» и до сихъ поръ извѣстно въ этомъ смыслѣ многимъ Славянамъ². Оеофилактъ, описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная, замѣтилъ, что онъ началъ на князя Мусокія въ расплохъ, въ то время, когда князь этотъ, праздноя поминны по своемъ братѣ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями³. О тризнѣ по усопшимъ у Русскихъ поминаетъ Несторъ, говоря между прочимъ, что, совершая тризну по князѣ своемъ Малѣ, Древляне пили. Слово «тризна» въ смыслѣ поминovenія усопшихъ употребляется въ одномъ Старорусскомъ да еще у Вацерада въ его Чешскихъ глоссахъ⁴. Коренной смыслъ этого слова былъ другой; «тризна» значило бой, поединокъ, «тризнице»—мѣсто боя, а «тризникъ»—подвижникъ; «тризнити» въ Чешскомъ значить бить, а «тризновати» не только бить, но и насмѣхаться; въ Словацкомъ «трузнитися-тризнитися»—веселиться, играть⁵. Соображая всѣ эти значенія, можемъ заключить, что въ старину тризной называлось празднество, соединенное съ военными потѣхами. Съ тризной можно слѣдовательно сравнить русскую «радуницу» (видимо, отъ корня рад), названіе праздника поминокъ, который состоитъ доселѣ во многихъ мѣстахъ Россіи не только въ трапезѣ намогильной, но и въ играхъ⁶. Такъ и въ Бѣлой Руси сначала ѣдятъ и пьютъ на могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ⁷. У Поляковъ погребальный и поминальный пиръ называется «stupa» (сред. Лат. stips): онъ соединяется также съ пѣснями и играми. Было время, что его принадлежностію бывали и поединки, какъ замѣчаетъ Старовольскій: «Widziałem wiele razy pogrzeby krwi oblane, z których zaraz po obiedzie wysyłano za umarłym dru-

¹ *Йорнандъ*, De Getharnm origine et rebus gestis. 49.

² *Линде*, Słownik. III. 431—432.

³ *Оеофилактъ у Стриттера* Мет. пор. II, 61.

⁴ *Добровскій*, Грам. Слов. I, 158. *Вацерадъ*. 228.

⁵ *Несторъ*. 6, 24, 29: трызна-трызно. *Юнманъ*, Słownik IV. 664.

⁶ *Снешуревъ*, Рус. праздники. III, 47—54.

⁷ *Голембѣвскій*, Lud polski 269.

giego zabitego do nieba; aby oznajmil co za ludzie na stypie byli»¹. У Чеховъ также, по введеніи Христіанства, были въ обычаѣ какія-то представленія, которыя—какъ говоритъ Козьма Пражскій—совершались на перекресткахъ, какъ бы для успокоенія душъ, и игрища надъ мертвыми, во время которыхъ переряживались и всячески бѣсились². У Хорутанъ до недавняго времени сохранялся обычай пировать надъ мертвымъ, ѣсть, пить, веселиться, пѣть пѣсни и пр.³.—Ограничиваюсь этими указаніями, имѣя въ виду только показать, что характеръ богослужебныхъ обрядовъ, и общихъ, и совершавшихся по какому нибудь особенному случаю, оставался постоянно одинъ и тотъ же: они всегда выражали то же вѣрованіе въ благость боговъ, ту же надежду на ихъ милость—и въ жизни и за гробомъ.

---

¹ *Линде*. V. 456.

² *Козьма Пражскій*. 197.

³ *Вальвазоръ*, *Die Ehre* II. Krain. Laibach 1689 II 287—394.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Оканчивая мой опытъ, представляю въ общемъ перечень главных положеній, къ которымъ доводитъ частный разборъ свидѣтельствъ современныхъ и преданій касательно основаній и принадлежностей языческаго богослуженія древнихъ Славянъ.

I. Сравнивая свидѣтельства современныхъ и преданія о языческомъ богослуженіи Славянъ, замѣчаемъ, что всѣ они, къ какимъ бы Славянамъ ни относились, не представляютъ никакихъ существенныхъ противорѣчій, а только дополняютъ и объясняютъ одни другихъ взаимно. Изъ этого можно заключить, что главныя основанія и принадлежности языческаго богослуженія для всѣхъ Славянъ были одни и тѣ же. Не мудрено, что были и мѣстныя особенності, что и время со своей стороны имѣло вліяніе на измѣненіе многихъ обычаевъ богослуженія; но главныя черты его оставались всюду неизмѣнными.

II. Главнымъ основаніемъ богослужебныхъ обычаевъ Славянъ были положительныя догматы ихъ вѣры. Впрочемъ, съ помощію догматовъ, особенно въ томъ ихъ видѣ, какъ они теперь извѣстны, нельзя объяснить всѣхъ условій богослуженія: надобно вникнуть и въ ихъ соотношенія съ частными мѣстами, правилами нравственности, знаніями и понятіями древнихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, при настоящемъ состояніи мифологіи Славянъ и изысканій объ образованности Славянъ въ періодъ язычества, это еще невозможно, тѣмъ болѣе потому, что на раскрытіе многихъ древнихъ свидѣтельствъ надѣяться нельзя, а изъ того, что удѣляло отъ времени язычества въ народѣ, извѣстно въ этомъ отношеніи еще очень немногое.

III. Святилищами богослуженія языческихъ Славянъ были: жертвенники, посвященные божествамъ стихійнымъ воды и огня, жертвенники горные и лѣсные, городища и — храмы. Жертвенники принадлежали преимущественно божествамъ земнымъ, храмы — исключительно богамъ небеснымъ и идолослуженію. Жертвенники занимали и мѣсто храмовъ тамъ, гдѣ не было храмовъ; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что храмы были только въ тѣхъ земляхъ Славянскихъ, гдѣ ихъ обозначаютъ свидѣтельства современниковъ, до сихъ поръ отысканныя.

IV. Жрецы, нося по роду своихъ занятій различныя названія и раздѣляясь по своему сану на нѣсколько разрядовъ, составляли особенный, очень важный классъ народа. Какъ хранители и объяснители вѣрованій и таинствъ религіи, управлявшіе обрядами богослуженія, они имѣли сильное вліяніе на народъ въ его жизни частной и общественной. Нельзя сомнѣваться, что современемъ раскроется болѣе данныхъ о томъ, что жрецы были у каждаго изъ Славянскихъ народовъ. Тогда, быть можетъ, рѣшатся и вопросы: въ какомъ соотношеніи находился санъ жреца съ саномъ князя, — кѣмъ не изъ жреческаго сословія могли быть исполняемы должности жрецовъ и въ какихъ именно случаяхъ, — какими условіями опредѣлялись отношенія жрецовъ къ жизни семейной, — какое мѣсто въ жреческомъ сословіи занимали жрецы, и т. д.

V. Язычникъ Славянинъ считалъ своимъ долгомъ и правомъ — славословить боговъ, торжественными обрядами моленій и жертвоприношеній выражать чувства преданности къ нимъ, — молить боговъ объ освященіи и очищеніи отъ всякаго зла его самого и того, что ему нужно, обрядомъ жертвъ освящать яства и оружія и очищать себя отъ грѣховъ, — разгадывать волю боговъ, обрядомъ гаданій узнавать, что дѣлать и отъ чего остерегаться. Такъ молитвы, жертвоприношенія и гаданія были главными частями богослужебнаго обряда.

Молитвы славословныя, просительныя и благодарственныя возглашались и пѣлись или исполнителями обряда, или всенародно. Возглашеніе было иногда тайное, шопотомъ, а пѣніе сопровождалось иногда музыкой. Религіозное значеніе пѣсень и пѣснотворцевъ, по недостатку данныхъ, остается пока еще мало понятнымъ. Его объясненіе не возможно безъ подробностей о повѣрчяхъ народа, сюда относящихся, и безъ изслѣдованій народныхъ пѣсень, между которыми дѣются и многія молитвы языческаго времени.

Жертвоприношенія были — или возношенія благоуханій, яствъ, оружія, или собственно жертвы закланія и соженія (отчасти и потопленія) животныхъ и людей. Съ первыми соединялось понятіе о тайнѣ освященія духомъ божества, со вторымъ понятіе о тайнѣ очищенія отъ грѣховъ. Обрядъ погребенія, и по цѣли, и по содержанію, былъ однимъ изъ обрядовъ жертвоприношенія.

Гаданія, помощію жребія и объясненія божественныхъ прорицаній замѣняли собою во многихъ случаяхъ рѣшенія ума, сердца и закона, отдавали народъ во власть тѣхъ, которые по-

священны были въ тайну проицанія воли божества, и тяготѣли надъ нимъ во всѣхъ его предначинаніяхъ, частныхъ и общественныхъ. Рисуя древнихъ Славянъ глубоко преданными своимъ богамъ, глубоко вѣрующими въ участіе, ими принимаемое въ людяхъ, они заставляютъ предполагать въ тѣхъ, кто управлялъ ими, особенныя таинственныя знанія, хоть и смѣшанныя со многими суевѣріями, но не состоявшія изъ нихъ однихъ.

Къ обряду богослужебному принадлежали, вѣроятно, и чары; но объ нихъ не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ современныхъ; изъ того же, что до сихъ поръ знаемъ о нихъ изъ повѣрій народныхъ, трудно рѣшить, какія онѣ были и въ чемъ заключались.

За совершеніемъ обряда слѣдовало всегда священное пиршество, сопровождаемое разнаго рода играми—пляской, пѣснями, борьбой и пр.

VI. Были особенные дни, посвященные богослужебнымъ торжествамъ, ежегодно въ извѣстное время. О годичномъ кругѣ языческихъ празднествъ Славянскихъ сохранилось много данныхъ въ обычаяхъ и преданіяхъ народа: изъ нихъ ясно видно, что главнымъ основаніемъ этого круга было поклоненіе солнцу; но его удовлетворительное описаніе не возможно безъ многихъ предварительныхъ изысканій.
